

уральский

следопыт

№6 ** 1978**

ГЕРОЯМ АДЖИМУШКАЯ

В 1942 году, когда фашисты подошли к стенам Керчи, тысячи советских солдат и местных жителей спрятались в Аджимушкайских катакомбах. 170 дней и ночей защищался подземный гарнизон...

Как и Брест, Керчь стала легендарной, символом героизма.

До глубины души потрясла судьба защитников Аджимушка Сашу Петрова, рабочего парня из Перми. Он перечитал все книги, посвященные этой странице Великой Отечественной войны, в отпуски ездил в Керчь, лазил по катакомбам, находил там свидетельства героической трагедии — могилы, оружие, каски, надписи на стенах... Ценные реликвии он передавал в музей.

Чем еще увековечить память героев!

Слесарь локомотивного депо Александр Петров сделал памятные медали. Одну из них Керченский краеведческий музей решил тиражировать и дарить гостям города-героя как сувенир.

Есть у А. Петрова самодельные медали и на уральские темы.

На снимках: медали, сделанные пермяком Александром Петровым.

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНА ЗЕМЛЯ!	2
МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ — БАМУ	6
ЛЕТО	8
С. Федоров ЛЕСНАЯ АКАДЕМИЯ	10
Н. Щекутова ГЛАВЫ ПРО ТРАВЫ	11
Д. Фаермарк В ПЛЕНУ У ЧИСЕЛ	17
Б. Челышев КАЛЕНДАРИ	23
С. Бетев АФОНИН КРЕСТ. Повесть. Окончание	24
Ю. Борисихин ШУМИТ, НЕ УМОЛКАЯ, ПАМЯТЬ-ДОЖДЬ...	46
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	48
Л. Сорокин, В. Беднов И ЛИСТЯ ПЛЕЩУТСЯ, КАК ФЛАГИ	50
А. Матвеев ЯЗЫК ЗЕМЛИ. Продолжение	53
Ю. Дунаев ПЕРВЫЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ КАРАВАН	57
В. Матэр ЗОЛОТОЙ ДРАКОН. Рассказ	58
Б. Рыбаков ЧТО ЗНАЧИТ МОЯ ФАМИЛИЯ!	63
М. Немченко ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПАСТБИЩ. Рассказ	66
В. Латушов А СКАЖИТЕ МНЕ, ГОЛУБЧИК...	71
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	72
В. Алябьев ПИЛОТ И БРАКОНЬЕРЫ	74
А. Омельчук КОГДА БЫЛ ОСНОВАН ОБДОРСК!	76
Е. Ищенко МИКРОДЕТЕКТИВЫ	77
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь).

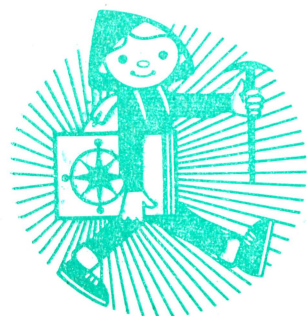
Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/II 1978 г.
НС 11079.
Подписано к печати 11/IV 1978 г.
Бумага 84×108/16.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 11,0
Тираж 275 000.
Заказ 598.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
С. СУХОВА
Оформление 2-й стр. об-
ложки — С. МАЛЫШЕВА

© «Уральский следопыт», 1978 г.

№6 * 1978

**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**

ИЗ ЧЕГО

КОГДА ГОВОРЯТ О ПРОФИЛЕ УРАЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА, ТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО НАЗЫВАЮТ ФИЗИКУ И ХИМИЮ ТВЕРДОГО ТЕЛА. ВСЕ ВЕРНО: ИНТЕРЕСЫ НАУКИ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ХАРАКТЕРОМ ЭКОНОМИКИ КРАЯ. А УРАЛ — КРАЙ, ГДЕ ИДЕТ МАСШТАБНАЯ РАБОТА С ТВЕРДЫМИ ТЕЛАМИ — РУДОЙ, МЕТАЛЛАМИ. И НАШ РАЗГОВОР С ДИРЕКТОРОМ ИНСТИТУТА ХИМИИ УНЦ, ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ АКАДЕМИИ НАУК СССР ГЕННАДИЕМ ПЕТРОВИЧЕМ ШВЕЙКИНЫМ — О ХИМИИ ТВЕРДОГО ТЕЛА.

ЛОГИЧЕСКИ СТРОГО, МНОГОМЕРНО ОЧЕРЧИВАЕТ УЧЕНЫЙ В БЕСЕДЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОРГАНИЧЕСКОЙ ХИМИИ. ОДНАКО НАШ РАЗГОВОР О НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ В ХИМИЧЕСКОЙ НАУКЕ, ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ ТВЕРДОГО ВЕЩЕСТВА СОРИЕНТИРОВАН НЕ НА ВЗРОСЛОГО, ИСКУШЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ, А НА ПОДРОСТКА, И ПОТОМУ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ МОЕГО СОБЕСЕДНИКА, ЕСТЕСТВЕННО, ДАНЫ В ПОПУЛЯРНОМ ИЗЛОЖЕНИИ.

— **В** древности окрепла аксиома: твердые тела не реагируют, на это способны лишь жидкости. Затормозила ли движение общей химии и химии твердого тела эта категоричность!

— Вон вы в какую давность маханули! Ну что ж... Действительно, вокруг химии твердого тела долгое время существовал как бы заговор молчания. В жидкостях и газах атомы летучи, атомы же кристаллов неподвижны. Не пускала исследователей кристаллическая решетка... И философский камень был камнем на шее химии, хотя бы потому, что алхимики мало изучали твердые тела. Долго, очень долго люди ошибались, полагая, что твердые тела химически инертны. Ученые даже не пытались рассекречивать таинство реакции в неожиданных телах. А на практике — то люди издавна управляли химическими реакциями с участием твердых тел — плавил металл, делали из глины посуду. Теперь человек буквально горы ворочает. Исследовательская мысль основательно трудится над познанием скрытного твердого вещества. Стала ясна безусловная трудность: в металле все происходит иначе, чем в газе или жидкости. Химикам-твердотельщикам — бытует у нас такой рабочий термин — пришлось вооружиться экспериментальной техникой не хуже той, что у физиков. Ведь надо не просто видеть, а быстро видеть, ибо некоторые реакции идут с очень высокой скоро-

стью. Химики придумали как бы локатор для слежения за летящими в глубине вещества атомами. Твердое тело облучают электронным лучом, диаметр которого около микрона. Тогда облученные атомы шлют рентгеновское излучение. Оно-то и анализируется. Допустим, ученые видят, что такая-то примесь чрезмерно включилась в реакцию, стала определять ход атомного действия. Им становится ясно, что если не помешать этой примеси главенствовать, то мы получим в результате реакции ненужное вещество с непредвиденным свойством. Иначе говоря, хотели, допустим, получить сплав, а в руках оказался воск...

Вернусь к началу... Еще нет полного ответа на вопрос «Из чего сделана Земля?» Но техника уж точно сделана из Земли, которая не туманность, а твердый шар. Шар, конечно, с водой, с газом. Все же это твердое тело. Не зря вековая фраза гуляет: твердь земная. Химики продолжают опыты природы по созданию новых веществ, из которых можно строить новые машины, синтезируют твердые вещества, какие природа не успела приготовить. Она выпекла 2200 минералов, из коих люди производят 20 миллионов различных предметов, но теперь человеку и этого мало.

Зачем я говорю об этих известных вещах? Удивляет история науки! Химия твердого тела до двадцатого века почти не двигалась. Даже

СДЕЛАНА ЗЕМЛЯ?

микроскоп не совершил революции. Столь могучей оказалась сила массового заблуждения в том, что твердые тела не реагируют. Но грянут открытия химии твердого тела — важнейшей из наук. Мир материалов, и ХТТ одевает мысли, идеи человечества в новые одежды. ХТТ создает облик века.

Часто пишут в журналах и газетах о монокристаллах. Выращен сапфир размером с яблоко, вынянчен алмаз. Монокристаллы — «талантливые» вещества. Вот, к примеру, устройство с монокристаллом, способное преобразовывать давление пальца в электрическое напряжение. Сапфировый кончик оси в часах делает их долговечными механизмами. Как строить монокристалл?

Вот аналогия, которая проясняет, как выращивают монокристаллы. Представьте, мы примемся выращивать в поле из колоска пшеницы колос вышиной с дерево. Хитро погоним к выбранному колоску все соки земли, поднимем высоко в небо зеркало, которое будет освещать солнцем колосок, сколько потребуется. И станут в колосе зернышки размером с булку. Обжарим их — хлеб готов. Так химики искусно держат кристалл-избранник в эпицентре не солнечного тепла, а охлаждения, чтобы он рос и рос, поднимался над собратьями, чтобы он из микромира поднялся в мир видимых предметов, из кристалла вышел в монокристаллы. «Трудная это работа — из болота тащить бегемота». Эти популярные стихи — про то, как химики тянут из микромира монокристаллы.

— К слову, вы монокристаллы назвали талантливыми веществами, которые творят чудеса в технике, а что вы думаете о таланте ученого? Какие у вас единицы измерения таланта?

— Талант — это работа, совершенная в единицу времени? Спрашивал я некогда себя и отвечал утвердительно. Теперь я думаю, что это определение не таланта, а работоспособности. А где истинный критерий талантливости? Информация, выданная ученым, должна преобразовывать мир. Вот настоящая мера ученого! Понимаю, что было и будет

в истории: неоцененные таланты. Современники могут не заметить чьих-то идей, а лишь благодарные потомки... И все-таки единственный критерий таланта — масштаб преобразований общественной жизни, которые он совершил.

Примеси веществ меняют жизнь человечества... Стоило к меди примешать олово и сурьму, как получилась бронза, и начался бронзовый век. Видите, каменный, бронзовый, железный век — все это названия материалов, из коих делали орудия труда, все это твердые тела, все это химия твердой земли. Простите, не удержался и воспользовался случаем похвалить свою любимую ХТТ... Итак, примеси веществ меняют жизнь человечества, примеси талантливых людей тоже меняют жизнь общества. Так я думаю о таланте ученого, хотя это отношу и к художнику, политику, музыканту, писателю. Но вы спрашиваете об ученом, я об ученом прежде всего и говорю...

— Человек на войне и тот же человек в мирное время, на курорте. Полярные состояния. Возможен ли материал, способный расслабляться в покое, а в работе напрягаться, словно мышцы!

— Закаленная сталь сохраняет ту структуру, что она имела при высокой температуре. Физическая глубина этого парадокса оценена, кажется, учеными. Металл, стоя, бежит. При нормальной температуре он имеет структуру, возникшую в мгновение критической жары, при закалке. Получается, что металл на всякий случай всегда напряжен, и он устает. Несомненно, появятся материалы, реагирующие на усиление нагрузки.

— Металлический самолет летит со скоростью звука, а как летит звук в металле? В одной сказке богатырь крикнул — и камень рассыпался. Наш век шумлив, и все живое страдает от шума, а неживая природа, равнодушна ли она к шуму?

— Пока не слышно, чтобы с помощью музыки, например, упрочнили сталь. Но есть в литературе лавина статей о том, как ультразвук действует на вещества, способствуя

или препятствуя их превращениям. Ультразвук, например, крошит в воде свинец. Сможет ли человек летать в твердом веществе, раздвигая его ультразвуковым острием? Есть такая фантастическая идея. Она делает понятнее важность изучения звуковых волн в твердом теле. В нашем институте появились подобные работы. Что такое волна? Сжатие — затем разрежение. Жидкость не сопротивляется сдвигу и потому волнуется. Твердое же тело не хочет изменять ни объем, ни форму. По поверхности стали не побегут волны от налетевшего ветра. Наглядное, глубокое отличие от жидкости. Однако это очевидное отличие еще не изучено. В твердом теле кроме продольных волн возникают и поперечные. Природа их, к примеру, весьма таинственна.

Мы, земляне, замурованы в стене, которая нигде на планете не начинается и нигде не кончается. Эта стена — сила тяжести. Лишь космонавты ощутили сладость свободы от ее власти и, впрочем, они испытали одновременно и горечь потери ее. Ни на миг не задремлет на Земле гравитация. Вот где-то пошла взрывающая волна. Она есть не что иное как сплюснутый воздух, летящий стучающей атмосферой. Но неотвратимо растворяет этот стучок сила тяготения. Почему обо всей этой физике говорю я — химик? Потому что сила тяжести участвует в химических реакциях. Изменение ее — это изменение хода реакции. Даже существует гипотеза возникновения жизни на земле от удара метеорита. От удара появились белковые молекулы, неживое перестроилось в живое.

Советские ученые сделали открытие (зарегистрированное под № 125): полимеризация в ударных волнах. Через сырой каучук проходит ударная волна — и он превращается в резину. Значит, и землетрясение что-то там всегда синтезирует в недрах. Конечно, от гневного стука кулаком по столу ни стол, ни кулак не становятся крепче. Взрыв из сложного делает простое, если это взрыв разрушения. Архитектурный шедевр бомба превращает в руины. Но взрыв может из простого делать сложное, если это взрыв созидания. Так взрыв, ударные волны стали сби-

вать из рыхлого чешества более плотное и прочное вещество, так удар делает новые материалы.

Еще о скрытом влиянии космоса... Иногда в химических цехах происходят странные вещи. Без видимых причин вдруг идет брак. Расследовать причины взялась международная комиссия. Оказалось, что дважды провести один и тот же опыт нельзя, абсолютно одинаковых результатов не получается. Случайности? Почему же тогда меняется результат, если и температура, и давление во всех опытах были неизменны. Догадка: а не происходит ли все это из-за того, что меняется космическая обстановка. Астрология? Колебания солнечной активности колеблют результаты деятельности химических предприятий. Тогда надо ставить опыты под колпаком, защищающим колбы от излучений космоса. Если космос действительно влияет на превращение земного вещества, то под колпаком опыты будут идти без изменений. Ныне в науке аспирантская скромная работа, например, о распространении звука в стекле идет на высокой философской волне: а что вообще происходит с веществом Земли, ибо земное вещество не молчаливое, а звучащее?

— Теперь вот о чем хочу спросить... Иногда химики похожи на геологов, потому что довыискивают в руде химические элементы, не замеченные геологами...

— Бывает, и геологи идут вслед за химиками. Если верить, однажды геологи якобы нашли новый минерал, а это, оказалось, были отходы химического завода... Значит, геологи не умеют отличить природное от искусственного? Умеют, но могут и ошибиться. Иначе зачем убеждать, что химики делают алмазы не хуже природных и даже лучше, и не только алмазы. Химики заняты синтезом новых веществ. Для этого они ищут закономерности образования веществ. Геологи все изобретательнее ищут редкие элементы, и те же химики все хитроумнее извлекают их из куска руды. Уральские химики помогают металлургам тщательнее выбирать ценные вещества из недр, но и, конечно, мы создаем материалы, каких нет и быть не может в природе. Если же мы станем лишь синтезировать новое, то наше творчество быстро иссякнет, как становится бесплодной поэзия без соприкосновения с жизнью. Химики будут и в будущем вглядываться в эволюцию вещества планеты. Как произойшли минералы? Почему именно такие? Есть ли на других планетах элементы, каких нет на земле? Первый ответ: есть, это — технией на звездах. А что произойдет, когда химики получат возможность подсажи-

вать взвездные элементы в земную кору? Удается ли тогда обогатить фонд минералов и вызвать новые превращения веществ?

— Биологи проводят эксперименты с искусственной биосферой. Опыты показывают, что в экологических замкнутых пространствах скорость круговорота вещества может быть увеличена по сравнению с природными условиями в тысячу раз. В тысячи раз быстрее может расти пшеница и огурец. А конструкционные материалы можно получить гораздо быстрее!

— Круговорот твердого вещества в земной коре осуществляет вода. Капельки воды снуют в недрах, как муравьи, перетаскивая с места на место крупницы магния, железа и других элементов. Нет капелек-тружениц только под Антарктидой. С этого материка вещество таким способом не растаскивается. Он забронирован льдом. Тут нет нисходящих растворов. Рассмотрим, как крутится колесо природы. Капельки воды по воле силы тяжести идут сквозь граниты и базальты в глубину. А там — жара. Вода превращается в пар. И в виде пара вода возвращается к поверхности земли. И опять становится капельками, и опять идет в глубины. Миллионлетия вершится это чудо. Пар-то поднимается с грузом. Он приносит кремнезем, который нужен для образования гранита. Вот как природа делает материалы. Человек должен делать материалы в миллионы раз быстрее. Дренажная оболочка Земли составляет буквально к ногам человека весь набор химических элементов. Бери — твори! Добавлю, что минеральные вещества проходят сквозь растения, животных, человека. Умерев же, мы идем сквозь минералы. Живое и неживое — встречные потоки...

— А почему среди минералов важнее всего железо?

— Железистые кварциты завоевали жизненное пространство на планете. Как это им удалось? Любимец богов — железо? Гипотез много. Одна из них: а, может, космос одарил планету железом, может, она пролетела сквозь дождь кварцитов, и человечество оделось в космичекие железо. Люди заминались о камни с железом, и наконец-то, подняли их (с металлургическим интересом), и так возникла наша стальная цивилизация.

Кстати, поговорим о самой Земле, о ее геометрии. Может, она, построенная из кристаллов, вовсе не шар, а тоже кристалл? С гранями, плоскостями, симметрией?..

Вначале напомним, что наша планета в основной своей массе — твердое тело. Океаны — это лишь

трепещущая от ветров вуаль на ее лице, которое в шрамах горных хребтов. О Земле миллионисто говорят: шар. Хотя ученые и непрерывно уточняют форму колбы чело-вечества, но и самые дерзкие видения находятся в скромных геометрических пределах. Все-таки Земля — шар. Но есть, есть смелые гипотезы...

Философски настроенные химики замечают с некоторого времени в поведении природы странные вещи. Миллиарды лет росли на Земле кристаллы и продолжают расти. Многие из них увидены, изучены. И вот что обнаруживается: у новых кристаллов все более сложный химический состав, но чем сложнее кристалл химически, тем примитивнее его архитектура, симметрия! Фантазия природы скудеет? В ней происходит нечто подобное тому, что в градоостроительстве. Ничего лишнего в объятии стеклом и бетоном пространства: дома — коробки. Химики, увидев, что усложняющийся химический состав природа стала стремиться заключать в упрощающуюся геометрию, вдруг обратили внимание и на то, что в живом мире тоже изменение геометрии: все меньше конструкций в виде шара и все больше радиально-лучевых. Так и подмывает пошутить: и новые люди, акселеранты, подтверждают то, что при усложнении внутренней организации форма упрощается. Они — более угловатые люди, чем их отцы и деды...

Итак — гипотеза. То, что замечено за кристаллами, можно перенести на земной шар. Он, очевидно, тоже упрощает геометрию. Шар становится кристаллом.

— Коли разговор у нас приобрел всеземной замах, то не пофантазировать ли нам о том, что не наступит ли век, когда большая часть Земли будет переработана людьми в машины и здания...

— Врач, фотографически точно знающий анатомию человеческого тела, еще не силен, если он смутно представляет молекулярную жизнь организма. Химик, знающий геометрию и кристалла, и Земли, но не ведающий динамики земного вещества, — несовершенно химик. Пращуры строили свои гнезда-жилища на деревьях, а теперь деревья, как былинки, растут на крышах огромных зданий. Велика ступа нынешней химии, в которой перемальвывается твердь земная. Все больше вещества и в виде самолетов, и вертолетов роится над планетой. Если смотреть на Землю со стороны, то можно заметить, как частички-самолеты дальше и дальше отскакивают от земного шара. Будто он начинает испаряться. Короче: на планете и над ней стало заметно больше организованного вещества. Техника — это высшая фео-

ма движения вещества по воле человека. Техника — плоть от плоти Земли. Выберут ли наши потомки в далеком будущем сердцевину планеты, превратят ли они Землю в пустотелый шар? Кто ответит? Но, в общем-то, жизнь летит именно к этой фантастической картине. И все же давайте смягчим прогноз о пустотелом земном шаре. Мы плохо эксплуатируем вещества! Односторонне. А надо в одно вещество затолкать как можно больше полезных свойств! Это могут лишь химики. Тогда одна и та же машина будет одинаково надежна и в жаркой пустыне, и среди ледяных торосов.

— Геннадий Петрович, куда клонится химия — к чистоте веществ или к смеси их?

— Химики умеют выделять элементы. Наступила же эпоха композитов.

Игра смесей. Это настоящая работа. Творение нового, а не описание того, что есть. То же произошло, скажем, и в биологии, биология от описательства флоры и фауны перешла к совершенствованию растений и животных и к созданию новых... Я уже говорил, что век называют по материалу, из которого сделаны главные орудия труда. На дворе — век синтеза. Не каменный, не бронзовый, не железный. Век комбинированных и перекombинированных материалов, каких и быть не бывало в помине. Ни в природе, ни в арсенале ушедших цивилизаций. Сам мир — композит. Единство живого и неживого. Единство противоречий. Неравновесие в равновесии. Сам человек — композит. Живые клетки его тела состоят из мертвых веществ. Примеров того, что мир соткан из композитов, уйма. Если провести инвентаризацию Вселенной — это будет нескончаемый список композитов. В чистом виде из элементов земной коры существуют, пожалуй, лишь золото да платина. Самородные минералы. Аристократы в таблице химических элементов, которые не желают вступать в реакцию ни с какими другими элементами, менее драгоценными. Раньше кузнец не задумывался, из чего бы сделать, скажем, литовку или серп — ковал из железа. Не задумываясь, из железа он лепил-ковал и какое-нибудь нехитрое приспособление, например, засовы. Теперь конструктор даже не открывает справочник по материалам, он знает, что нужного материала в природе и на заводском складе нет, и его еще требуется создать. Новые машины, пусть не полностью, делают из новых материалов. Оригинальные машины потому только иногда и удается сделать, что синтезирован подходящий материал. Нарисованный на ватмане механизм призывает химиков создать невиданные материа-

лы. Созданные материалы побуждают конструкторов проектировать неслыханные устройства и механизмы.

Композиты... Стекло с примесью лантана или циркония становится огнестойким, лабораторным стеклом. Выдерживает высокую температуру — до четырехсот градусов. Стеклопластики — вот удивительный материал. Если сделать из него крыло самолета, оно будет гибким, как у птицы. Углепластики — это композиты с волокнами углерода. Из этого материала могут быть выполнены даже лопасти вертолета или лонжероны — самолетные рули. Композиты перевернут традиционное мышление. Повторяю: инженеры станут проектировать машины из несуществующих материалов. Инженеры смогут, действительно, фантазировать о будущем техники.

Химики — вдохновители и исполнители инженерной мечты. Однородные материалы к концу века, надо полагать, будут редкостью. Эра синтеза. Ожидается производство тканей, в одежде из этих тканей можно загорать. Пластмассы делают из ничего — из газов. Они и дешевле металла. На авиалайнере — сто двадцать тысяч деталей из синтетики. Пластмасса повсюду комбинируется с металлом. Это как бы материал-изделие. Еще один вид стекла — ситалл. Управление кристаллизацией позволило получить новый строительный материал — шлакоситалл. Из него делают долговечные трубы. Получена и такая вещь — стеклоцемент. Поражают «усы», их возможности. «Усы» — это нитевидные кристаллы, которые специально выращивают. Они прочны. Медные усы, к примеру, выдерживают нагрузку 600 кг на мм². Вот бы строить из этих крепчайших усов мосты или строительные краны. Изящные творения человеческих рук поспорили бы с паутиной. Но, увы... Усы коротки, всего несколько миллиметров. Пробовали удлинить — волшебная прочность исчезает. А если сделать сверхпрочный композит: залить усы пластиком. Идут эксперименты.

Я ничего не сказал о веществах высокой чистоты. Идеальный предел для химии, которая охотится за чистыми веществами, — это получение любых «сортов» атомов и молекул (без примесей других) и сохранение их в чистом виде. Представьте пузырьки, где атомы золота, как зерна пшеницы, и молекулы цинка, серенки, как зерна ржи. Но не должно быть в пшенице ни одного зернышка ржи. И не должно быть во ржи ни зернышка пшеницы. Это будет выполнимая задача для Золушки из химической лаборатории XXI века. Сейчас чистое вещество прячут от космических лучей в герметичных контейнерах из тефлона или кварца. Но для идеально чистых материалов эти шкафулки, ларцы — грязные. Все

в мире взаимосвязано. Это относится и к микромиру. Отгородиться от жизни не удастся даже крохотуле-молекуле. Денно и ночью пронесется космические частицы. Ни один изотоп не остается неизменным. Ни одна молекула. Все перемешивается. Новые и новые композиции химических элементов возникают и пропадают в глубинах земного вещества, композиции, никогда и никем не увиденные...

— Известны слова Карла Маркса об «овеществленной силе знания», которая есть не что иное как машины, здания, мосты, дороги, построенные рукой человека. Овеществленная сила знания. Каким веществом овеществленная, — наверное, вот вечная проблема практической и теоретической химии!

— Верно, это забота химиков, — овеществлять проекты, идеи новых машин и зданий. В основном автомобиль сделан из металла. Автомобилисту достаточно знать лишь это. Химикам же должно быть ведомо, из чего сделан и сам металл. Лабораторная посуда сделана из особого стекла. Провизору, допустим, этого знания вполне достаточно. Химик же ищет ответ: а из чего сделано стекло? Ведь стекло теперь столько, что лучше не гадать, а с помощью анализа узнать состав. Как в природе, так в технике все перемешано. Изумительная путаница веществ. Аристотель считал, что самые верные способы богатеть — это заниматься или земледелием, или скотоводством, или рыбной ловлей. Ни то, ни другое, ни третье нельзя вести успешно без надежных орудий труда, которые бы, как соломинки, не ломались в руках. Химики и смешивают вещества, чтобы из композитов получались более надежные устройства, механизмы, машины.

Беседа вел Ю. Липатников

Молодые ученые — БАМу

БАМ строит вся страна. Проблемы Байкало-Амурской магистрали решают и молодые ученые семи академических институтов Иркутского научного центра. Например, молодежь Института земной коры Сибирского отделения АН СССР организовала отряды, которые изучают сейсмические и геологические условия строительства второго Транссиба. Составлены карты эпицентров и сейсмической активности трассы от Байкала до Олекмы. Молодые исследователи Института географии Сибири и Дальнего Востока изучают вопросы охраны природы в зоне БАМа. Экспедиция медиков провела исследования в поселках Улькан и Кунерма и выдвинула гипотезу об особой геоэлектромагнитной обстановке в этом районе, знание ее и должно определить характер местного здравоохранения. Молодые ученые занимаются также проблемой гноса и глубинным строением земной коры там, где идет БАМ, измерением радиолиний оперативной связи строителей и многими другими проблемами. Ниже — хроника конкретных дел научной молодежи Иркутска.

ПОЛЕ В ДОМЕ

Именно так, фитотрон или станция искусственного климата Сибирского института физиологии и биохимии растений в Иркутске — это поле в доме. В подвале фитотрона работают мощные установки, чтобы наверху зеленели всходы ржи или пшеницы. Двадцать восемь камер «зеленой станции», в которых создаются все времена года, работают в основном на БАМ. Потому что здесь «обкатывают» сорта ячменя, гороха, бобов, гречихи, пшеницы, испытывают сотни сортов растений, чтобы выбрать морозостойкие, способные жить в зоне Байкало-Амурской магистрали. Короче, фитотрон в Иркутске заботится о хлебе насущном бамовцев нынешнего и завтрашнего дня.

Фитотрон — громадный научный прибор, для которого построено специальное здание. Инициатор создания сибирского фитотрона — профессор Аркадий Иванович Коровин (теперь он заведует одним из отделов Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства имени Н. И. Вавилова). Он много лет изучал воздействие внезапного холода на культурные растения, охотясь за весенними заморозками в Карелии, на Северном Урале, в Якутии. Мысль, как ускорить отбор хладостойких растений, как сделать искусственные заморозки, никогда не покидала целеустремленного исследователя. И биолог вместе с инженером Владимиром Константиновичем Курецом устраивали, где случится свободный чулан или какая-нибудь кладовочка, кустарные фитотроны. Но вот само время укрупнило дела этих энтузиастов. Сибирская наука обрела масштаб и финансовую

мощь. Стало возможным построить настоящий фитотрон. Конечно, для этого разыскивали в стране лучших специалистов. А это и были профессор Коровин и инженер Курец. Курец построил фитотрон в Иркутске без единой импортной детали, станция искусственного климата стоила не пять миллионов рублей, как предусматривал проект, а всего-то миллион. И давала она и сибирский мороз, и самаркандскую жару — минус сорок и плюс сорок. Все так есть и поныне, удешевленный фитотрон с годами не теряет мощи кондиционирования...

— Сами собой растут только грибы, — шутиливо заканчивает рассказ об истории создания иркутского фитотрона исполняющий обязанности заведующего лабораторией физиологии устойчивости растений кандидат биологических наук В. А. Воробьев. — А в науке все сколько-нибудь заметное не появляется вдруг. И те, кто гоняет ныне могучий фитотрон в экспериментах, помнят о первопроходцах — о Коровине, о Курце.

Отведя тяжелую дверь, мы входим в одну из камер фитотрона. Солнечно, как в южных горах. Спрашиваю Воробьева, а не лишку ли света, ведь в Сибири так, вроде бы, не бывает? «Еще как бывает! В июле», — отвечает он. «А почему потолок стеклянный да еще залит водой?» — опять спрашиваю. «Это тепловой фильтр. Чтобы задержать ненужную для растений инфракрасную радиацию», — Воробьев взмахивает рукой, как бы отсекая эту пагубную радиацию. «И в какое время года мы вошли?» «В июль и вошли. Видите, пшеница уже рослая», — Воробьев погладил растения. И еще рассказал мне мой гид: температура в такой камере поддерживается

с точностью в полградуса, относительная влажность тоже выдерживается строго, в корнях растений скрыты термостаты, которые следят — тепла ли почва. Есть в фитотроне и особые камеры, морозобойные, там снижают температуру до минус пятидесяти. Климатические камеры сибирского фитотрона позволяют проводить широкие программы исследовательских работ, чтобы изучить влияние на растения температуры почвы и воздуха, влажности, интенсивности освещения.

А вот мы в «трюме» фитотрона. Плетение труб. Гул моторов. Это — техника кондиционирования. Это — целый завод по переработке уличного воздуха, который тут или нагревается или охлаждается. Воздушный завод дал возможность исследователям за последние годы размножить в камерах более двухсот пятидесяти образцов яровой пшеницы, полтораста образцов ячменя, овса, гороха, испытать на устойчивость к заморозкам и засухе десятки сортов злаков. Сибирский фитотрон сотрудничает с Тулунской селекционной станцией и Сибирским научно-исследовательским институтом сельского хозяйства. Здесь, на фитотроне, в лаборатории физиологии продуктивности растений разработана для БАМа пленочная теплица. Сейчас строителям магистрали помидоры возят на самолетах из Крыма. В пленочной же теплице можно будет с апреля по ноябрь выращивать и помидоры, и огурцы.

Минводы Сибири

В районе только восточной части БАМа, в Амурской области и в Хабаровском крае, выделены пять разновидностей минеральной воды. Особо интересуют ученых углекислые воды, аналогичные нарзанам.

Опыт первопроходцев

Экономическое освоение района БАМа идет и будет продолжаться не стихийно, а подчиняясь закономерностям освоения новых территорий. Иркутские экономисты О. Гулева, В. Логинов и другие уже обобщают пионерный опыт БАМа и считают, что он будет иметь огромное значение для овладения ресурсами такого края с экстремальными условиями, как Уральское Приобье.

Что на Чаре?

Исследователь А. Щетников из Института географии Сибири и Дальнего Востока сделал на конференции, посвященной БАМу, доклад о геохимии Чарской котловины, в которой обнаружено более двух десятков микроэлементов — титан, медь, молибден, хром, свинец, ниобий и другие. Результаты множества анализов речного ила были обработаны на ЭВМ, и полученные картограммы распределения каждого из двадцати четырех микроэлементов могут быть использованы в поиске месторождений полезных ископаемых на Чаре.

Мороз старит

Молодой ученый В. Выркин, проведя многолетние наблюдения, доказал, что выветривание пород около снежников и наледей летом происходит в три-четыре раза быстрее. Следовательно, надо учитывать, что и бетонные сооружения около снежников и наледей тоже состарятся гораздо быстрее тех построек, которые не во власти частых заморозков.

Не кашлять!

Медики (терапевт, хирург, окулист, дерматолог, биохимик) провели профилактический осмотр около ты-

сячи бамовцев. Выяснилось, что две трети приехавших из южных районов страны практически оставались здоровыми в суровом Забайкалье. А кто и болел из-за простуды, то лишь первые две недели жизни на стройке. Не так уж страшен сибирский мороз!

Живые скалы

Молодые геологи В. Авдеев и А. Чипизубов подвели итог своим исследованиям трассы БАМ. От Кунермы до верховий реки Окунайки дорога пройдет по сравнительно спокойной земле. Опаснее — западный участок трассы. Предварительные оценки и допускают в этом районе девятибалльные землетрясения. Причем девятибалльным может оказаться стокилометровый участок дороги с Даванским и Северо-Муйским прижимными туннелями, идущими сквозь скальные породы. БАМ «накладывается» здесь на беспокойные геологические структуры, геологи их называют сейсмогенными.

Вулкан — ювелирам

На восточной окраине Станового хребта молодые исследователи Института земной коры обнаружили хризолиты светло-зеленых чистых тонов. Такие минералы отвечают требованиям, которые предъявляют ювелиры к минеральному сырью.

Ювелирные хризолиты были найдены на древнем вулкане. Известно, что подобного типа включения на одном из вулканов в США служили источником драгоценных хризолитов много лет.

Лето!

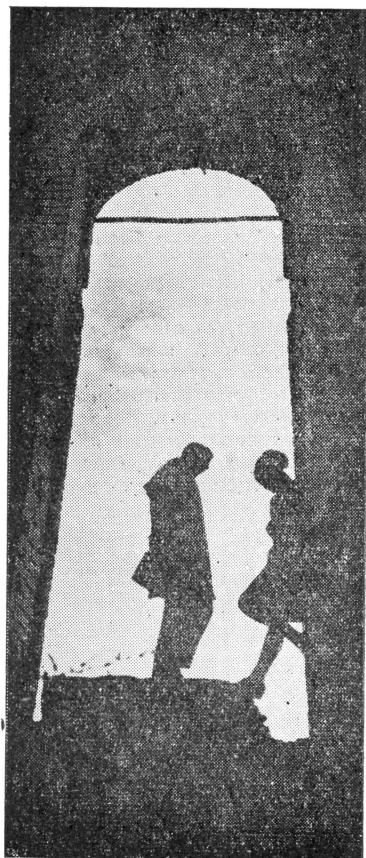
Солнцем полна голова... Летним горячим солнцем.

Лето — пора каникул, путешествий, спортивных баталей. Лето — это жаркая, до пота, работа в строительных отрядах и на совхозных полях.

Очень многое надо успеть за время летних каникул.

И жизнь, вся — впереди. Яркая, как солнце, тугая, как парус, полная летних красок.

Фото
А. Лысякова

Лесная академия

Станислав
ФЕДОРОВ

Кушва — типичный уральский город, если под «уральским» подразумевать прежде всего горы. Пересечь город из конца в конец — все равно что совершить туристское путешествие с крутыми восхождениями и спусками. Архитектурная доминанта — гора Благодать, уникальная железная гора, давшая городу жизнь.

На окраине Кушвы, в приземистом деревянном доме, расположен лесхоз. Точнее говоря, два лесхоза. Один — государственный, другой — общественный, межшкольный. Государственный возглавляет Андрей Дмитриевич Головачев, в его подчинении, в частности, инженер охраны леса Валентина Михайловна Вичикова; межшкольным руководит В. М. Вичикова, а ее первым заместителем является А. Д. Головачев. Такое переплетение, такая смычка-сотрудничество отнюдь не случайно.

У гослесхоза владения обширные, а штат, как и всюду, маленький. В «штате» межшкольного лесхоза числится более пяти тысяч активистов, за ними закреплена площадь свыше 8 тысяч гектаров. 90 процентов государственного плана лесхоз выполняет руками юных помощников. Признаться, я дважды переспрашивал, чтобы удостовериться, правильно ли услышал эту цифру. Да, подтвердили мне: 90 процентов. Посадка, уход за саженцами, рубки ухода (топор доверяют только старшеклассникам), учет зверей и птиц — все это возложено на плечи юных.

В школе № 10, где действует одно из лучших лесничеств «Кедр-2», красочно оформленные планшеты рассказывают об итогах минувшего года: посажен лес на площади 197 гектаров, собрано лекарственного сырья и рябины 630 килограммов, установлено 35 скворечников, 15 синичников, 150 кормушек, выпущено 10 номеров лесной газеты, взято под охрану 250 муравейников (для непосвященных поясню: если на гектаре есть четыре муравейника — за здоровье леса можно не беспокоиться).

Кушвинский опыт привлекает прежде всего четкой организацией дела. В лесхоз входит 19 лесничеств (школ). В каждой школе есть лесничий (руководитель), его помощник, зоолог, ботаник, мастер питомника, лекторская группа, в каждом классе избирается техник, лесник.

Любовь к природе в наш век должна быть не умилительно-созерцательной, а деятельной. Эту деятельную любовь к живому прививают детям учителя и специалисты лесхоза. В школах введен экологиче-

ский факультатив, два часа в неделю, летом теоретические знания воплощаются в практику. У четвероклассников практика всего пять дней, у 5—6—7-х классов — десять, а вот у девятиклассников настоящая трудовая четверть — 24 дня. Живут они в лесу, в палатках.

Самая лучшая проверка знаний — конкурсы, которые проходят как большой праздник. Их устраивают по специальностям. Ботаникам, к примеру, отводится на лесной поляне квадратный метр площади, и они должны, не пропуская и былинки, описать травянистую растительность, указав вид, семейство, особь. Самый сложный, по-моему, конкурс у лесоводов. Он проходит в восемь этапов: сюда входит работа с bussолью, обмер деревьев, посадка семян, внесение удобрений (иные, чтобы не ошибиться, пробуют их на язык) и т. д. Попробовал дерзнуть в отсутствие зрителей и строгого жюри и я. Далеко не новичок в лесу, я быстро угадал 3—4 вида деревьев, а потом зашел в тупик. Да, не такая простая задача определить уральские деревья и кустарники по одним лишь веточкам с едва начинавшими разбухать почками. А если учесть, что мне не надо было, как ребятам, бежать по тропинке от этапа к этапу (время — один из важных показателей), то пришлось благодарно отказаться от попыток завоевать лавровый венок чемпиона.

А вот кушвинские школьники, проходя основательный курс наук в лесной академии, в последние годы прочно освоили пьедестал почета. В прошлом году на областном слете, который, кстати, состоялся здесь же, в Кушве, местные ребята заняли пять призовых мест. Достоинно представляют они Свердловскую область и на всесоюзных соревнованиях.

И, наконец, пожалуй, самое важное. В прошлом году 67 учащихся кушвинских школ стали студентами лесотехнических вузов и техникумов. Путевку в жизнь дала им школьная лесная академия.

ГЛАВЫ ПРО ТРАВЫ

**Нина
ЩЕКУТОВА**

*Рисунки
З. Баженовой*

*От поколения к поколению
переходит багаж
познания и опыта
по использованию
целебных свойств растений.*

*Однако сейчас
на страже нашего
здоровья стоит медицина,
и не обязательно
искать в лесу пучки травы,
когда пришел недуг.*

*К тому же, этот самый,
нужный вам пучок травы
вы можете купить
и в аптеке...*

*Но всегда интересно
познавать окружающий
мир,*

*историю края,
родную природу,
чтобы научиться
ее пользоваться
и беречь ее.*

*Разгар лета — самая
благоприятная пора
расцвета природы.*

*Почки каждый из нас
пойдет в лес —
и окунется в океан трав,
цветов, ягод.*

*А знаем ли мы,
как называются
эти растения?*

*Какие из них полезные,
а какие ядовитые?*

*Публикуемый
нами материал —*

*«Главы про травы» —
отнюдь не свод рецептов,
не «самолечебник».*

*Это — рассказ о травицах
и самих травах.*

Помню, в раннем детстве в настоящий лес впервые я попала с дедушкой. Хотя ему было уже за шестьдесят, он шел легко и быстро. То и дело дедушка, оборачиваясь ко мне, спрашивал:

— Устала, небось, а?

Я так долго уговаривала его взять меня с собой в лес, что теперь, несмотря на оводы и зной, вынуждена была твердить одно слово:

— Нисколечко!

У небольшого говорливого ручья мы устроились на обед. Дед увидел поблизости высокие дудки, срезал их ножом, подал мне одну и сказал:

— Давай-ка освежимся для начала пиканами.

Он снял с дудки верхнюю кожу и с удовольствием съел весь стебель. Я тоже попробовала эти самые дудки — ароматные, нежные лесные лакомства. С тех пор я всегда радуюсь, когда нахожу в лесу пиканы — вкусные и полезные дудки. Позднее я узнала, что называются они лесным дудником и содержат немало витаминов.

Возвращались мы тогда из леса с полными корзинками грибов. Но у дедушки были, оказывается, и другие заботы: собирая грибы, он, между делом, подыскивал делянки, где можно было заготавливать сено.

Только взглянув на поляну, он сразу оценивал качество трав.

— Ах ты, ядовитое отродье, сколько вас тутросло!..

— Чем тебе не понравились эти красивые цветы? — спрашивала я.

— Чемерица же это, — учил он меня. — Яду много в ее листьях, а еще больше в корнях. Скот отравиться может, ежели невысохшую чемерицу поест...

Вечером он говорил бабушке:

— Травы подыскивали отличные, корова будет довольна.

Сейчас я вспоминаю это и думаю: «Мой дедушка, да и все его соседи-крестьяне, неплохо, оказывается, знали ботанику, хотя такого слова-то за всю свою долгую жизнь и не слышали, может. Они знали все травы, легко находили лекарство не только для животных, но и для себя.

Вторым моим учителем ботаники была Елизавета Васильевна. С нею мы часто путешествовали окрест Свердловска. Чуть забрезжит свет в воскресный день, мы уже готовы к походу.

— Так ведь еще ничего не поспело в лесу-то, — удивлялись соседки. — Только что снег-от сошел...

Елизавета Васильевна отшучивалась: — По грибы — не час и по ягоды — нет, так хоть по сосновы шишки...

Ходили мы с нею в лес, конечно, не за шишками. Мы собирали для домашней аптеки корни калгана, раковой шейки, лист брусники...

Теперь я с благодарностью вспоминаю и дедушку, и соседку Елизавету Васильевну. Они провели меня когда-то по лесу, как опытные экскурсоводы, научили ориентироваться в разноликом и разноцветном мире трав, познакомили с их целебными свойствами. В наши дни таких посконных, что ли, — не книжных, не ученых на биофаках, а народных знатоков природы, леса, трав осталось немного. С тех пор, как люди стали переселяться в большие города, они все больше и дальше удаляются от природы. Багаж народных знаний подрастает. За витаминами мы теперь ходим в овощной магазин, за лекарствами — в аптеку. В рюкзаке у туриста лежит пачка индийского чая — он не знает, какая трава годится для заварки. Теперь люди уж боятся съесть сырой лист одуванчика или дудку лесного пикана. Из леса горожане привозят цветы и травы для одной надобности — в качестве лишь букетов. Причем собирают они букеты без разбора — было бы ярко и красиво, а что там за цветы, как они называются и что из себя представляют — неведомо.

В мае, как только сходит снег, горожане прочесывают леса в поисках первых цветов — прострела, или сон-травы. Потом в электричке видишь довольных обладателей огромных букетов. А это растение — ядовитое. Сок его, попав на кожу, может вызвать сильное раздражение, даже ожог. Не дай бог, если сон-трава попадет в руки маленьких детей!..

Прострел, между тем, цветок лечебный, издавна он применяется в народной медицине, признан фармакологией. Его надо беречь, не рвать для букета, а оставить в лесу, сохранить как лекарство.

Как-то в жаркий июльский день оказалась я на рынке. В длинном цветочном ряду продавались роскошные гладиолусы, пионы, гвоздики... Совсем незаметными среди них выглядели букетики синюха лазурной. Здесь они не пользовались успехом и спросом, хотя на лугу эти цветы всегда радуют глаз. И стало обидно: сорвана напрасно синюха, здесь она завянет, ее выбросят, а знающий человек высушил бы эти цветы, они бы принесли пользу кому-нибудь...

Не раз мне рассказывали про травницу-исцелительницу Ирину Федоровну Спиридонову. Живет она в двадцати километрах от Тюмени, в поселке Боровском. Адрес ее люди передают из уст в уста и ездят к ней из дальних и ближних краев...

Три года назад мне довелось побывать в тюменских лесах. Забрели мы однажды и на озеро Андреевское, что близ поселка Боровского. Место это — прямо сказочное. Широкая гладь воды, далекие, едва видимые равнинные берега. Слышен только легкий шелест березовых листьев. Лишь изредка шумливые чайки нарушают тишину... Берега, поляны, опушки благоухают разнотравьем.

Здесь, в безлюдных, в общем, местах мы встретили женщину с большой корзиной, полной трав.

— Не вы ли и есть Ирина Федоровна? — остановила я ее.

— Нет, что вы!

— Извините, но вы собираете травы, вот мы и подумали...

— Знать — знаю, только до Спиридоновой мне далеко, — в ее тоне негрудно было уловить оттенок уважения. — До нее многим далеко. Спасибо и за то судьбе, что живем в одном поселке. Ее знания здесь от дома к дому идут...

Присев вместе с нами отдохнуть, женщина выложила травы из корзины в тень. — Пусть немного проветрится, а то если согреются, не та в их сила будет.

— И какие же лекарственные травы в ваших местах растут? — задала я такой дежурный вопрос, доставая книгу о лекарственных растениях из сумки, — вдруг, думаю, забыла какое название, чтоб не опростоволоситься. Да и пусть бабушка знает, что и мы ученые. А бабушка только рассмеялась, увидев мою книгу.

— Я вижу, у вас есть книжка, травник. Так откройте сразу страницу с оглавлением и читайте по порядку. Пожалуй, в наших местах можно найти больше трав, чем тут их записано...

Долго мы тогда отдыхали. Женщина, встретившаяся нам в лесу, оказалась доброй и словоохотливой. Там, на опушке, она прочитала нам длинную и интересную лекцию о травах.

— Много у нас добрых трав, да на поиски придется потратить весну, лето и осень — цветут они в разное время. В мае первыми появляются медунка, сон-трава, горницвет, мать-и-мачеха, проломник... В это же время лучше собирать и брусничный лист — прямо, как только сойдет снег, пока листья не тронутся в рост. Ну, а большинство трав зацветет с середины июля. Тогда надо успеть по сухой погоде. Собрать травы — еще полдела. Без разбору пить их — тоже проку мало. Из-за того и известность есть у Ирины Федоровны, что она знает, от какой болезни какие травы дать человеку и в какой мерке...

Мы приготовились слушать еще и еще, но собеседница, спохватвшись, уложила свои разноцветные букеты обратно в корзину, сказала, что ей давно пора, тепло попрощалась с нами и направилась к кустарникам, возле которых всюю цвел золотисто-желтый звербой...

Мы тоже пошли собирать травы — ведь за нами и приехали на Тюменщину. И чего только мы не нашли там, на берегу озера Андреевского. Заросли синюхи лазурной, холмы, покрытые чабрецом, мордовником, поляны с душицей, гвоздикой, купеной, горляжкой, репешком... На просторных заливных лугах обнаружили разросшийся на приволье знаменитый и редкостный окопник. В низких местах, среди высокой травы нашли даже легендарный не менее, чем сам женьшень, ятрышник...

В самом деле, в тех местах ценных целебных трав было куда больше, чем в оглавлении толевой книги.

Все это мы могли найти сейчас, когда появилось много популярной литературы о травах, определителе растений. Да и мы ходили по лесу с книгой в руках — заглядывали в нее, чтобы не ошибиться. А Ирина Федоровна Спиридонова открывала и изучала все травы сама.

Для обстоятельной беседы с Ириной Федоровной я поехала к ней зимой, рассчитывая, что к этому времени у нее закончатся хлопоты с травами и свободного времени будет больше.

В ее доме я почувствовала себя с первых минут как среди давно знакомых, доброжелательных людей. Сразу подкупали ее простота в обращении и теплая человеческая открытость. Как будто угадав мой вопрос о том, что же было стимулом в этой ее полезной увлеченности, Ирина Федоровна и начала разговор.

— Люди не дали бросить это занятие, хотя много раз я пыталась бросить его, хотя меня и принуждали даже отказаться от сбора трав, от приготовления лекарств. Приехала в эти края из Ленинграда — там моя родина. Там встретила войну, пережила блокаду. Сюда нас привезли совсем ослабленных. Вот и пришлось обратиться к травам, чтоб восстановить здоровье. Тем более, что я знала их с детства, от бабушки.

Послевоенные годы были трудными: голод и болезни, а врачей мало. Разве можно было пройти мимо больного человека, если я могла помочь ему?! Отработашь смену — и в лес.

Чтобы зимой показать лесные богатства, Ирина Федоровна предложила подняться с нею на чердак. Здесь стоял удивительный аромат высушенных трав. Все они были аккуратно разложены по картонным коробкам. Я шла вдоль стеллажа и записывала надписи: мордовник, багульник, вереск, горечавка, жимжа, звербой, майник, валерьяна, болгоголов, николина бородка, прострел, синюха, татарник, трифоль...

Перечень названий выходил за пределы сотни. Меня удивило и поразило не количество собранных трав, а эрудиция этой неутомимой и не стареющей, кажется, женщины. Сколько же она знает, как цепка ее память, какой опыт накоплен ею!

Потом наша беседа продолжалась в горнице. Ирина Федоровна выложила на стол много книг о зеленых друзьях человека. Среди них были и старинные издания. Все эти широкие сведения теперь были в ее памяти, много раз проверились соб-

ственной практикой, дополнялись своими наблюдениями, выводами.

Ирина Федоровна положила натруженные руки на стол и, глядя мне в глаза, заговорила:

— Радуюсь я, что ты, милая, знаешь и изучаешь травы. Хорошо это. Природа подарила нам великое множество полезных трав, а люди проходят мимо этого богатства... всю свою жизнь я собираю травы, много знаю о их лечебных свойствах, но уж стара стала, а хочу, чтобы мои знания не пропали. Хочу подарить их людям — для их же здоровья...

На прощание Ирина Федоровна дала мне последний совет:

— Пиши, милая, про травы, пиши, коль умеешь. Пусть все знают их. И польза будет людям от этого, и к природе они ближе окажутся, ценить и беречь ее станут больше.

В последнее время в магазинах появилось много популярной литературы о лекарственных растениях. На прилавках она не залеживается. Начитавшись книг, люди идут в лес — за зверобоем, душицей, ландышем... И уж если добрался кто до зверобоя, то пощады ему не будет. Сколько раз я видела, как везут его тюками, а рвут прямо с корнем.

Кто из нас не любит держать на столе весенний букетик ландышей? Их продают предприимчивые бабушки на каждом углу. А это варварство и бесхозяйственность. Надо нам отказаться от букетиков ландышей на столе.

Кажется, что в разгар лета изобилие трав неиссякаемо. На самом деле это не так.

Из утвержденного списка Государственной фармакопеи узнаем такие цифры: 45 процентов лекарств в стране готовятся из цветковых растений, два процента — из грибов и бактерий (антибиотики), восемь процентов — животного происхождения, 18 — неорганического (йод, марганец), 27 процентов лекарств получают химическим путем.

Ежегодно в нашей стране заготавливается до 60 тысяч тонн целебных трав. Поэтому травы в лесу надо беречь, они наши друзья.

Более того, настало время разводить искусственные большие промышленные и маленькие — для каждого — плантации целебных трав.

В древние времена, с появлением религии на Руси, врачевали в монастырях. Монахи записывали подмеченные народом полезные свойства растений. Монахи же занимались и сбором лекарственных трав. В 1588 году был издан «Травник тамошних и здешних зелий». В это же время на огородах стали создавать гряды «зелийных трав». При Петре I были созданы аптекарские огороды на Полтавщине, а затем в Петербурге.

Ботаники и агрономы приручают дикое растение, завозят их из других стран. Например, родина алоэ — южноафриканская пустыня. Там оно достигает в высоту 10 метров. В виде комнатной культуры алоэ переселилось в Европу.

Аирный корень — тоже чужеземец. Его родина — Китай и Индия. Привезли его с

собой вторгшиеся на русскую землю татары. Они знали, что это растение целебное, что оно хорошо очищает воду, делает ее безопасной для людей и животных. Русские назвали аир татарским зельем. Сейчас аир широко распространен на Украине, в Литве, в Сибири возле Тобольска. Растет он по берегам медленно текущих рек, озер, в заболоченных местах.

В народной медицине аир нашел разнообразное применение. Отварами из корневищ лечат язву желудка, болезни печени и почек, порошком корневища присыпают язвы и раны, настойку пьют при зубной боли. И научная медицина изучает аир, он уже входит в состав таких препаратов, как «Викалин» и «Викаир».

В нашей стране создано немало рукотворных огородов полезных трав. Промышленные плантации синопих лазурной есть в Белоруссии и близ Новосибирска, валерьяны — в Белоруссии, на Украине, в Воронежской области, под Ленинградом.

Нетрудно создать аптекарские уголки и горожанам-садоводам. У Ирины Федоровны Спиридоновой растут возле дома окопник, алтей, чистотел, переселила она из Ленинграда очиток едкий...

Два десятилетия назад в Бештаугорском, Зеленчукском, Кисловодском лесхозах Ставрополья были созданы первые на европейской территории страны участки по промышленному возделыванию женьшеня. Как оказалось, в условиях Северного Кавказа он развивается значительно быстрее. Из нескольких семян, доставленных с Дальнего Востока, выпестовано три поколения корня.

Несколько лет назад распространились слухи про чудодейственный золотой корень, потом появились сведения о нем в газетах и книгах.

Золотой корень издавна использовался в народной медицине Алтая. Его применяли при переутомлении, при расстройствах нервной системы, для лечения малокровия и желудочно-кишечных заболеваний.

Ученые провели исследования и убедились в том, что это растение действительно оказывает на организм стимулирующее действие подобно женьшеню. На основании фармакологических исследований и клинических испытаний экстракт золотого корня был рекомендован для медицинского применения при переутомлении, а также при некоторых неврозах.

Золотой корень стал настолько популярным и известным, что им начали торговать — закупать или хищнически рвать его на Алтае и развозить по рынкам. Я видела корень на рынке в Риге, а для себя купила в Свердловске и посадила в саду да в лесу, на берегу речки Решетки. Долго ждала, когда он разрастется. И мой золотой корень разросся да так, что теперь могу дарить его для посадок в огородах.

Я знаю людей, которые сажают для своих нужд календулу, синий чертополох, никотиновую бородку, перечную мяту, окопник, ятрышник, любку двулистную.

Человек познал много тайн о своих зеленых друзьях, и тем не менее он приручил пока меньше одного процента представителей растительного мира.

Вот эти жители лесных наших мест наверняка никого не удивят. Посмотрите, как знакомы их названия, вы их видели в аптеках, слышали от старых людей...

Природа создала эти травы навечно. Все так же стары и новы их целебные свойства, все так же сильна их негромкая готовность обрушиться на самые разные недуги.

Спорыш

Неприхотливое, сорное растение, которое как только ни топчут, оно растет себе и расцветает. Для скота, птицы — это calorийное питание. И для человека от него немало пользы. Заготавливать эту траву можно на протяжении долгого периода его цветения. В спорыше много белка, сахаров, а витамина «С» в три раза больше, чем в лимонах.

Когда Ирина Федоровна готовит сборы для лечения разных болезней, то кладет спорыш почти в каждый. А если пить один спорыш, то надо залить две столовые ложки травы двумя стаканами воды и пить по полстакана 3—4 раза в день.

Неприхотливость спорыша помогла ему расселиться очень широко. И везде ему дают свое имя — горец птичий, гречиха птичья, травка-муравка, конотопка, полянка.

Мокрица

В дождливые годы то и дело затягивает низкие места огородов мокрица. Очень живучая трава цветет с июня и до поздней осени. Она тоже содержит много витаминов, поэтому мокрицу можно добавлять в сыром виде в салаты и щи.

В старину настой и сок свежей мокрицы пили при язве желудка, при зобе, как успокаивающее средство при сердечных болях. Распаренной мокрицей обкладывают ноги при подагре и делают ванны.

А по цветочкам этой нежной травки можно предсказывать погоду: если до девяти утра венчик мокрицы не раскрылся, то днем будет дождь.

Одуванчик

В народе издавна его считают эликсиром жизни, который придает человеку силу и бодрость. Листья следует собирать в мае — июне, а корень выкапывают осенью.

Отвар из корней и сухих листьев одуванчика используется для лечения многих болезней — при гипертонии, склерозе, тромбозе, малокровии, фурункулах...

Весной и летом можно готовить одуванчиковый салат из листьев. Чтобы уменьшить горечь, листья надо подержать полчаса в соленой воде.

Лопух

Попробуйте подойти к зарослям лопуха — колочки обязательно останутся на одежде. Недаром в народе назойливому

человеку говорят: «Чего пристал, как репей?» Известный советский ботаник С. И. Ивченко отмечал, что, несмотря на неприязнь к лопуху, человек давно искал в нем пользу — «не может быть, чтоб такой здоровяк был целиком бездельником».

И действительно, в народной медицине корень лопуха в виде отвара (15 граммов корня на стакан воды) употребляют как потогонное средство, а также при водянке, подагре, сахарном диабете, ревматизме, гастрите, золотухе, рахите... Помогает отвар корней также при экземе, фурункулах. Свежим соком лопуха лечат раны. Из водного настоя соплодий делают глазные примочки. В Японии лопух возделывают как овощное растение. Там корни лопуха употребляются в пищу сырыми, вареными и жареными.

Для лечебных целей выкапывать следует корень первого года роста, когда только появилась розетка листьев.

Чабрец

В старину чай из этой травы давали больному, в котором «поселились бесы». Иначе чабрец называют еще богородской травой. Ею окуривали больного, считая, что бесы не вынесут благоуханья и покинут его.

Высушенной богородской травой и другими ароматными растениями набивали подушку, когда мучила бессонница. Лечебный аромат создавали и в бане, бросая траву в печку. Надежным средством считалась богородская трава при простуде с кашлем, для чего запаривалась ложка сухой травы в стакане горячей воды, потом настаивалась с полчаса и употреблялась раз пять в день небольшими дозами.

И в наши дни слава этой травы не померкла. Отвары чабреца помогают при бессоннице, кашле, желудочно-кишечных заболеваниях. Ванны и компрессы делают при ревматизме, параличах, радикулитах, ушибах.

Молодые листочки чабреца можно использовать при засолке огурцов вместо корицы.

Лабазник

Настой цветущих верхушек лабазника народная медицина советует пить при болезнях сердца, от грыжи, удушья, головной боли. Лабазник бросали для аромата в квас, нюхали при насморке. А крестьяне, закавашиеся употреблять хмельное, и старореры на праздниках пили вместо сивухи чай из цветов лабазника.

Валерьяна

По краям болот, по влажным местам растет в наших лесах валерьяна. Каких только названий не давал народ этой целебной траве — земляной ладан, лихорадочная, госпожиха, кошачий маун...

Народная медицина советует есть листья валерьяны против худобы, настоем корня на воде пить от сердечной болезни,

от ослабления сил, от бессонницы. Для этого надо чайную ложечку сухого измельченного корня настоять в стакане холодной воды в течение восьми часов или, смочив корень и завернув его в марлю, понюхать раза три перед сном.

Земляника

Начнется земляничный сезон — выйдешь на просеку, на горку, на солнечное место, вдохнешь аромат первого урожая и обомлеешь прямо. Позднее ягоды поспеют в лесу, в тенистых местах, среди высокой травы — снова можно порадоваться. Земляника плодоносит недолго, поэтому надо успеть запастись этими чудодейственными ягодами.

Земляника — известное целебное средство. Она лечит сердце, печень, почки, укрепляет организм, утоляет жажду, возбуждает аппетит, улучшает обмен веществ, помогает при гипертонии, туберкулезе, подагре, цинге, диабете...

Полезны не только ягоды, но также листья и корневища. Из листьев готовят лечебный чай. Одним литром кипятка запаривают 3—4 столовых ложки измельченных сухих листьев и дают настояться в течение пяти часов. Пьют этот чай при рахите, золотухе, сыпях, воспалениях дыхательных путей.

Кровохлебка

По пойменным лугам, среди кустарников, по краям дорог, на опушках можно встретить высокое растение с темно-пурпуровыми шариками. Это — кровохлебка, которую в народе называют черноголовиком. Разотрите листья — и вы сразу ощутите сильный огуречный запах. Прикорневые листья, пока они не огрубели, лучше. Из них можно приготовить салат, сварить зеленый борщ.

Как лекарственное растение кровохлебка известна с древних времен. Чаще используются корни и корневища, хотя стебель с листьями тоже целебны.

Кровохлебка — противовоспалительное лекарство, отвары корней убивают дизентерийных и тифозных микробов, помогают при язве желудка, при головных болях, вызванных гипертонической болезнью, при болезнях горла и десен...

Прострел

Ранней весной, как только стает снег, на открытых склонах и опушках можно порадоваться встрече с первыми цветками, которые в народе прозвали подснежниками.

Конечно, соблазнительно поставить в комнате весенний букет. Но надо знать, что прострел ядовит, поэтому обращаться с ним следует осторожно.

В народной медицине прострелом лечат нервные болезни, желудок, применяют при бронхите, астме, ревматизме, радикулите.

Зверобой

В народе это растение считают «лекарством от девяноста девяти болезней».

А вот для животных зверобой вреден. Он повышает у них чувствительность к солнечным лучам, вызывает сильный зуд кожи, они начинают метаться... Животных, съевших зверобой, надо завести в темное место, и отравление пройдет. Вот поэтому трава и называется так — зверобой.

В народной медицине зверобой применяется очень широко: при болезнях сердца, печени, желудка, при воспалительных процессах...

Заготавливать следует верхушки стеблей с листьями и цветками, а сушить их лучше в тени на воздухе или в хорошо проветриваемых помещениях.

Отваром травы зверобой (одна столовая ложка на стакан кипятка) полезно мыть голову.

Пижма

В деревнях это растение называли девясилом, считая, что оно содержит девять лекарственных сил. Против стрелбы в ушах парили и пили настой. Помогает трава и при нарушении пищеварения, при истерических заболеваниях, при подагре, ломоте в суставах, как жаропонижающее и потогонное средство, при головной боли, пониженном кровяном давлении, желтухе, водянке...

Лекарственным сырьем являются цветочные корзинки, которые сушат в тени на воздухе или на чердаках.

Для приготовления настоя берут 20 граммов (столовая ложка с верхом) сухих цветков на один литр горячей воды.

Растение ядовито, его применение требует осторожности. Настой пижмы, а также порошок из цветков, листьев и стеблей рекомендуется для борьбы с насекомыми.

Малина

Малина очень вкусная ягода. Из нее готовят варенье, джемы, сиропы, настойки, желе. В старину хозяйки чаще сушили ягоды. Сначала подвяливали их на солнце, а затем ставили в печь на железных листах и перемещивали, чтобы они не слиплись в комки. Хранить сушеные ягоды лучше в мешках или ящиках — в сухих, хорошо проветриваемых помещениях, на сквозняках.

В плодах малины содержится много целебных веществ. Малиной лечат желудок, бронхиты, пьют для улучшения аппетита, а при простуде нет ничего лучше чая с малиной.

В народной медицине применяются не только ягоды, но и листья, цветки, корни. Листья и цветки заготавливают в июне — июле. Из них готовят отвар и пьют при кашле, неврастении, лихорадке, болезнях органов дыхания, желудка, при кожных болезнях, полощут горло при ангинах.

Черемша

На лесных лугах, среди кустарников, в тенистых лесах ранней весной можно встретить целые заросли черемши, которую в народе называют диким луком. Стоит растереть лист — и сразу почувствуешь резкий чесночный запах. Это растение — съедобное.

Черемшу можно есть как лук, готовить из нее салаты, можно мариновать. А как хороши пироги с черемшой!

Это хорошее средство от цинги, в народной медицине применяется при атеросклерозе, головокружении, бессоннице и как средство, улучшающее пищеварение и аппетит...

Шиповник

В наших лесах шиповник — широко распространенное растение. Ученые насчитали более 400 видов этого растения, произрастающих в разных краях страны. Собирать следует плоды шиповника коричневого, у которого яйцевидные плоды. Есть еще шиповник собачий, который менее ценен. У него плоды круглые, как шарики, и они плотно прижаты к чашелистикам.

Плоды шиповника собирают в августе, сентябре — до заморозков, сушат в сушилках или печах.

Плоды шиповника — это клад разных витаминов, поэтому и применяют их при многих заболеваниях: цинге, скарлатине, дифтерии, туберкулезе, болезнях печени, желудка, истощении нервной системы, малокровии... Он укрепляет организм, повышает сопротивляемость к болезням. Настоем цветков промывают глаза, когда слабеет зрение. Из корней шиповника готовится отвар, который пьют при желудочно-кишечных заболеваниях.

Настой из плодов готовится следующим образом: одну столовую ложку плодов заливают стаканом кипятка и кипятят 10 минут в закрытой эмалированной посуде и настаивают в течение суток. Через сутки настой можно пить по полстакана два раза в день. При длительном хранении настоя целебные качества его уменьшаются.

Чемерица

Растение ядовитое. Ранней весной, когда трава начинает лишь пробиваться, в глаза бросаются сочные ярко-зеленые побеги чемерицы. В это время она особенно опасна, причем ядовиты и листья, и стебель, и корень. Летом и осенью ядовитых веществ в растении становится меньше.

В народной медицине из корней чемерицы готовят мази и настойки, которые применяют при ревматизме и ломоте суставов. Чемеричной водой опрыскивают огороды, особенно черемуху, когда на ней появляется моль, когда болеет лук. Для этого берут 200—250 граммов высушенных стеблей с листьями и настаивают в ведре воды. Можно применять и корни.

Во всех случаях надо проявлять осто-

рожность, так как даже высушенные корни небезопасны: их пыль может вызвать раздражение глаз, носоглотки, что может привести к мучительному чиханию.

Ромашка

В разгар лета в лесу невозможно обойти стороной поле белых ромашек. Они останавливают путника, завораживают его, заставляют полюбоваться своим нарядом, да и погадать — «сбудется — не сбудется, любит — не любит»...

Но это не лекарственная ромашка. Ботаники называют этот цветок нивяником, или поповником.

Вдоль дорог, на пустырях можно встретить другую ромашку. Цветки у нее не такие великолепные, как у нивяника, но сходство между ними есть. И это еще не лекарственная ромашка. Ее называют собачьей, или полевой.

Настоящая аптечная ромашка на Урале встречается редко. Она гораздо мельче нивяника и собачьей ромашки. Определить ее можно по цветку и по запаху. Цветки ее, пока цветут, очень меняются по форме — плоское дно корзинки постепенно вытягивается и приобретает коническую форму, а лепестки отклоняются вниз. При разрезе у лекарственной ромашки есть полость, а другие виды ромашек ее не имеют. Настоящая ромашка издает аромат спелых яблок, тогда как собачья пахнет неприятно.

В уральских краях в изобилии встречается пахучая зеленая, или безъязычковая ромашка.

Горечавка

В конце июля — в начале августа многие цветы начинают терять свой великолепный наряд. Подходит пора увядания. А им на смену, совершенно неожиданно, на той же поляне вдруг вырастают островки синих колокольчиков. Это зацвела легочная горечавка, которую из-за красивого воронковидно-колокольчатого цветка прозвали еще синей юбочкой и казаком.

В народной медицине это растение применяется широко: при нервных болезнях, параличах, обмороках, упадке сил, шуме в ушах, как противохолерадное и желудочное средство...

Наперстянка

В лесах, на опушках, по полянам и между кустарниками растет наперстянка крупноцветковая. Желтые цветки ее появляются в июле, по форме они напоминают наперсток и собраны в однобокую кисть.

Вообще-то растение ядовито, но в то же время и полезно. Наперстянку издавна знают как сердечное лекарство, но пользоваться ею надо умело, под наблюдением врачей. Самолечение наперстянкой может привести к отравлению.

ЛАБАЗНИК.

ТЫСЯЧЕЛИСТНИК.

ПИЖМА.

СИНЯЯ ЮБОЧКА.

НАПЕРСТЯНКА.

ВОРОНИЙ ГЛАЗ.

КРОВОХЛЕБКА.

НИВЯННИК.

Цветные фото А. КАПОРЕЙКО.

В ПЛЕНУ У ЧИСЕЛ

Давид
ФАЕРМАРК

Коллаж
В. Старцева

*Вам поклоняюсь, вас желаю, числа!
Свободные, бесплотные, как тени,
Вы радугой связующей нависли
К раздумьям с вершины вдохновения.*

Валерий БРЮСОВ.

Осень 1880 года. Петербург. Серое небо. Холодно. Ветер срывает с деревьев листья и гонит до самой Невы. На другом берегу реки — величественное здание университета. Тихо в его коридорах. Чуть приоткрыта дверь в аудитории физико-математического факультета. Идет лекция по теории чисел. На кафедре известный русский математик Чебышев. Пафнутий Львович говорит быстро, слегка шепелявит. Академик объясняет сложные вопросы теории, а затем пишет на доске расчеты. Студенты с трудом поспевают за ним. Второй час лекции. Все устали. И тогда профессор сходит с кафедры и усаживается в кресло. Студенты ждали этого момента.

Пафнутий Львович начинает:

— Сегодня я рассказал о простых числах, о закономерностях их распределения в ряду натуральных чисел. Многие известные математики занимались и занимаются поисками формулы, дающей только простые числа. Ферма думал, что нашел такую формулу. Но ошибся. Теперь этим поиском занимается профессор Люка. На днях я получил от него интереснейшее письмо. Другие математики находят иные громадные простые числа. На Урале живет единственный в своем роде священник. Это Иван Михеевич Первушин, который давно занимается простыми числами. Труды его интересны, но чрезвычайно сложны. Это — замечательный вычислитель, человек исключительного трудолюбия и поразительной настойчивости.

Священник-математик?

Кто же он, этот уральский самородок?

2 февраля 1827 года в семье Михея Первушина, пономаря церкви в поселке при Лысьвенском заводе (Пермской губернии на Урале) родился сын. Назвали его Иваном.

Ваня был первенцем, а всего в

семье Первушинных было семнадцать детей. Жили в нужде. Старшему сыну повезло. Ваня стал любимцем дедушки-священника Лысьвенской церкви. И тот взял его к себе. Ребенок рос любознательным. Когда мальчику исполнилось шесть лет, дедушка обучил его грамоте. Ваня вскоре научился и латинскому языку. Арифметике его учил пономарь. Через год мальчик решал задачи лучше своего учителя, хотя тот и считался знатоком цифирной науки. Слава омышленом ребенке дошла до лысьвенской приказчицы, и она пригласила его обучать арифметике своего сына. Мало-помалу сынок приказчицы стал разбираться в премудростях нелегкой науки. Приказчица была довольна юным учителем и соизволила подарить ему к рождеству шелковый галстук...

Когда Ване исполнилось десять лет, дедушка отвез его в Пермь, в духовное училище.

Мальчик тут увлекся математикой. Много дала ему «Арифметика» Каминского. Он впервые узнал, что среди натуральных чисел есть производные (составные) и производные (простые). Это, например, числа 2, 3, 5, 7, 11, 13, 17, 19 и другие, которые имеют лишь два делителя — 1 и сами эти числа. Мальчика заинтересовали простые числа. Много ли их? Как они расположены в ряду натуральных чисел? Какая зависимость между ними? Он потерял покой. Ваня тогда еще не знал, что породнится с этими числами на всю жизнь. Они пленили его...

Недолго был Ваня Первушин в училище. Как лучшего ученика его переводят в Пермскую духовную семинарию.

Кроме богословских дисциплин в семинарии изучались также алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, логика, психология и педагогика. Среди преподавателей были люди, прекрасно знавшие свой предмет. Недаром в этой семинарии учились путешественник и писатель К. Д. Носилов, великий русский физик и изобретатель радио А. С. Попов, извест-

ный писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, певец Урала П. П. Бажов.

Первушин усердно занимался по всем предметам, но увлеченность числами не проходила. Вспоминая об этом времени через двадцать лет, Иван Михеевич писал: «Только необыкновенная сердечная привязанность к выкладкам, или, точнее, страстное желание постичь истину, решить вопрос: прекратятся ли и скоро ли прекратятся производные числа, и затем последуют производные только, возбуждали мои пробующиеся умственные силы. Нескольким раз бросал, даже вовсе уничтожал все свои трудовые выкладки, но отчаяние проходило, и я с еще большим жаром, большим ожесточением принимался за неблагоприятный труд, вредивший и здоровью».

В 1848 году после окончания духовной семинарии Первушина как лучшего ученика направляют в Казанскую духовную академию. Здесь Иван Первушин увлекся физикой. Решил найти такую линзу, чтобы солнечный свет, пройдя через нее, собирался в одной точке. Много сил затратил молодой исследователь на эти поиски, пока не прочитал в энциклопедии, что задача неразрешима. Такой линзы нет и быть не может. Тогда Первушин опять вернулся к числам.

На выпускном экзамене по математике присутствовал почетный гость — профессор из Петербурга, впоследствии известный академик Пафнутий Львович Чебышев. Ответ Ивана Первушина он выслушал с большим вниманием и сказал: «На этого молодого человека следует обратить особое внимание. У него большие математические способности!»

Академия закончена успешно. Первушин получает звание кандидата богословия. Может быть, восторженный отзыв петербургского профессора сыграл решающую роль при распределении Первушина. Его посылают преподавателем математики в Пермскую духовную семинарию, но, оставив работу в семинарии, он становится приходским священником

в Перми, а через три года (в 1856 году) навсегда уезжает в далекое село Замараевское Шадринского уезда Пермской губернии — и тоже священником...

Глушь

Почему он уехал в глушь — в точности неизвестно. Об этом сам Иван Михеевич вспоминал с неохотой: «Тут бушевали страсти и произвели столько крушений, что припоминание становится болезненным для меня, соблазнительным для других, возбуждающим ядовитые насмешки в прочих злых сердцах». И — реплика, сказанная им позже: «Ухо остро! Глаз зорок! Помнить расчет Николая Гавриловича Чернышевского». А Чернышевский в это время находился в Петропавловской крепости... И слова, написанные Первушиным уже в Замараевском, звучат предостережением самому себе. По-видимому, Первушину не были чужды идеи революционно-демократического движения. Известно также, что Пермская духовная семинария была одним из центров распространения революционных идей: там раскрыли тайную группу. Власть расправилась с руководителями этого кружка и рассеяли остальных членов его по России. Очагом распространения крамольных идей была и Казанская духовная академия. Возможно, Первушин был как-то связан с этими кружками. Об этом свидетельствует список членов пермско-казанского революционного кружка. Его составил флигель-адъютант подполковник Мезенцев. Под рубрикой «П» и за № 8 значится: «Первушин, священник в Шадринском уезде Пермской губернии». И приписка: «Сомнительно, чтобы и ныне участвовал». Значит, в пятидесятых годах Первушин участвовал в нелегальных собраниях. Возможно, его назначение рядовым священником в далекое село — это наказание, ссылка без права жительства в крупных городах России. Когда Первушин вел переписку с Петербургской Академией наук, когда нуждался в новейшей литературе, ему ни разу не разрешалась поездка в Петербург или в Москву. И когда Иван Михеевич стал слепнуть и обратился в Екатеринбургскую консисторию за картой для поездки в Петербург или Москву, где были в то время глазные

врачи, то жандармское управление не выдало ему паспорта. Видимо, крепко насолил Первушин чиновникам из Третьего отделения, если они и через тридцать лет не могли забыть «грехи» его молодости.

Замараевское встретило нового священника недружелюбно. Жили в однокомнатной избе. Здесь и кухня, и столовая, и спальня, и детская. Окна маленькие. Сырость осенью, а зимой промерзают стены. В таких условиях пришлось прожить Первушиным долгих три года. Взрослые держались, но ребенок часто болел, поздно стал ходить.

Занимался Иван Михеевич церковными делами, но они его не удовлетворяли. Мучился. Искал дело по душе. Мечтал: «О перевоспитании общества, о глубоком и, между прочим, внимательном изучении быта крестьянства, о возможном воспомоществовании и просвещении мужиков». Он понимал, что главное, в чем нуждается народ, — это просвещение. Первушин был уверен, что «только с развитием образования, грамотности, «положительной» науки, когда законодательства пересоздадутся на разумных естественных основаниях, когда подчиненный будет столько же образован, как и чиновник или начальник, тогда только нельзя будет умному жить на счет глупого, сильному — на счет слабого, богатому — на счет бедного».

Первушин наметил программу действия, по духу близкую программе народников. Скоро он убедился, что крестьяне прихода все неграмотны. Надо открывать школу не только для детей, а и обучить грамоте взрослых. Но нет помещения, учителей, учебников и учебных пособий, нет денег. Три года прошло в пустой переписке с духовными и светскими ведомствами об открытии школы в Замараевском. Никто не хотел помочь.

Накопив деньги, часть одолжив, Иван Михеевич построил дом из трех комнат. Две комнаты отдал крестьянским детям. Осенью 1860 года начала заниматься группа мальчиков, а зимой и группа девочек. С большим трудом удалось Ивану Михеевичу уговорить мужиков посещать воскресную школу взрослых. Тридцать сельчан стали обучаться грамоте.

И, как всегда, мысли перепле-

таются у него в голове с числами. Самый лучший, самый точный способ выражения мыслей — математические знаки. Первушин совершенствует свои знания и в иностранных языках. Это ему сильно помогло позже, когда он изучал труды немецких, английских и французских математиков в подлиннике и переписывался с иностранными учеными.

Проходит первый учебный год в Замараевском. Без всяких средств школа все-таки существует. Иван Михеевич — и директор, и учитель, и истопник. Но... Только начался второй учебный год, как из Шадринска пришло письмо, в котором уездные чиновники от просвещения сообщили о «недостатке средств для содержания школы». И пришло также предписание взимать с крестьян на содержание школы «по рублю серебром с рыла». Но ведь во многих хозяйствах не было лошадей, а в некоторых — и коров. Чтобы заработать рубль серебром, надо было трудиться по найму от зари до зари не менее недели. Ясно, что новый налог испугал замараевских мужиков, и они запретили детям посещать школу.

Школа Первушина перестала существовать.

Ивану Михеевичу было в это время 34 года. Однако не в характере его — бездельность. Иван Михеевич стал следить за явлениями природы родного края, отсылать записи в Екатеринбург, в Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), активным членом которого он стал. Но где взять приборы? Первушин обращается в Шадринск и Екатеринбург: «Мы согласились бы с радостью принять от какого-нибудь общества, ревнующего о распространении точных наблюдений в Отечестве нашем, термометры, дождемеры, барометры и аккуратно производить по ним наблюдения и записывать данные ежемесячно или ежедневно. Не мешало бы иметь под руками и электромеры, и гидрометры, и другие приборы. Физические и математические науки нам известны даже в современном почти виде. Жалко, знания наши гибнут бесплодно, без приложения к делу на пользу всеобщую — науки и общества». Крик души, истомившейся без настоящего дела... Отклика не было.

Журнал Первушина

В это время активизировались народники. Так же как и они, Первушин надеялся, что ему удастся расшевелить «добропорядочную» часть населения уезда на добрые дела, чтобы «помочь страдающему народу». А как организовать этих людей? Нужна печать. Первушин взялся выпустить рукописный журнал. На первых порах не было программы. Он писал: «Природа, общество людское, небо, земля, крестьянин, баба и девка, лавка, праздники, церковь и ее торжество — все это будет предметом наблюдения журнала». И дальше: «О земном и небесном, только свое, а не чужое. Факты, факты и мысль, освещающая факты, — вот что нам нужно». Первушин едет в Шадринск, где рассчитывает найти сотрудников для своего журнала среди «благородно мыслящих священников и других благовоспитанных людей, какого бы звания и состояния они ни были». Он надеялся пригласить «к деятельному участию во вновь возникающий журнал не некоторых, а многих и многих».

Шадринская «благомыслящая» публика: священники, купцы, чиновники, приказчики — холодно встретила затею Первушина. Начинания замараевского священника шадринская братия называла «шшишелогией со вздирком». Первушин один сочинил все материалы первого номера журнала, сам переписал все заметки бисерным почерком. 25 декабря 1860 года появился первый на Урале рукописный журнал. Первушин назвал его «Шадринским вестником». Чего только в нем не было! Заметка о ранних математических изысканиях Первушина, копия отношения приставу о неисправной доставке «Пермских губернских ведомостей», очерк о характере науки и ее отличии от эрудиции, заметка о детском обычае собирать горох на кутейку, насмешливая антипоповская сказка, таблица о числе св. пасхи, таблица о количестве «постных» и «молосных» дней в году и другое.

Первушин чаще всего писал в журнале о жизни духовенства, поэтому и больше всего попадало от него попам. Это видно даже по заголовкам: «Сказка о попе и мужике»,

«Грабеж злочинного», «Вымогательство поповское», «Деньголюбивый батюшка». На одной из страниц журнала Первушин сделал иллюстрацию к анекдоту о том, что тонущего попа можно спасти, показав ему бутылку водки. Выплывет.

Хотя «Шадринский вестник» распространялся среди верных людей, содержание его стало известно благочинному. Он постарался скопрометрировать Первушина, назвав его «умным глупцом», а шадринские чиновники квалифицировали журнал как «сумасбродство и пустозвонство».

Кто-то сообщил в консисторию, что Первушин небрежно относится к службе. Церковное начальство только этого и ждало. В Шадринск пришло предписание «удержать священника Первушина от резких выражений на будущее время» и «обязать его подпискою, чтобы он не употреблял дерзких выражений против епархиального начальства». Это был сильный удар.

Начался разлад в семье. В эти трудные для Ивана Михеевича дни жена перешла в наступление... Ей нужны деньги, наряды, шикарная обстановка. Священники отвернулись от него, чиновники и купцы боялись его пера. Он был также далек и от мужиков, он «волок и наемник, которого они обязаны питать».

Выход был один — снять с себя духовный сан. Но как прокормить семью? В это время у него уже были две дочери. Первушин заглядывает в «Кодекс законов Российской империи». Да, вероотступники становятся почти вне закона. Осенью 1861 года Первушин в письме к русскому настоятелю православной церкви в Париже достаточно прямо говорит о своем положении. Он пишет, что священник, «хотя бы он разубедился в пользе и святости своего служения, он поневоле несет тяжкое бремя священнослужения. Ибо выйти из своего звания, сложить сан священника — значит подвергнуться гражданскому уничтожению и бесчестию. И относящаяся сюда статья свода законов Российской империи держит многих священников как бы в рабстве египетском».

Конечно, выпуск журнала стал немислим. В январе 1862 года выходит последний, 13-й номер.

В 1878 г. Иван Михеевич посылает все номера журнала «Шадринский вестник» в архив Петербургской Академии наук. Оттуда их переслали в Екатеринбург в Уральское общество любителей естествознания, где они и сохранились.

Листаешь этот журнал, читаешь заметки, написанные рукой Ивана Михеевича, и удивляешься его трудолюбию. Здесь и философские статьи, и математические изыскания, наблюдения явлений природы, заметки об охоте и рыболовстве, много таблиц и расчетов. Есть даже описание «Алгебраической игры».

Читаешь журнал и как будто видишь картины жизни далекого уральского села шестидесятых годов прошлого столетия. Здесь только чистая правда. Страниц «Шадринского вестника» не коснулась цензура.

Символично: последняя страница последнего номера журнала посвящена задаче по теории чисел.

До конца дней своих Иван Михеевич больше не расставался с математикой.

Арифметика— царица математики

Один, два, три, четыре, пять, — говорит ребенок, показывая на конфеты или яблоки, книги или карандаши. Школьник продолжает этот счет до ста, до тысячи...

Ряд чисел 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8... называется натуральным, а сами эти числа — натуральными. Возник этот ряд чисел в древности как результат счета предметов. Натуральный ряд чисел не скучен и не однообразен, о нем еще не все известно. Уже в Древней Греции математики заметили интереснейшие свойства натуральных чисел. Одни из этих свойств просто любопытны, другие — имеют научное значение. Так, например, интересные числа 135 и 144. $135 = (1+3+5) \cdot 1 \times 3 \cdot 5$, также $144 = (1+4+4) \cdot 1 \cdot 4 \cdot 4$, то есть эти числа равны произведению своих цифр на их сумму.

А разве не поразительно, что сумма кубов натурального ряда чисел, начиная с 1, всегда равна квадрату суммы этих чисел. В самом деле, $1^3 +$

$2^3+3^3=1+8+27=36$ и $(1+2+3)^2=6^2=36$. А занимается ли наука изучением натурального ряда чисел и свойств его или только чудачки-любители выискивают удивительное и необыкновенное в ряду «обычных» чисел? Тайны натурального ряда чисел привлекали виднейших математиков мира. Ими занимается теория чисел. Удивительная это наука! Формулировки доступны пятиклассникам, а решения их так сложны, что не найдены, хотя ими занимались крупнейшие математики, и не одно столетие. Видный ученый прошлого века Карл Фридрих Гаусс назвал арифметику царицей математики. Он имел в виду не школьный курс арифметики, а теорию чисел, которую иногда называют высшей арифметикой.

Известный немецкий математик Герман Минковский мечтал, что и «самая изысканная арифметика будет торжествовать в области физики и химии, когда, например, окажется, что существеннейшие свойства вещества аналогичны с разбиением простых чисел на сумму двух квадратов». Советский математик академик Б. Н. Делоне подтвердил мысль Г. Минковского: «Сейчас эта абстрактная область математики неожиданно мощно вторгается в самые различные отрасли науки. Она нашла применение в кристаллографии при исследовании решеток кристаллов. Теория чисел помогает решать проблемы теории информации и в сотни раз сокращать затраты машинного времени при решении специальных задач».

Какие же проблемы решает теория чисел? Это, например, проблема простых и совершенных чисел. Чем как раз и занимался странный священник с Урала Иван Михеевич Первушин...

Еще в училище он заметил: простые числа размещены в ряду натуральных чисел крайне неравномерно, то густо, то пусто. Учитель рассказал ему, что относительное число простых чисел постепенно уменьшается, что имеются такие множества натуральных последовательных чисел, среди которых нет ни одного простого числа, несмотря на то, что эти множества содержат миллион, миллиард и больше чисел. Тогда в голове у Вани и зародилась мысль, что количество простых чисел ограничено, следовательно, должно быть самое «последнее» простое число. Так казалось мальчику. Рассуждения учителя закономерно наталкива-

ли Ванию на такую мысль. Мальчик хотел найти это громадное число. И только прочитав монографию П. Л. Чебышева «Об определении числа простых чисел, не превышающих данной величины» и «О простых числах», Первушин понял: его поиски наибольшего простого числа ни к чему и не могли привести. Такого числа нет. Множество простых чисел неограниченно.

С этой задачей было покончено, но простые числа все равно не давали ему покоя. Они притягивали.

Первушин знал, что многие математики старались раскрыть закономерность распределения простых чисел в ряду натуральных, но это им не удалось сделать. Было много гипотез, но при тщательной проверке они оказались неверными. Ошибались не только начинающие математики, но и авторитетнейшие ученые.

Один из творцов аналитической геометрии, теории вероятностей и теории чисел, известный французский математик Пьер Ферма в 1639 году высказал предположение о том, что числа вида $2^{2^n}+1$ являются простыми при любых целых неотрицательных значениях «п», то есть эта формула — как бы «генератор» простых чисел. На самом деле, при $p=0$ мы получаем просто число 3, при $p=1$ — простое число 5, при $p=2$ — простое число 17, при $p=3$ — простое число 257, при $p=4$ — простое число 65537. Ферма утверждал, что и при любых других натуральных значениях «п» «генератор» будет давать только простые числа. При $p=5$ он получил число 4294967297. Ученый был убежден, что и это число простое, но доказать свое предположение он не смог. Только в 1733 году, то есть через 94 года после того, как Ферма высказал свое предположение, выдающийся русский математик, академик Леонард Эйлер доказал, что при $p=5$ «генератор» Ферма не срабатывает, получившееся число — составное. Ферма ошибся. Может быть, это единственная осечка «генератора», — подумали ученые (авторитет Ферма был достаточно высок). Нет, не единственная.

Прошло почти 150 лет после открытия Эйлера, и математиков мира поразила новость. «Генератор» Ферма не срабатывал также и при $p=12$ и при $p=23$. На этот раз покой математиков нарушил безвестный священник из уральского села Замараяевского Иван Михеевич Первушин. Этот упрямый человек решил зада-

чу, над решением которой ломали голову известнейшие математики, задачу, которую не смог решить великий Ферма.

В ноябре 1877 года вице-президент Петербургской Академии наук, известный математик Виктор Яковлевич Буняковский получил письмо, в котором далекий уральский корреспондент сообщал: $2^{2^{12}}+1$ — составное и один из делителей его равен 114689. А позже тот же корреспондент сообщил Буняковскому, что и число $2^{2^{23}}+1$ тоже составное и один из делителей его равен 167772161. Проверку делимости первого числа Первушина провел сам Буняковский, второго — профессор Егор Иванович Золотарев. Стало ясно: Первушин прав. Сенсация! Академик В. Я. Буняковский в донесении в отделение физико-математических наук Академии по поводу первой записки Первушина сказал: «По моему мнению, факт о новом случае делимости чисел вида $2^{2^n}+1$ не лишен научного интереса для занимающихся теорией чисел и, желательно, чтоб он получил гласность». Академия поручила Буняковскому составить заметку. Что он и сделал. Эта заметка была опубликована на русском языке в «Записках Академии» и на французском языке в «Бюллетене Академии наук». Заметки были опубликованы вовремя, ибо через два месяца в записках Туринской Академии наук Италии была опубликована статья французского математика Э. Люка, в которой он приводит этот же случай делимости. Приоритет Первушина не вызывал сомнения. Наконец, о математике с Урала заговорили в академических кругах как о крупном даровании, как о человеке фантастического трудолюбия. Сколько сил и времени надо было затратить, доказывая делимость этих чисел! Чтобы хоть немного почувствовать это — достаточно знать, что в числе $2^{2^{23}}+1$ 2525223 цифры.

Только одержимый человек мог оперировать такими громадными числами и добиваться при этом выдающихся успехов!

Первушина влекли и совершенные числа.

Если сложить все делители натурального числа, но не равные этому числу, то эта сумма в одном случае будет меньше самого числа, а в

другом — больше. Например, сумма делителей числа 8 равна $1+2+4=7$, то есть меньше 8, а сумма делителей числа 12 равна $1+2+3+4+6=16$, то есть больше 12. Естественно, возникает вопрос о существовании таких чисел, сумма делителей которых равнялась бы этим числам. Такие числа есть. И называются они совершенными.

Еще в Древней Греции знали совершенные числа $6(1+2+3=6)$ и $28(1+2+4+7+14=28)$. Известный древнегреческий математик Евклид нашел еще два совершенных числа 496 и 8128. Прошло 17 веков, и только в 1460 году было найдено пятое совершенное число — 33550336. В шестнадцатом веке были найдены шестое и седьмое совершенные числа. В 18 веке Леонард Эйлер нашел восьмое совершенное число. Вот оно: 2 305 843 008 139 952 128. Прав был древнегреческий математик Никомах Герасский, который, рассуждая о совершенных числах, писал: «Совершенные числа красивы. Но известно, что красивые вещи редки и немногочисленны, безобразные же встречаются в изобилии».

Прошло более ста лет после того, как Эйлер нашел восьмое совершенное число. 27 октября 1883 года вице-президент Петербургской Академии наук академик В. Я. Буняковский получил очередную корреспонденцию от уральского математика. На этот раз Первушин сообщил, что нашел девятое совершенное число. Это число громадно и содержит 37 цифр. Для этого пришлось ему доказать, что число $2^{61}-1$ — простое. Оно равно 2 305 843 009 213 693 951. Долгое время это было самым большим из известных простых чисел. В математике это число в честь первооткрывателя названо Числом Первушина. Уму непостижимо, как мог он «вручную» найти гигантское число. Выдающийся французский математик друг Декарта и Ферма, один из основателей Парижской Академии наук Марен Мерсенн говорил, что вечности не хватит для проверки простоты числа, имеющего 15—20 десятичных знаков. А в числе Первушина их 37!

Советский историк математики профессор И. Я. Денман так сказал по этому поводу: «И. М. Первушин, вычислив девятое совершенное число, поистине совершил настоящий подвиг».

Получив письмо Первушина, петербургские академики растерялись. Уральский математик, как всегда,

сообщал им только результат своих вычислений без каких-либо выкладок и объяснений, а проверить результат никто не рещался. Академик Буняковский просил Первушина сообщить, каким методом получил он результаты. Буняковский предложил Первушину объединить разрозненные записки в монографию, где были бы изложены не только результаты, но и доказательство в доступной форме. Но Первушин, по-видимому, был другого мнения. Несмотря на то, что сам писал: «Дорога не только сама истина, но и дорога к ней», он почему-то никогда не показывал эту дорогу. Он не рассказывал никому, как добивался своих выдающихся результатов. Может быть, ему мешала на высоком научном уровне изложить свои выкладки недостаточная математическая подготовка? Первушин достиг выдающихся математических результатов благодаря математической интуиции. Вот факт. Предлагая казанскому математическому обществу решить какую-то задачу по теории чисел, Иван Михеевич писал: «Обществу не угодно ли будет взять на себя труд высокозначенную задачу решить теоретически прежде, чем я ее решу через 20 лет практически». В этих словах, как нам кажется, весь Первушин как математик.

Когда академик Буняковский доложил ученому совету об открытии Первушина, то это сообщение было запротоколировано. В 1887 году немецкий математик Зельхоф опубликовал доказательство простоты чисел $2^{61}-1$, тогда Петербургская Академия наук напечатала протоколы заседаний за 1883 года. Право первенства открытия осталось за Первушиным.

Более сорока лет жизни посвятил Первушин созданию таблицы простых чисел от 1 до 10 миллионов, их сумм и разностей. Выполнил он эту колоссальную работу по заданию УОЛЕ. Таких обширных таблиц не было тогда в России. Академик А. А. Марков назвал их весьма полезными.

Иван Михеевич обратился в Академию наук с просьбой об издании таблиц, но Академия не нашла возможным сделать это «из-за отсутствия средств». Обратились к Первушину с предложением подарить таблицы Академии безвозмездно, «чтобы каждый нуждающийся в них мог ими воспользоваться». И Иван Михеевич

передал свой многолетний титанический труд Академии. Он сохранился.

В 1893 году в Чикаго собрался Всемирный математический конгресс. На нем из России была лишь одна работа — это труд И. М. Первушина «О наилучшей проверке арифметических действий над огромными числами». Ясно, что если бы у Первушина не было своего простого способа проверки правильности расчетов над большими числами (иногда с десятиью и двадцатью знаками), он не смог бы добиться своих поразительных результатов. Такой способ он и создал. Он был оригинален и прост и проводился при помощи обыкновенных русских конторских счетов.

В 1894 году Первушин посылает в Неаполитанскую Академию свою работу «Об определении количества простых чисел в известных пределах». В 1896 году Иван Михеевич пишет на французском языке свой последний труд «Формулы для приближенного представления простых чисел, их сумм и разностей по номерам этих чисел».

Свет души

Около тридцати лет прожил Первушин в уральском селе Замараевском. Ничего не вышло с затеей о сельской школе, на которую он возлагал столько надежд. Никто не поддержал его в выпуске рукописного журнала «Шадринский вестник». Осталась одна математика. Он писал: «И вот — чего не мог я постичь, о чем некогда было подумать в удушливой атмосфере губернского города, то живо представилось уму под благодатным сельским небом». Рассказывают, что даже во время церковной службы священник иногда переставал читать молитву и бормотал какие-то числа. Стены в алтаре были усеяны математическими расчетами. Даже стены своей бани Иван Михеевич исписал черным карандашом, делая мучившие его вычисления.

Много времени Первушин уделял изучению родного края. Вел метеорологические наблюдения, аккуратно все записывал и отсылал записи в Екатеринбург в Уральское общество любителей естествознания. Дружеские отношения были у него с одним из создателей этого общества Онисимом Егоровичем Клером. Этого человека Иван Михеевич любил,

писал ему о самых сокровенных думках. Так он писал Клеру о положении крестьян: «Отвечай за все мужицкий пот и кровь. А образованные палачи и не подумают, как бы облегчить бремя угнетенных. Нет!» В другом письме Иван Михеевич с негодованием и гневом пишет Клеру о церковной братии: «Пора бы этих мандаринов в отставку. Поживись, нагрели руки и оконечили в чувствах и взглядах, и хватит!»

Бывал у Первушина и другой близкий ему человек — Константин Дмитриевич Носилов. Автор книги «Северные рассказы», исследователь полярного Севера России оставил немалый след в литературе и географии. Прекрасные отзывы о его рассказах дал в свое время А. П. Чехов, их читал Л. Н. Толстой, с ним дружил Д. Н. Мамин-Сибиряк. Носилов изучил курс естествознания в Сорбонне — лучшим университетом Франции. С Первушиным этого человека связывала многолетняя дружба. Ведь К. Д. Носилов был родом из Шадринского уезда, а в юности учился в Пермской духовной семинарии, как и Первушин. Бывая на родине, Константин Дмитриевич встречался с Иваном Михеевичем. Об одной из таких встреч Носилов рассказывает в столичной газете «Новое время» (июль 1896 г.) в очерке «Священник-математик». Мы видим старого, ученого в кабинете среди множества книг и ученых трудов. Здесь книги Эйлера, Чебышева, Лежандра, Люка. Некоторые из них — на английском и французском языках. Иван Михеевич много читает. «Он едва ли засыпает и просыпается без того, чтобы около него не лежала какая-нибудь книга. Чтение для него отдых». Иван Михеевич по рассказу Носилова выписывает более десяти журналов и регулярно читает их и поэтому в курсе политики и литературы не хуже столичного жителя.

Сам Первушин седой и похож на профессора, но в подряснике. И это вызывает улыбку у Носилова. Уж очень не подходит подрясник к обстановке в кабинете. Голос у Первушина сильный и твердый. Носилов пишет, что ни один ученый, с которым он встречался, не производил на него такое впечатление, какое «производит этот скромный безвестный труженик науки, который работает всю свою жизнь не для чего-нибудь, как ради только одной бескорыстной, чистой науки». Исследователь Арктики удивлен и поражен выносливостью и трудолюбием старого математика. «От-

куда он (Первушин) черпает силы, чтобы при всей своей скромной жизненной обстановке, при всей умственной бедности окружающих людей сохранить в себе до старости лет любовь к науке...»

Кипучая натура Первушина, его разносторонняя деятельность поражает его друга. Носилов заканчивает очерк о Первушине словами: «Это какая-то кипучая натура, которая словно боится день один потерять в своей жизни, чтобы не отметить его своей работой, чтобы что-нибудь не сделать для науки или пользы общества. И все это без гроша вознаграждения, без мысли о гонораре».

Крепкие связи Первушина с Петербургской Академией наук. Свыше двадцати работ послал он туда за двадцать лет. Известные математики признали его талант. По ходатайству Академии наук Синод в 1884 году переводит Первушина в Шадринск, где он около трех лет состоит вторым священником.

Однако передовые взгляды нового священника, его бескорыстное служение на ниве просвещения были не по вкусу ни его духовному начальству, ни властям. В это же время Первушин пишет памфлет «О сущности игральных карт», в котором отозвался о чиновниках, полах и заманулся даже на самого господ бога. Терпение начальства лопнуло. 29 марта 1887 года Первушин постановлением Екатеринбургской духовной консистории уволен с места священника Шадринской церкви. Основанием для этого послужило сообщение начальника пермского губернского жандармского управления подполковника Евстафьева за № 642 от 25 октября 1886 года о крамольном памфлете священника.

Первушин спешно обращается к друзьям из Петербургской Академии с просьбой заступиться за него. «Так как в случае увольнения, — писал он, — я останусь без всяких средств к существованию в престарелом уже возрасте». И помощь пришла. Ученые-математики приняли горячее участие в его судьбе. Первушина перевели в другой приход того же уезда, в село Мехонское. Синод даже выслал ему математическую литературу на сумму 190 рублей. Впрочем, этим и закончилась забота Синода о выдающемся математике.

Шли годы, и некогда богатырское здоровье Ивана Михеевича стало сда-

вать. Черный туман застилал глаза — катаракта... После многочасовой работы уставала голова. По ночам долго не приходил сон. Все чаще острые уколы, как большие иглы, пронизывали сердце. 29 июня 1900 года Иван Михеевич как всегда работал допоздна. Ночью почувствовал себя плохо. 30 июня 1900 года не стало талантливого математика. Здесь же, в селе Мехонском, он и был похоронен.

Первушин был членом Московского математического общества, почетным членом Казанского физико-математического общества. И когда в 1892 году научная общественность России отмечала столетие со дня рождения великого геометра Н. И. Лобачевского и при Казанском физико-математическом обществе был образован комитет по созданию фонда им. Лобачевского, И. М. Первушина избрали почетным членом этого комитета. Еще при жизни Первушина издательство Московского математического общества выпустило в свет брошюру Л. К. Лахтина «По поводу одной теоремы теории чисел, найденной эмпирически отцом И. М. Первушиным». Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона поместил статью о Первушине как о выдающемся русском математике. Общественность Урала почтила память земляка. Газета «Пермские ведомости» напечатала некролог «Памяти Ивана Первушина». Много теплых слов посвятил Первушину в своих книгах по истории математики известный советский математик профессор Иван Яковлевич Демпан. Во втором томе «Истории отечественной математики», изданной Академией наук СССР в 1967 году, Первушин назван талантливым математиком.

Всей жизнью Иван Михеевич Первушин подтвердил слова Льва Толстого: чтобы сделать что-нибудь великое, нужно все силы души устремить в одну точку. В детстве Ваня Первушин искал линзу, которая собирала бы солнечные лучи в одну жгучую точку, и не нашел. Но смог этот человек силы, свет своей души направить на любимое занятие жизни — на математику.

КАЛЕНДАРИ

**Борис
ЧЕЛЫШЕВ**

● Мы привыкли к календарю: он напоминает нам число, день недели, указывает знаменательные даты.

Иные календари дают полезные советы школьникам, домашним хозяйкам, спортсменам...

В России календарь завоевал популярность со времен Петра I. По нему учились грамоте, из него черпали знания, и нередко в медвежьих углах России календарь был единственной книгой.

Просветитель Николай Новиков издал «Христианский календарь на 1784 год». Как и другие издания Новикова, календарь подвергся гонению.

Изданный сто лет позднее «Сельский календарь на 1888 год» был составлен Яковом Абрамовым. Безобидный, двадцатикопеечный, он тоже был запрещен царским правительством. Полицейские, получив инструкцию министерства внутренних дел, разыскивали «Сельский календарь» в лавках, в книжных магазинах, у офеней — разносчиков книг по деревням. 20 тысяч экземпляров изъяли и отправили в Петербург. Но без малого пять тысяч было раскуплено.

Издатель И. Д. Сытин в воспоминаниях рассказывает о злоключениях своего календаря. Восемь миллионов книжек отрывного календаря отправили в различные города России. Но вдруг департамент полиции потребовал: сытинский календарь изъять из продажи и конфисковать. Оказалось, редактор Полушин, которого рекомендовал издателю Лев Тслстой, включил в календарь антицерковные пословицы: «Сегодня свеча, завтра свеча, а там и шуба с плеча», «Повадился к вечерне, не хуже харчевни».

Социал-демократы, видя, какую большую популярность приобрели календари в массе простого народа, стали охотно помещать в них свои статьи. В. И. Ленин опубликовал статью «Международный социалистический конгресс в Штуттгарте» не в каком-либо журнале или сборнике, а в простом «Календаре для всех на 1908 год».

26 октября 1917 года был принят Декрет о земле. Владимир Ильич Ленин все время интересовался, сколько экземпляров этого декрета отпечатали, просил, чтобы его раздавали де-

мобилованным солдатам, разъезжающим по деревням.

«Поставьте для всего этого смышленого матроса,— говорил Ленин,— чтоб он смотрел, куда положит солдат декрет: надо поглубже в сумку, под вещи, чтоб не утерять, а с десятком держал бы поближе для чтения и раздачи в вагоне».

Ленина беспокоило другое:

«Вот ведь беда, бумаги-то нет, а покурить солдату надо, сейчас и свернет из декрета козью ножку... Пока доедет до дома, так все декреты и раскурит с товарищами... обязательно раскурит».

И Ленин обратился к Бонч-Бруевичу:

«А знаете что, Владимир Дмитриевич, поезжайте-ка в магазин Сытина и спросите там, нет ли у них старых отрывных календарей, пусть дадут... На раскурку и дадите каждому календарь. Удобно, календарь ведь отрывной, бумага подходящая, мягкая и как раз на одну козью ножку с махорочкой. Всего триста шестьдесят пять страничек, и самому и товарищам хватит... А декреты вези, мол, до деревни... Вот декреты-то и спасем!»

И верно, в магазине Сытина нашлись старые календари, их свезли в Смольный и давали каждому солдату вместе с Декретом о земле...

Афонин крест

Повесть

**Сергей
БЕТЕВ**

*Рисунки
Н. Мооса*

8.

Афоня собирал ребятню в первый поход. Уговор состоялся еще накануне, а так как в школе был выходной, малышня затабунилась возле сторожки с самого утра. Афоня не торопился. Проверил — ладно ли наточен топор, одеваясь, тщательно одернулся и подпоясался покрепче. И только тогда, заткнув топор за пояс, торжественно разрешил:

Окончание. Начало см. в № 5.

— Айда теперя.

Шествие направилось в березовую рощу. Только повел Афоня ребят не привычным путем — через поворот у бани, а сразу от магазина между домов и огородов, чтобы, минуя безродное кладбище, выйти на дальний край рощи. Ребятишки, радуясь теплу, весело шумели, забегали вперед, затевали возню.

Роща начинала пробуждаться. Еще прозрачные, березы уже затяжелели почками, кое-где, едва заметно, проклеывался лист, и дыхание молодой жизни поило воздух пьянящей бодростью. Афоня остановился. Долго присматривался к деревьям. Ребятишки затихли, готовые выполнить любой его приказ.

— Давайте-ка, молодцы, ладить соломинки. Ищите прошлогодние стебельки, пустые внутри, они самые что ни на есть подходящие.

И шагнул к большой березе, изогнувшейся от комля. Поглядел на нее не то ласково, не то виновато:

— Ну, родимая...

И ударил топором коротко и сильно, так что дрогнули ветви от самого низа до верхушки. В минуту сделал в стволе глубокую лунку, поднял с земли свежую щепку, ловко выкинул ею оставшуюся в лунке древесную крошку вместе с первыми каплями прозрачной влаги. Призвал:

— Налетай, которые смелые!

Возле свежего надруба тотчас запыхтели, зачмокали губами первые счастливы. Не мешкая, Афоня сделал такую же лунку на соседней березе. Предупредил:

— Долго не пейте. Меняйтесь почаще. А то простудитесь.

Березовка! И в добрые годы пора буйного березового сока приходила праздником не только для детворы. От хворей избавляла березовка, молодила, веселила людей. Ни у кого не было сомнения в ее чудодейственности, а, может, сама чистая вера в ее целебность и помогала одолеть недуги и усталость.

Ребятишки надолго припадали к лункам, опьяненные сладким питьем, распрямлялись, отходили в сторону ошастливленные, а там уже вскрикивала, пищала и хохотала куча мала. Истратив силы, снова бежали к березам...

Афоня сидел в сторонке на пеньке и не вмешивался в ребячье пиршество. Притихший, он вслушивался в еле уловимый шепоток берез, вдыхал запах пробивающейся травяной зелени и не мог остановить собственных дум.

Просыпалась земля. Жизнь начинала свой новый круг, готовая принять мирские заботы. Не меньше века стояла тут березовая роща. Когда-то ее молодость начиналась в диком безлюдье. Еще не подымавшаяся над землей, она была заячьим пристанищем, да местом поселения мелкой птицы. Годы прореживали ее, морозы да ветродуи губили слабых, даруя жизнь только

сильным. Им было суждено нести свою судьбу до конца. Когда позднее сюда пришли люди, роща встретила их ласково, березы отдавали им и красоту свою, и благодатную тень в жаркие душные дни. В землю, единую для всех, приняла роща — там, вдалеке, за стволами — тех людей, чью жизнь унесла военная година. И вот теперь, по извечному закону природы творить добро, поила роща соками земли молодую людскую поросль.

Солнышко забралось на самый верх. Раздуваемая малышня посбрасывала пальтишки и отцовские телогрейки, бегала, кувыркалась и прыгала в чехарде. Березовая роща звенела ребячьими голосами.

...Земля начинала кормить. Не больно мудрым было первое ее блюдо. Едва пригрело огороды, вышли на них с лопатами купавинцы. Никогда раньше не переверачивали землю так бережно, не глядели в нее так пристально, как этой весной. И прошлогодние огрехи при уборке обертывались находками: осторожно выбирали оставшиеся картофелины, складывали их в ведра. А вечером, дома, старательно очищенные, превращались картофелины в жидкое тесто. Ели лепешки, нахваливая, и уже добродушно посмеивались над недавней голодухой, которая теперь никого не могла достать.

А мальчишки тащили из дома горячие гостинцы Афоне, который сидел на приступе своей сторожки уже до крайности сытый и слабо отговаривался:

— И за что вы, ребята, на меня рассерчали? У меня уже торчком от ваших угощений! Не миновать завороту. Дайте отлежаться... Вот поведу вас в лес...

— Когда?! А зачем?! — спрашивали наперебой.

— За едой, — давал исчерпывающий ответ Афоня.

Афоня повел ребят в сосняки, что густым подростом вставали в бору по берегу быстрой Каменушки. Молоденькие сосенки на диво рано выбросили нынче длинные и сочные побеги, а постарше — зажелтели крупяшками, как купавинцы по-давнему называли завязи шишек. Очищенные, те и другие были несказанно вкусными и ароматными, наполняли рот таким сладким и терпким соком, что приходилось невольно зажмуриваться от удовольствия.

— От них, — объяснял Афоня, — главная сила в зубах. А крепкий зуб — всему начало, против него никакой сухарь не терпит.

Ни одного погожего дня не пропускал Афоня, терпеливо открывал своим друзьям немудрые хранилища молодых и старых лесов. За березовой рощей, на тех самых болотинах, через которые водил детвору в начале зимы к дальним березникам за чащей, он учил добывать камышовую мякоть. Позднее, когда буйно пошли в

рост травы, увел ребят на луга. Оказывается, неказистый цветок дикого клевера не зря тянет к себе пчел: на самом дне алых полых трубочек скапливается настоящий мед. Если их захватить щепоткой, то они легко снимаются, и тогда надо просто откусить их сладкие кончики.

Да и дикий чеснок совсем нетрудно найти среди прочего разнотравья, если приглядываться лучше. А кислица — дикий щавель? И, оказывается, у молодого репейника, которого полностью на огородных межах, в огуречниках, а то и просто вблизи дороги, как только он пойдет в рост, вкусный-превкусный стебель, если снять с него толстую кожуру. А пиканы?!.

Афонины премудрости наверняка не были секретом для старших купавинцев. Но привязанным к работе им за ребяташками-то порой некогда было присмотреть. А в Афонину академию доступ был открыт всем, кто научился ходить и мог одолеть версты три-четыре без рева и посторонней помощи. Их, которым приходилось начинать жизнь в неласковое время, Афоня терпеливо учил читать мудрую книгу природы, постигать ее щедрость, любить и ценить ее, как самую жизнь.

— Ребячий пастух! — говорили про него теперь купавинцы.

Он знал про то и только улыбался, примечая, как его ребячий табун и в самом деле заметно нагуливал и румянец на щеках, и ту шаловливую неугомонность, которая поселяет праздник в душу каждой матери и отца.

А лето богатело. Наступила грибная пора, объявившись молодыми маслятами. Теперь и бабы, выкраивая время, прихватив остроглазых помощников, подавались в заповедные места.

Для Афони наступил короткий отдых. Да и не мог бы он выдержать на ногах целый день. А нынешним летом к тому же замечал, что ноги стали ходить хуже, да и сил заметно поубавилось. Все чаще, когда оставался в своей сторожке, Афоня ложился на топчан. Сон не приходил. И Афоня лежал, рассматривая от нечего делать рисунки, картинки и фотографии, глядевшие на него с газетных и журнальных листов, которыми была оклеена караулка. На стенах мирно соседствовали «Гудок» и какие-то «Ведомости», из-под большого, сплошь из одних фотографий, листа «Иллюстрированной газеты» выглядывали лощеные страницы «Нивы». Иногда листы были наклеены вверх ногами, и было забавно видеть какую-нибудь мудреную машину или узнавать в замысловатом кульке знатную барышню благородного звания.

Иногда Афоня соблазнялся даже чтением, что отнимало уйму времени, зато удивляло неправдоподобными диковинами. Ну не диво ли, что на японских островах живет такая рыбешка, которая чуть не за неделю раньше объявляет, когда начнет трясти землю?! А французы, которые

живут в своей распрекрасной столице Париже, за деньги покупают на базаре лягушек и едят! И, вроде бы, умом не тронутые... Ну, стройки пятилетние — дело известное, и в газетах все обстояло, как полагается. А вот что китайцы змей потребляют, раньше не знал...

И вспоминал Нагумана Садыкова, не побрегавшего дохлой лошастью. Но, рассуждая дальше, окончательно запутывался: ну хорошо, китайцы — с голоду, потому что их расплодилось до ужаса, а французы лягушек по какой причине?..

Лето, обещавшее быть ведренным, все чаще дождало. Купавинцы, ругаясь, возились в огородах, по грязи окучивая картошку. Знали, если так пойдет дальше, хорошего урожая ждать нечего. А сенокос?

Афоня тоже все понимал и, вздыхая, ворочался на своем топчане: «И впору можно дойти до такого, что на лягушек кинешься...»

А главное — война шла неровно. Афоня не понимал в большой стратегии и о войне судил по-своему. И как ни прикидывал, получалось, что зимовать придется опять в обнимку с нуждой. Как же иначе, если немец к Волге рвется? Сам уроженец Рязанщины, Афоня имел представление о расстояниях и полагал, что если немца и погонят вскорости, то гнать его далеко, и к зиме, пожалуй, не успеть. Значит, еще одна военная зима...

В это лето Афоня заметил и то, как изменилась Купавина. Переставала она быть тихой и домашней. Началось все еще с зимы, когда недели две подряд среди вьюги день и ночь снимали с эшелонов станки. Их грузили на большие сани, сделанные из толстых бревен, и тракторами утаскивали мимо березовой рощи, за болота, в ту сторону, где Каменушка кончала свой бег, впадая в Исеть. Говорили, что там, недалеко от местных бокситовых рудников, ставят большой завод, и растет возле него целый город — Красногорск.

Город рос где-то в стороне, а Купавина будто подчинялась его невидимой воле, меняла свое обличье. На станции все прибавляли и прибавляли новые пути, теперь их стало уже больше десяти. На вокзале не спадала толчея, а по Купавиной ходили незнакомые люди. Непривычно было видеть, как не замечали они встречных — ни здравствуйте, ни до свидания, — не интересуясь ни чужим магазином, ни караулкой, которая глядела на них из-под большой развесистой березы. И, может, от того, что народу становилось все больше и больше, Афоня все сильнее чувствовал свою неприметность. Оттого, наверное, и подступала иногда тоска.

На Купавиной строили большие двухэтажные дома. Ставили их быстро, потому что бревна все были пронумерованы, рамы связаны, двери излажены. Магазин среди них казался теперь

избушкой, а сторожка Афони и вовсе не больше собачьей конуры.

Одна отрада была у Афони — верная купавинская ребятня. Едва отпускали ребят из дома, сбегались они возле сторожки, докладывая Афоне главные новости.

...Петька, по прозвищу Гольян, научился курить. Позавчера большие парни играли возле березовой рощи в футбол. Гольян был там и у всех выпрашивал «докурить чинарик». Достался ему замусленный и такой маленький, что Гольян обжег пальцы, а бросить не хотел, поторопился и так потянул в себя, что чинарик проскочил ему в горло. С минуту Гольян выл и катался по земле, пока чинарик у него не потух. Сразу, говорят, курить отвык.

...Васька Полыхаев с путейскими ребятами организовали тимуровскую команду. Штаб сделали на сеновале, провели всевозможную сигнализацию и каждый день по утрам поднимали на мачте флаг. А как-то вечером залезли в огород к старой Стуковой, которой с войны пришло уже две похоронки, хотели две бочки воды налить. Но залаяла собака. Стукова выбежала из дома, сразу увидела в огороде чужих, схватила метелку и пересчитала горбы чуть не всем. Васька Полыхаев рассердился, и тимуровскую команду грозитя прикрыть. Но это еще не точно, потому что сегодня и Ваську Полыхаева, и Стукова вызвал в партком Александр Павлович Завьялов, который полностью на стороне Васьки.

И еще говорят, что Александр Павлович последние дни здорово сердитый и расстроенный: будто бы получил от большого начальства строгий выговор за то, что его не пускали в добровольцы, а он грозился уехать без спроса.

...У Петруся Жидких месяц назад нашелся отец, а на прошлой неделе, сразу же за письмом, пришла на него похоронная, и теперь Петрусь никуда не ходит.

...На Исети, недалеко от парома, всю реку перегородили лесами: готовятся строить железнодорожный мост без единой подпорки. И от Красногорска еще одна железная дорога — на Челябинск.

— И плотину делают за тем мостом, километра за четыре. По Исети, может, пароходы пойдут...

— А куда?

— Хэ, куда? А на Тобол и дальше.

— А как же они через плотину-то перелезут?

— Через шлюзы, как на Москве — Волге, канале.

— Шиш тебе! Никакого шлюза и не строят.

— А вот поглядим после войны...

— Поглядим...

И вдруг врывалось, обрывая разговор:

— А к осени, говорят, по карточкам хлеба не прибавят.

Наступала тишина.

...К Афоне неожиданно явился в гости Степан Лямин.

— Принимай дружка, Афоня! — крикнул он еще издали и без приглашения присел на чурбак. Объявил: — А нонче я, слышь, пирую! Совсем край пришел мне. Луковка есть?

Афоня вынес ему луковицу и кружку, уселся поудобнее, пригляделся к Степану: с начала войны не видел его выпившим.

— Ну уж и край? — не то не поверил, не то спросил Афоня.

— А вот и — край! — стукнул Степан кулаком по коленке. Потом полез за пазуху и вытащил недоконченную поллитровку, поглядел на нее с сожалением: — Ишо довоенная.

Налил себе в кружку, выпил. Закусить забыл. Уронил голову.

— Остался я, почитай, один! — сказал горестно. — Последних лошадушек проводил сегодня в армию! Отвоевался.

И всхлипнул.

— Да ты погоди, Степа! — ласково тронул его Афоня. — Как это всех?

— А так: остались Коурая да Челка, можно сказать, одногодки мои. И работницы такие же.

— Как же вы теперь, путейцы?

— А так: автомашину получили, на баклушках деревянных, сказывают, ездить станет. Петька Кременчугов с утра уж ее растапливает, пробовать зачнет.

— Н-да...

— А я — вот!.. — и он выпил остатки. — С Нагуманом Садыковым завтра кобыл на спичках разыграем и останемся каждый при своем хвосте. Ковать победу!..

— А ты не ярись, — вдруг одернул его Афоня. — Может, там вокурат твоих-то лошадей и не хватает для победы. А ты как думал?

— Афоня, родимый, разве я про то? Я же по характеру-то шибко отчаянный, мне бы только и воевать. А я? И так с самого начала оборону в конюшне держал, а теперь и этого лишен. Куда мне?

— Найдется куда. — И спросил строго: — А почто пьешь?

— А как же? Я же сегодня в армию проводил...

— А девчошки, поди, не кормлены.

— Чего?

— А то!..

Афоня поднялся разгневанный, хлопнул дверью, оставив растерянного Степана на чурбаке.

...В один из погожих дней пошел Афоня в березовую рощу. Солнечный свет столбами просекал зеленый шатер деревьев, останавливался на тихих холмиках, словно хотел обогреть их. Афоня подошел поближе, сразу заметил, что некоторые могилы осели совсем. Пожалел, что не прихватил с собою лопаты. Услышал вдруг:

— Рабочих надо прислать. А то неладно получается.

Обернулся и увидел Завьялова. Пошевелил шапку:

— Наше почтение, Александр Павлович.

— Здравствуйте, дорогой. Тоже вот зашел поглядеть. Непорядок, говорю...

— Год всего прошел, а вон уж сколько,— сказал Афоня.— Да еще прибавится.

— Наверное,— невесело согласился Завьялов.

— Как зимовать-то станем, Александр Павлович?

Завьялов ответил не сразу. Смотрел куда-то в сторону, за рошу, видел свое.

— Трудно придется, Афоня. Трудно. С хлебом лучше не станет, да и со всем другим.

— Откуда и хлебу-то? Края-то хлебные под чужим сапогом.

— Не только это. Армию надо кормить, одевать, оружия вдоволь дать. Трудно, трудно... Да и погода, как назло, нынче.

— Изменщица,— сказал Афоня.— Там война, а тут... Ребятишек шибко жалко.

— Ребятишек... Меня уж замучили: из школы уходят, а им по пятнадцати не всем. На работу брать нельзя: преступление. Был я недавно в депо, смотрю, сидит Санька Ялунин, ревет. На паровоз, говорит, не берут кочегаром, а я уж сам ездить умею. Не поверил я, поднялись на машину. А он, подлец, все ведь сделал, как полагается: и реверс перевел, и тормоза отпустил, и регулятор всего на две осечки сначала... И свистнул, понимаешь ли, так весело! Спрашиваю, в каком классе? В шестом, отвечает. Не мог отказать: приходи, говорю, на следующий год... А сам смотрю на него и думаю: ведь девять тонн угля тебе за смену надо переверотить. А что делать? Приходят ко мне с матерями, плачут, просят на работу.

— А куда деваться, Александр Павлович? Может, работа-то и есть для них спасение. Руки хоть ребячьи, а делу польза. Мужиков-то много реже стало. Вот и встают на их места: в жизни нашей так всю дорогу. Да еще и карточки на килограмм. Бумажка, а с нею легче.

— Все понимаю, Афоня. Все.— И вдруг улыбнулся.— Твои-то дружки мокроносые как, повеселели?

Афоня смутился:

— Я-то что? Власти у меня нету. Кормить мне их нечем. Так уж, вроде игры.— И сам улыбнулся по-детски.— Пастухом ребячьим прозвали. А трава-то не шибко дорогое угощение, сам понимаешь.

— Как сказать,— возразил Завьялов.— Не в траве дело. Если ребят убережем, будет кому продолжать. А это ли не главное?.. Так-то, друг мой дорогой.

...Уходили из роши вместе. Шли рядышком.

Один — мужчина крупный, в самой поре, широкоплечий, с походкой твердой. Другой — меньше ростом, ссутулившийся раньше времени, старался поспеть за первым и чаще, чем обычно, опирался на палку. Он о чем-то говорил, показывал в сторону рукой и часто подправлял на голове всклокоченную старую шапочку.

А в роше хозяйничало солнце, высвечивая на земле золотые дорожки, перебирая теплыми руками ветви берез, обихаживая до сахарной белизны их корявые стволы. И только когда долетал сюда протяжный крик паровоза, уводившего новый эшелон, березы едва приметно вздрагивали, словно от внезапного озноба. А потом опять затихали.

Над приютившимися под кронами могилами струился изумрудный свет.

9.

Осень наведалась ранними дождями.

Купавинцы крепко запоздали с сенокосом. Но не успели косари перевернуть первые валки, как мелкий дождик-сеянец прибил их к земле. Хотели переждать его в шалашах, да не тут-то было. Не прошло и суток, как зловередная мокреть проникла и в шалаша, выжила из них людей. Облегчая подступившую злость проклятьями, косари взялись за литовки. Валили траву с обреченной остервенелостью, так что от мокрых рубах валил пар. Неделю изводил душу муторный дождь. Потом выглянуло умытое солнышко, сразу припекло, словно хотело наверстать упущенное. Уже после полудня валки подсохли. Трава хоть и потвердела, но оставалась зеленой, даже духа не потеряла. Ближе к вечеру вышли ворошить.

И сразу охватила забота: внизу под валками стояли лужи, а сено подернулось желтоватым налетом.

«Почернеет... Как пить дать, почернеет!» — думали про себя и боялись сказать вслух.

Сено не удалось.

А что поделаешь? Погода, она как дурная лошадь: в котором месте понесет — не угадаешь, а когда уж повесла, так не остановишь.

Шабашили без веселья, перед дорогой с полдня захлопотали с приготовлением последнего обеда.

Но невзначай развеселил всех Степан Лямин. Его еще раньше отправили верхом на ближнюю выселку за молоком. Проезжая низкими лугами, Степан заметил журавлей, сумел, скрываясь за копнами, подъехать к ним поближе, а потом хлестанул свою Коурую изо всей силы:

— Ну-ка, взыграй, старуха!

И Коурая, взягнув пару раз, выровнялась и ходко рванулась к журавлиному табунку. Всполошившиеся журавли замахали крыльями.

Но не умели они взлетать сразу и, как положено им на роду, побежали сначала. И тогда Степан вытянулся вперед, что есть силы размахнулся длинным хлыстом, и через мгновение свистящий сыромятный жгут змеей охватил журавлиную шею и поверг длинноногого красавца на землю.

Степан принялся за охоту. Часа через полтора добыл еще одного и вернулся в стан с опозданием, но веселехонкий. Коурая под ним едва переставляла ноги, но Степан этого не замечал. Еще подъезжая, крикнул:

— Барский обед везу.

Скоро журавлей уже варили в большом казане, накрытом круглой жестяной крышкой. Обед получился сытный и вкусный. И хоть журавлиное мясо жесткое — не на всякий зуб, — все были довольны и похваливали Степана за удивительную прыть.

— Диво-то какое! Без оружия добыл.

А он, краснея, признавался:

— Я ить шибко отчаянный с самого малолетства. Ей-бо! Эх, кабы не изъян, разве я тут бы воевал? Мне по характеру не хлыстик положен, а самая вострая сабля!

Собирались в дорогу споро. Может, оттого, что за долгую, омраченную непогодой, работу отвыкли от всякой радости, сейчас и улыбки были светлее, а шутки задиристей. Да и добрый обед тоже не пустяк.

— Еще подвезет нам, ребя, — предположил кто-то. — Вдруг да взиграет бабье лето!

— Картошка бы удалась, тогда и с таким сеном можно зиму продрегаться: мелочи коровенкам подбрасывать.

Ехали веселые, потому что лесные колки стояли еще зеленые. Да и небо вычистилось до самой вершины.

...До войны Афоня был, пожалуй, единственным жителем Куपाвиной, которого обходили житейские заботы. Службу свою он считал удачей и уверовал, что теперь нужда не достанет его никогда. Разве этого недостаточно для того, чтобы чувствовать себя вполне счастливым?

Люди вечно куда-то торопились, хлопотали каждый по-своему, редко имея для себя свободное время. Мужиков, к примеру, без остатка привязывала к себе железная дорога. Станционные пути, конечно, блюсти надо, но главное рабочее дело на перегоне. Едва рассветет, мужики уже отправляются пешком километров за пять-семь от станции, на себе, можно сказать, везут весь инструмент. А потом день-деньской под солнцем, а того хуже — под дождем или снегом. Вот и выходило, что к своим домашним делам они доступа не имели.

А бабам где времени взять? Им управлять и с огородом, и со скотиной, и с ребятами...

Так Афоня и дошел до окончательного убеждения, что его должность наилучшая во всей Купавиной. Времени она оставляла ему вдоволь

и для того, чтобы с ребятами поиграть, и с мужиками перемолвиться, и свой подход ко всей жизни определить.

С годами в его душе поселилось спокойное убеждение, что в этой жизни уже не может быть большой беды.

А она пришла, объявившись войной.

Афоня считал войну испытанием судьбы. Но в его сознании она отличалась от всякой другой напасти тем, что нынче ее никто не испытывал отдельно, а только вместе. Для Петруся Жидких гибель отца не была горем меньшим от того, что у бабушки Стуковой накопилось уже три похоронных на сыновей. Зимой все сидели в одинаковой темноте и в одинаково нетопленных домах. Летом нужда отступила, но похоронки шли с тем же постоянством, как и зимой, а ближе к осени их стало даже больше.

Может, где-то и водились сволочи, которым было все равно, как пойдет жизнь дальше, но в Купавиной таких никто бы не нашел. Потому-то купавинцы с самого первого дня войны знали, что победа придет к ним. И не сетовали на ее цену. Потому-то и ругали нынче только погоду-изменщицу, да и то из-за того, что не знали как ее пересилить.

...Афоня неусыпно приглядывался к погоде. Ворошил память, воскрешая прошлые годы, искал похожие на нынешний. Вспоминал приметы, по которым можно хоть маленько угадать, какая осень придет. Но погода словно нарочно хитрила. Не баловала солнцем, но и дождей не было. На огородных грядках все еще дурела зелень, на полях картофельная ботва стояла, как молодая, шла в рост и не хотела ложиться. Гнезда, заботливо окуренные не на один раз, вспучились и трескались, манили каждое ведром картошки. Но когда их вывертывали для пробы, они рассыпались ядреной мелочью: не картошка, а сорочьи яйца.

— Что за оказия?! — недоумевали мужики.

— Солнышка бы доброго недели на две и вокурат бы: два гнезда — полмешка.

— А ежели без солнышка?

— Тогда уж — как бог даст.

— Хреновая надежда...

О погоде судили и рядили, как о фронтовых известиях: принимали, как есть, а что будет дальше — не знали.

Сомнения в один день обернулись затяжным проливным дождем. Мужики враз забыли про домашние дела, потому что потоки воды размывали железнодорожное полотно; поезда ползали по-черепашьи и начальники воинских эшелонов, хватаясь за кобуры пистолетов, грозились расстрелять дежурных, как вредителей, только за то, что они выдавали предупреждения о снижении скоростей.

Дождь кончился через неделю так же внезапно, как и начался. Но своенравная осень не

унылась и в первый же день октября светлым солнечным утренничком сковала землю, заставив ее поседеть. Все надежды рухнули. Бабы, не ожидая мужиков с работы, прихватив ребятишек, высыпали на поля. Путаюсь в ботве, надрытаясь над каждым гнездом, обдирая пальцы о мерзлую землю, вычарапывали картошку.

— Хоть каелкой ее добывай, окаянную!

Отмаялись только недели через две. Урожай получился небогатый. Поэтому, спуская картошку в ямы, не забывали прибрать и мелочь, которую в прошлые годы пристраивали как придется, намереваясь быстрее скормить скотине.

Женщины, наученные прошлой зимой, сразу стали экономными и строгими. Мужики, уступив им старшинство, после работы молча сидели за жидкие щи и так же молча вылезали из-за стола, если им не предлагали добавки.

А зима не торопилась с приходом, словно добровольно уступая время осени, которая не слабея утренниками, а если и баловала короткими оттепелями, то после хватала сразу таким молодым морозом, что оттаявшие голые метлы берез враз становились стеклянными.

...До Купавиной все явственнее доносились раскаты Сталинградской битвы. Даже по карте в школьном учебнике географии без труда представлялось, сколь далеко зашел враг. В те дни многим купавинским мужчинам, которые в первый же день войны подали заявления в добровольцы, разрешили уйти в армию. Уезжали не только молоденькие новобранцы. Сурово прощался с дочерью и женой путейский бригадир, член железнодорожного парткома Макар Заяров; отправлялся на войну бывший партизан гражданской — Ялунин; красный от растерянности перед слезами своей жены, совсем не похожий на военного, уезжал заведующий баней Иван Прохоров; старались отойти подальше от воюющей родни одеревяневшие от всеобщего внимания закадычные друзья и собутыльники, помощники машинистов Васька Петров и Васька Попов — по прозвищу Поп с Петром.

Мужики отдавали наказания: придется бабам поработать за них, но чтобы и ребятишек бергели.

...Афоня готовился к зиме, как все. Только его хозяйство было проще: откладывал от летней нормы продукты, которые можно подольше хранить. Выкупая мясо и масло, обменивал их на крупу прямо в магазине — это разрешалось. Запас дровишек, выхлопотал немного угля. В последнюю очередь подремонтировал одежду.

Шел ноябрь, а зима все еще не приходила, раз-два пострашала белыми мухами, да на том и остановилась. Правда, уже начинали гулять холодные ветродуи под стать зимним, высекали из глаз слезу. Неукрытая снегом земля закоченела, а дороги громко звенели под колесами телег. Пасмурные дни сменялись чернильной

темноты ночами, когда посвист ветра казался лихим разбойничьим знаком.

На работу и домой — все бегом, даже бабы в магазине перестали сплетничать: заскочат, да выскочат обратно. Улицы — без ребячьих голосов.

Афоня объявлялся из своей караулки тоже редко.

Только мужики ходили бодрые. Железнодорожный путь стоял пока крепко, поезда шли на больших скоростях, да ясная погода открывала машинистам желанный простор. Но машинистам одно, а путейцам другое. Они-то не могли забыть поздних ливней, когда едва-едва удержали дорогу, и потому знали, что зимой привалит канительной работы — начнутся пучины, и тогда придется торчать сутками где-нибудь в выемках, а то и на голых местах среди болот. Поэтому-то на ветер они смотрели снисходительно, как на собаку-пустолайку, ждали морозов.

В самом конце ноября в одну ночь неслышно лег мягкий снег, ровно укрыв все вокруг. Он придавил ветры к земле. Открылось солнце, но принесло не тепло, а колкий, зимний морозец. И не верилось, что пришла зима: всегда осень с ней боролась, не единожды спуская снега, прежде чем покориться.

По первому снегу Афоня впервые отправился за Купавину один. В безветренной тишине мягко похрустывал свежий снежок. Миновав последние дома, Афоня прошел новенький переезд через красногорскую ветку и по знакомой тропке, угадывающейся под снегом, подался в сосняки на левобережье Каменушки, а потом — к Исети. Под невысокими соснами да среди сбившегося в кучи подроста тишина хранила целомудрие: вопреки своему характеру бор безмолвствовал, точно знал и не хотел говорить о какой-то тайне.

Афоня вышел на один из высоких утесов, стороживших излучину Исети, и увидел высокие трубы незнакомого завода, а под ними белые четырехэтажные дома. Они выстроились не только по правому берегу Исети, но и перелезли на левый, спрятавшись в высоких соснах дальнего края бора.

— Ишь ты, резвый какой! — подивился Афоня, глядя на многолюдного новосела.

К полдню Афоня достиг грязнушкинской дороги, добрался по ней до переезда через главную железнодорожную магистраль. В будке переезда жил старинный Афонин друг, переездный сторож Никита Фролов. Хозяин встретил Афоню без удивления, хоть и сказал:

— Вот не ждал. Летом не собрался, а сейчас — пожалуйста. Милости просим! Желанный гость — к обеду.

И снял с печурки военный котелок с дымящейся картошкой. Афоня кивнул на посудину:

— По-военному живешь: и амуниция военная у тебя.

— Подарок,— ответил Никита.— Летом еще останавливался у меня тут эшелон: семафор не пусквал. Я вокурат свой чугунок песком чистил. Увидели солдаты, засмеялись и дали котелок... Покрышку-то к нему сам уж изладил. Ешь. Только хлеба у меня нету.

— Она, картошка-то, без хлеба легче,— ответил Афоня.

Картошку круто солили, запивали водой. Разговор вели неторопливый: слово — через картошку, другое — через глоток.

— Как там? — интересовался Никита.

— Сказывают, на Волге немца побили,— ответил Афоня то, что слышал по радио.

— Дело,— кивнул Никита.

Неторопливо очистили по картошке.

— Исправные мужики на войну едут,— сообщил, наконец, Никита.

— Дело серьезное,— высказал свое мнение Афоня.

— Который котелок-то мне отдал, спрашивал: как живете? Говорю: хорошо.

— А он?

— Интересуется: не голодно? Показываю ему на поля да огороды: вон сколько еды, говорю. И вас голодом не оставим. Только, говорю, вы там попрлежнее с ним, с Гитлером-то, чтобы каждая пуля без промаху. Обещался. Обратное, говорит, поеду, непременно, отец, тебе рапорт отдам.

— И отдаст,— сказал Афоня.

— А как же! — Никита улыбнулся.— Я ему, Афоня, так напрямки и сказал: дождусь, мол!

— Требовательный ты, мужик, знаю,— похвалил Афоня.— Своя-то служба как?

— Да так... Сменщика-то нет теперь, а поезда идут часто,— поведал Никита.— Старуха приходит, провожает поезда за меня часа три, пока высплусь. А потом опять сам. Вишь, и постель устроил, как-нибудь пробьюсь до победы.

Расстались в сумерках.

Афоня пошел домой напрямик, через густой — в зарослях — лес,— знал свою дорожку. К березовой роще вышел, когда в небе уже висела луна. В голубом безмолвии под березами тихо спали могилы. По опрятным холмикам Афоня догадался, что могилы подправили еще по теплу. Вспомнилась встреча с Александром Павловичем Завьяловым. Позаботился, значит.

Еще раз обернулся и увидел, что белые надгробья лежат оправленные в траурные тени берез.

Через час уже сидел с берданкой на завалине магазина. Купавина потушила в домах огня. Но Афоня знал, что не все еще спят. Сухими глазами глядит в темноту бабушка Стукова, посылая молитвы в охрану своих остальных живых сыновей-солдат. Лежит в ночи без сна Альфия Садыкова из-за своей мелкой детворы, которая постоянно мается животами. Принимают подушки

горькие слезы овдовевших солдаток, кающихся в одиночестве, что не успели вовремя затяжелеть...

10.

Почти до нового года вторая военная зима прикидывалась милостивой. Как хитроватая хозяйка нежеланных гостей, зима с улыбкой проводила старый год, порадовав детвору катушками да играми, а потом, спрятав следы праздников под убродным снегом, сразу ударила сорокаградусной стужей, замораживая вагонные буксы, загоняя людей по домам, не выпуская малышню в школу. И все заметили, что дров припасено в обрез, что бескормица не за горами, и скот удержится только чудом. И, словно подтверждая невеселый людской подсчет, убавились продуктивные нормы.

Купавинцы еле держались домашним подспорьем, а на станции зима уже начинала свой разгул. Все чаще с поездов снимали больных людей, но и втрое расширенный медпункт не вмещал всех, кому нужна была помощь. Врачи определяли у них грипп, воспаление легких, а у некоторых даже тиф. И еще говорили, что ослабели люди.

До войны возле вокзала кроме двух киосков стояла еще вместительная зеленая будка, в которой был скорый ремонт обуви. С начала войны сапожная будка, как и ее соседи-киоски, закрылась. А после нового года большой всячий замок с нее сбили, потому что потеряли ключ, и повесили новый замок, поменьше. В будку стали складывать покойников.

С того дня старались не глядеть на нее купавинцы. Только любопытная ребятня, преодолевая страх, без дыхания приникала к щелям в деревянном щите, закрывавшем окно, и до рези в глазах всматривалась в полумрак. Далекий окрик милиционера Силкина отбрасывал ребятишек от будки, они рассыпались в разные стороны, а немного погодя купавинцы уже передавали друг другу:

— Там двое.

— Нет — трое.

— Мой говорил: двое.

— Погоди, что еще к вечеру будет...

Никакие строгости милиционера Силкина не могли остановить ребятишек, и купавинцы исправно получали сведения каждый день. А вскоре в разговорах заходило слово «копилка» совсем с недвоественным смыслом:

— Опять из «копилки» двоих в березовую рощу свезли...

Ребятня фантазия, услышанные случайно разговоры на веру принимались чаще всего женщинами.

— Слышали, в «копилке»-то лежит в милиционерской шинели?

— Неужели, милиционер?

— Нет, шпион!

— Ой!

— Переодетый. Сказывают, охранники станционные застрелили: наган у него нашли...

При всех скидках на давнюю слабость купавинцев ко всяким небылицам, в их словах была и доля правды. Да, лежал в «копилке» человек в милицейской форме, только не переодетый шпион, а настоящий милиционер — командировочный. И не убитый охранниками, а умерший в поезде от отравления: купил где-то на станционном базаре у спекулянтов испорченные консервы. А сняли его с поезда действительно бойцы вооруженной охраны, потому что больше некому было.

Вот и стояла возле вокзала «копилка» — холодный временный приют унесенных из жизни болезнями да несчастными случаями в дорожной суеде войны.

И неизвестно, сколько еще былей и небылиц связала бы купавинская молва с «копилкой», не случись событий, отодвинувших все другие.

Продавщица магазина, отговариваясь отчетом, отказалась выдать хлеб за четыре дня вперед Альфии Садыковой. Ни уговоры, ни слезы не помогали.

— Засудят меня! — чуть не плача, объясняла продавщица, женщина своя и добрая. — У самой вперде забрано.

— Жрать нечего, — упрямо твердила Альфия, отказываясь понимать любые доводы. — Ребятишка ревет!..

Бабы в магазине молчали. В других делах каждая из них непременно вынесла бы свое мнение, которое не сошлось бы ни с чьим. Но на этот раз все понимали Альфию, потому что сами могли очутиться на ее месте. Но никто не решался осудить и продавщицу, которая — все знали — после закрытия магазина сидит допоздна за прилавком, клеит талончики на газетку, а потом пересчитывает на счетах не на один раз.

Между тем скандал разрастался. Потерявшая остатки терпения, Альфия вдруг закричала:

— Собака ты! Собака ты! Собака ты!..

Продавщица онемела от неожиданности. А потом заревела. Кто-то из баб кинулся уговаривать Альфию, оттесняя ее от прилавка. Другие успокаивали продавщицу. В магазине поднялась кутерьма.

А через полчаса по Купавиной разлетелось: — Альфия повесилась!..

Возле барака, в котором жили Садыковы, в миг образовалась толпа. Несчастный Нагуман стоял с ребенком в руках, остальные ребятишки держались за его штаны.

— Баба с ума сошла... — твердил Нагуман одно и то же.

Наконец вышла фельдшерица, строго приказала ему:

— Не морозь детей, иди домой. Спасли ее.

Нагуман молча повиновался.

Альфия лежала на кровати. Возле нее сидела санитарка. Альфия еще не вполне пришла в себя, бессвязно бормотала что-то по-татарски. Нагуман столкнул перепуганных ребятишек на печку, не подходя близко к постели, смотрел на жену, как на чужую.

Афоня находился тут же. Но видел он не Альфию. В доме Садыковых остались только голые стены. Если не считать засаленного деревянного столика, скамейки, двух-трех табуреток, да продавленной посредине железной кровати, накрытой потерявшим цвет одеялом, глазу не на чем было остановиться.

Альфию от смерти спасли, но зима не отступилась ни от Садыковых, ни от многих других. Стали бить скот. Начинили с мелкой живности: кур, овец, телят-полугодовиков. В феврале забили первую корову...

С нуждой боролись с молчаливым упорством, как со зверем, от которого нельзя ждать пощады, а надо только одолеть. Никто не хотел сдаваться, потому что со сталинградской стороны докатывались залпы большого наступления, и сердце не могло обмануть: начинали наши солдаты свой победный путь.

А пока...

Темная длинная конюшня казалась большой и мрачной. Маленькие продолговатые окошки давно зашили досками для тепла. Когда-то здесь в любую стужу стояло тепло, вздобренное запахом овса вперемежку с родным конским духом. Теперь в стойлах остались только Челка да Коурая — две старухи, как незлобиво называл их Степан.

Мохнатые от инея стены, пустые сенные кормушки, холод не меньше, чем на улице, делали конюшню пустынной. В ее полумраке прыгающим привидением маячил Степан. Повортываясь вокруг своего костыля, он тяжело вваливался то в одно, то в другое стойло, потом надолго замирал, озираясь затравленным взором, и с отчаянной решимостью бросался в стойло на другом конце конюшни.

Но чудес не бывает: все кормушки пустовали.

Степан вернулся в дальний угол конюшни, привалился к стойлу, в котором дремала Челка. Опустив голову в пустое деревянное корыто, она думала о чем-то своем и даже не открыла век. Хребет ее глубоко прогнулся, словно опущенное тощее брюхо оттягивало его.

А Степану она вдруг привиделась молодой, какой была десять лет назад. Тогда буланая шерсть ее лоснилась, как дорогая парча, а величавой материнской красоте и осанке Челки завидовали самые придирчивые знатоки. Помнил Степан и то, как ездил с нею в Шадринск к

знаменитому жеребцу Дикому. А потом родился у Челки серый в белых яблоках Атлас. Не походя на других лошадей, Челка зорко оберегала свое дитя, но не протестовала, когда Степан подходил к нему.

Было это всего десять лет назад... Через два года Атлас взял на районных бегах первый приз, никому не отдавал его четыре года. Потом в район его уже не выводили, потому что добился он и областной премии.

Сейчас Атлас уже второй год воюет на каком-то фронте: забрали его в первую же неделю, и с тех пор ни одной весточки.

Может, Челка и думала о нем, видела его летящим по широкому снежному полю с красивым всадником в седле.

Степан погладил Челку по шее, ласково провёл шершавой ладонью по морде, ощутил мягкие бархатные губы. Едва дрогнули они в ответ. Тогда Степан достал из кармана полушубка горсть пшена, украденную из запасов Анисьи,

поднес Челке. Она попробовала взять пахучее зерно, но только ослонявила Степанову руку, просыпав половину на пол. Разучилась.

— Ох ты, беда какая! — выдохнул горестно Степан. — За что мне этакое наказание?!

В соседнем стойле молчала Коурая.

Степан сходил за теплой водой. Челка отпила совсем немного, но заметно ожила, потерлась мордой о Степаново плечо.

Ночевать домой Степан не пошел. Сидел на хомуте в стойле напротив и глядел на Челку. А она на его глазах вдруг, задрожав ногами, начинала приседать. И каждый раз при этом Степанову грудь наполнял холодок. К полуночи, разыскав в конюховке два широких брезентовых ремня, Степан подвел их под живот Челки и подтянул к верхним доскам перегородок. Челка благодарно пошевелила хвостом.

Под утро Челка ослабела совсем и, медленно оседа, повисла на ремнях. Степан метался возле, лаской хотел поставить ее на ноги. И она,

понимая, напрягала последние силы, но ноги не выдерживали. И она опустилась совсем.

Степан обнял ее за морду, прижался к ней...

Так утром и увидел их Нагуман Садыков. С одного взгляда понял все, тихонько вышел из конюшни, зашел к начальнику путейского хозяйства:

— Тама на конюшне Степан ревет. Челка издох... Хоронить нада.

С того дня, когда Альфия хотела наложить на себя руки, забеспокоился Афоня. Он наведалься и в другие дома. Каждый раз возвращался невеселый. Во многих семьях ребятшки слабели. Да и по себе Афоня чувствовал, что слабеет. Поэтому не мешкая съез на базар все, что накопил с лета. Вместо муки купил немолотого зерна и картошки. На другой же день, прихватив котелок овсяной каши, пришел к Садыковым.

Альфия сидела с девочкой, которая ревела у нее на руках, отталкивая ручонками пустую грудь. И Афоня, рассчитывавший покормить только малышня, пригласил к столу и Альфию. На восемь ртов двухлитровый котелок — не велика еда. Но после того, как он опустел, повеселели ребятшки, исчезло выражение муки с лица Альфии.

— Картошка-то есть еще? — спросил хозяйку.

— Нету, — с коротким вздохом отозвалась та.

— Мало накопили?

— Совсем мало.

— А что так?

— Новый дорога все завалил, — ответила Альфия.

И Афоня понял, что огород Садыковых, как и некоторых других, попал под строительство тупика для разгрузки санитарных поездов: в Красногорске организовали госпиталь.

— Вот какая оказия! — только и вымолвил Афоня. — Выходит, карточки одни и все?

— Все.

Надолго замолчали.

— Слышь-ка, Альфия, — вдруг встрепенулся Афоня. — Вы корову-то в прошлую весну зарезали?

— В прошлую.

— А кожа где?

— В сарайка висит, — махнула рукой Альфия.

— Ну вот, — оживился Афоня. — Притащи-ка ее сюда.

— Зачем? — Альфия не торопилась.

— Тащи, говорю. Вот глупая... Ну, давай сам схожу. — И обернулся к печи: — Галимзянка, слезай быстрее, айда со мной.

Восьмилетний Галимзян слез с печи, оделся и вместе с Афоней вышел. Скоро они с трудом втащили в комнату замерзшую коровью шкуру, бросили на пол.

— Пушай тут и лежит до завтрашнего дня, — распорядился Афоня. — Утром приду.

С утра Афоня заставил Альфию вскипятить воды. Оттаявшую шкуру, предварительно разрезав на четыре части, распарили кипятком в вымытом корыте. Потом вместе с Нагуманом принялись соскабливать шерсть. Чистые куски кожи разрезали, заставив Альфию старательно вымыть каждый. Вычищенная коровья шкура едва-едва уместилась в большом тазу.

— Эвона — сколько еды у вас! — весело поглядывал на Садыковых Афоня. И распорядился дальше: — Завтра получше истопи печь, Альфия. Опять приду.

На другой день Афоня кудесничал дольше. Нарезав кожи помельче наполовину большой кастрюли и залив ее водой, Афоня поставил кастрюлю в печь. После обеда при нем же непонятное варево вытащили. Тогда Афоня упревшую кожу переложил в деревянное корыто для рубки мяса и усадил Альфию за работу. Не более чем через час Афоня, перемешав бульон с фаршем и приправив его принесенной луковкой, разлил все по чашкам.

— Вот и холодец спроворили!..

Холодца получилось много, килограммов пять. И это был настоящий холодец. В тот день, впервые за несколько недель, вся семья Садыковых, да и Афоня вместе с ними, наелись досыта.

— Научилась? — спрашивал Афоня Альфию.

— Ага, научилась, — ответила та.

— Часто-то не делай его, — наказывал Афоня. — Разве что по воскресеньям. Тогда на месяц хватит, а то и больше. Дельный разоставок будет к карточкам-то...

Альфия послушно кивала и поправляла пеленку у маленькой, которая крепко спала возле ее груди.

...Когда Афоня зашел к Петрусью Жидких, тот обрадовался и растерялся одновременно. Дома он был один, лежал на кровати поверх одеяла, укрывшись своим пальтишком. При появлении гостя вскочил, поставил перед ним стул.

— Только холодно у нас, — сказал извинительно.

— Не беда, — успокоил его Афоня. — Не промерзну. Гляди, какой полушубок у меня.

— Старенький. И в заплатах...

— Это самое лучшее и есть, — улыбнулся Афоня. — Овчина, когда обомнется, она лучше и на ходу легче. А от заплаты — самое тепло. Не знаешь?.. Как живешь? В гости почему не забегаешь?

— А я никуда не хожу... Уроки...

Афоня уже видел, как сжалось и побледнело личико мальчика.

— А я тебе гостинец принес, — сказал Афоня и полез за пазуху.

Он положил на стол чистый тряпичный сверток с горячей, только что сваренной картошкой. Потом поставил четвертинку с молоком.

— Поешь-ка да поговори со мной...

— Что вы! — испугался Петрусь, отстраняясь от еды. — Я не могу...

— Нехорошо, — огорчился Афоня. — Обижает ты меня. Вспомни, как летом угощал меня капустным пирогом, или забыл?

Во взгляде Петруся отразилось сомнение в своей правоте.

— А грибной похлебки притаскивал в поллитровой банке, тоже, поди, забыл? — осторожно донимал его Афоня. — А я не забыл... Ешь-ка давай!

— Хотите вместе? — предложил Петрусь.

— Ну и смешной же ты! — хохотнул Афоня и даже руками взмахнул. — Ты погляди: картошка-то еще горячая. Я только что целый котелок съел, это — остатки, — показывая на картофелины, ловко соврал Афоня.

— Ну, разве так...

Петрусь намеренно неторопливо чистил картошку, но от Афоного внимания не ускользнуло едва приметное дрожание детских пальцев и то, как Петрусь проглотил нетерпеливую слюнку. Откусив картошки, он прямо из бутылки отпил молока.

— А ты налей молока-то в чашку, — посоветовал Афоня.

— Из горлышка вкуснее, — ответил Петрусь.

— Коли так — другое дело...

Петрусь съел две картофелины из четырех, выпил ровно половину бутылки молока и остальное отодвинул в сторону. Увидев взгляд Афони, поспешно объяснил:

— Это — на потом.

Афоня почувствовал его хитрость. Петрусь никогда не забывал о матери. Даже тогда, когда ходили в лес за крупяшками и пиканами. Он самые лучшие нес ей.

— Разве так едят? Не обижай меня, — недоброльно сказал Афоня.

Петрусь не знал, что делать. Затруднение оказалось столь мучительным, что щеки мальчика едва приметно зарделись румянцем. Тогда Афоня помог ему:

— Ты хоть молоко-то допей. А картошки пусть... Бутылочка-то у меня в хозяйстве одна.

Дальше упорствовать Петрусь не мог. Он допил молоко, а картофелины положил в маленький ящичек стола, в котором лежали ложки и вилки. Облегченно вздохнул.

— Школьные-то дела как? — спрашивал Афоня.

Петрусь пожал плечами.

— По-старому. Отметки хорошие. Только хлеба теперь не дают. Раньше на большой перемене вот такой ломтик давали да еще с повидлом иногда...

— Будут давать, — твердо пообещал Афоня.

— Может быть, — неуверенно согласился Петрусь.

— Радио-то у вас есть?

— Есть.

— Как там на фронте? А то я сижу в своей избушке, ничего не знаю.

— Наступают всюю! — сразу оживился Петрусь. — Мама сказала, что если так пойдет, то летом поедем домой. У нас недалеко от Орши бабушка живет. Мы о ней пока, правда, ничего не знаем, но у нее там сад.

— Раз наступают, ясное дело, поедете, — подержал Афоня.

— Ох, и бьют немцев! — говорит Петрусь. — Я слушаю радио и каждый раз по карте линейкой меряю — по масштабу — сколько километров в день гонят.

— И много ли?

— По пятьдесят и даже семьдесят выходит.

— Ловко! — подивился Афоня. И спросил: — В гости-то приходите ко мне будешь?

— Когда в школе выходной...

— И так ладно. Не забывай. Скоро весна, лето. Делов-то у нас прибавится.

...Запоздалая зима навестывала упущенное. Истратившись на метели, завалив снегом овражки, колки и дороги, она принялась будоражить людей волчьим воем — верная примета падежа скота.

Недалеко от деревни Грязнушки стоял одиноко, прижавшись к небольшому лесочку, Большой хутор. Многие годы туда переводили больной скот с колхозных ферм. Нынче с половины февраля закужили вокруг хутора волчьи стаи, а потом один за другим пошли их разбойничьи налеты: среди бела дня резали то овцу, то телушку. Хуторские сторожа оборонялись берданками. И тогда хищники отходили в поле, садились на бугры, день-деньской маячили на глазах.

А по ночам заводили свои голодные песни.

В районной газете напечатали объявление, манили обещанием: за каждого убитого волка колхоз, на чьей земле возьмут хищника, обещал овечку.

Васька Польшаев, Гешка Карнаухов и Санька Ялунин пришли к Афоне за советом.

— На волков задумали идти, — объявили серьезно. — Как их бьют?

— Обыкновенно — артелью.

— И мы — артель.

— Из мужиков кого-нибудь прихватили бы, — осторожно посоветовал Афоня.

— Некогда им.

— А вооружение у вас какое?

— У Саньки отца двустволка, у Гешки — малокалиберка осовахиимовская, взял по знакомству, а у меня старинный дробовик, — выдохнул Васька.

— И куда идти думаете?

— К Больному хутору.

— Не бойтесь?

Ребята не боялись. Очень хотелось получить в награду овечку — мяса-то сколько! Афоня шиб-

ко не отговаривал: Ваське и Гешке — уже по шестнадцати, Саньке — четырнадцать, все не маленькие. Но схитрил все-таки, посоветовал охотиться днем, когда волк боязлив.

...На другой день ребячья экспедиция двинулась на лыжах в сторону Грязнушки. За Никитиным переездом с дороги свернули к перелескам. Никто волчьих места не знал, рассчитывали на удачу. К полудню наткнулись на следы.

— Может, не пойдем? — робко спросил самый маленький — Санька. — Вон сколько их...

— Как это не пойдем?! — огрызнулся Васька Полыхаев. — А овечка?

— Засаду надо сделать, — предложил Гешка.

— И просидим до вечера зря, — отверг Васька. — Дурак он, что ли, волк-то, на пулю идти?

Двинулись дальше. Разговаривать не хотелось. Ружья тяжело давили на плечи, котомки мешали. После полудня, успокоившись уже, что волков уже не будет, неожиданно увидели двух: друг за дружкой они неторопливо шли им наперерез метрах в семидесяти.

— Залегай! — рявкнул Васька.

Ребят как ветром сдуло с дороги, разом упали в снег, завозились с ружьями.

Волки вышли на дорогу метрах в пятидесяти. Один крупный — видимо, самец, другой — поменьше, но оба худые. Остановившись, самец понюхал воздух, помешкал и присел. Другой последовал его примеру.

— Самое время палить! — зашептал Гешка, взглянув на Ваську.

— Погоди, может, поближе подойдет...

Отчаянный и бесстрашный был Васька Полыхаев.

— Зато сидят, — не сдавался Гешка. — Попасть легче.

В это время без всякой команды грохнул из одного ствола Санька Ялунин. Что-то крикнув, как из пушки саданул Васька. Потом снова Санька.

— А ты? — крикнул Васька Гешке.

— Я уже, — отозвался тот.

Выстрела Гешкиной малокалиберки никто не слышал. Санька торопливо перезаряжал ружье. Васька сказал со вздохом:

— Пошли...

Это относилось к волкам. Матерый, повернувшись в сторону выстрелов, поглядел долго, а потом, не торопясь, подался в другую сторону. За ним тихонько затрусил второй.

Ребята молча глядели им вслед.

— Пожалуй, стаю нам не одолеть, — предположил Гешка.

— А у меня только и было — на один заряд, — сказал Васька.

— Пойдем в следующий раз, — сообразил Гешка.

— Ладно, — согласился нехотя Васька. — Поворачивай.

Бодро побежали обратно. На передыхе Санька спросил:

— Видели, какая шерсть у него на загривке-то: дыбом.

— Злой же он, — объяснил Васька. — Ему и по карточкам ничего не дают, самому добывать надо. А, думаешь, мы одни ходим за ними?..

Шли напрямик. Санька отстал. Большое ружье било его под колени, он поминутно поправлял его, путаясь в великоватом полушубке. Лыжные палки то и дело заносило в стороны. И вдруг одна из них ткнулась во что-то твердое.

— Ребя! — заорал уже в следующее мгновение Санька. — Айда сюда!..

Прибежали запыхавшиеся Васька и Гешка. В снегу лежал мертвый волк.

Ребята переглянулись. Потом Васька с трудом выворотил оледеневшего зверя из снега, на его боку увидели красную наледь.

— Подранок сдох! — определил Васька.

— А кто его? — спросил Санька.

— Хоть кто! — сердито обрезал Васька. — Заберем, и все. Никто и не ищет его, видишь — занести успело.

— А увидят у нас?

— Убили, скажем, свидетели-то где?

— И овечка наша, — заключил Гешка.

...Вечером по самой середине улицы Купавиной устало и солидно шествовали три лыжника. Первым шел Васька Полыхаев — самый рослый и сильный. Он тянул волоком на веревочных лямках заарканенного матерого зверя. За ним с двумя котомками и лыжными палками в одной руке вышагивал Гешка Карнаухов. Последним тянулся Санька Ялунин, согнувшийся под тяжестью двух ружей. Редкие купавинцы, ничего не понимая, с любопытством смотрели им вслед.

Зато Афоня встретил ребят шумно:

— Неужто замаяли?! Вот диво-то! Гренадеры чистые! А кто?

— Залпом, — коротко ответил за всех Васька. — Двое их было. Один ушел, зараза!..

— Двое?! — испугался Афоня.

— Ага, двое. Другой, наверное, раненый, — врал дальше Васька. — Аккурат — километра за три от Больного хутора.

— Ай да герои! — поражался Афоня. Дотронулся до зверя. — Замерз-то как шибко...

— Где хлопотать овечку-то, — спросил Гешка, чтобы отвести расспросы.

— Про это я не шибко знаю, ребята, — ответил Афоня. — У Силкина надо спросить.

— У Силкина?!

— А у кого же? Он власть-то. — И посоветовал: — Вы сами-то и не ходите, пусть чей-нибудь отец.

Волка заперли в Гешкином сарае на замок. Когда расходились, Васька по очереди поднес кулак к Санькиному и Гешкиному носам:

— Кто прошлепает — смерти!

Все обошлось благополучно. Правда, овечку ребята не получили. Зато Васькин отец, сдав шкуру волка в Заготживсырье за пятьсот рублей, по квитанции получил в Грязнушке еще тридцать килограммов ржи на всех.

...Перед мартом потеплело. Осел снег, потемнела, запахла конским пометом дорога. И кончились Афонины запасы: последний месяц пришлось подкармливать ребятишек в десяти домах. Чаше других заходил к Садыковым. Там беда схватила за горло всех: не вставал с кровати Нагуман, примолклише, сидели на печи ребятишки, одна Альфия тенью бродила по дому.

Привыкли к Афоне и четыре маленькие девочки Степана Лямина. Когда Афоня заходил в их домишко, они спешили ему навстречу, стараясь чем-нибудь угодить. Он смотрел, как они усаживаются за стол, а сам говорил Степану:

— Счастливый ты, Степан. Этакое множество невест у тебя растет. Не заметишь, как наступит у тебя райская пора: каждый день по гостям... Зайдешь в один дом, а там зять тебя с угощением ждет. На другой раз — к следующей дочке. Им ненадоедливо, а тебе гуляй знай!

Степан с почерневшим лицом, неподвижно сидевший на лавке подалше от стола, казалось, не слышал ни слова. Молчал. И тогда Афоня, торопливо попрощавшись, уходил.

Возвратившись после своих походов, долго лежал на топчане в полудреме и думал о том, что завтра зайти к ребятишкам уже не с чем.

В один из таких вечеров его разбудила Альфия.

— Афоня! Афоня, — не то звала, не то плакала она. — Айда к нам: моя Нагуман умерла... Обмывата нада.

...А утром скормил с чаем Петрусю половину своего хлебного пайка.

...Тише стало на Купавиной. Мартовским светлым утром, радуясь близкой весне, не вскрикнет на всю станцию горластый ляминский петух, не откликнутся ему другие. Не промычит жалобно чья-то корова, истосковавшаяся по хозяйке, опоздавшей к дойке. Не донесет ветерок от конюшен парного запаха свежего навоза да вкусного залежалого сена. Только пересвистываются гудками паровозы, да гремят один за другим тяжелые составы.

Две недели назад принесла жена Никите Фролову на переезд ведро картошки.

— Последнее, Никита, — сказала виновато.

— А себе-то оставила? — спросил он.

— Есть маленько. Да я ведь дома, — неопределенно ответила она.

— Может, с грехом пополам и дотянем.

— Надо, — сказала жена.

Что стояло за ее словами, Никита знал. Единственный сын Фроловых — Прокопий — еще до

войны четыре года служил на Дальнем Востоке. Там закончил командирские курсы, а после Хасана приехал домой. Целый день тогда просидел за столом. У Никиты слипались глаза от выпитого, но он крепился изо всех сил, не подымался из-за стола, только рукой приглашал каждого к угощению. Хотелось ему, чтобы все разглядели новенькую гимнастерку сына, упругие ремни и зеленые петлицы с двумя красными кубиками, а главное — медаль «За отвагу!» Пусть глядят, думал про себя Никита, потому что был его Прокопий на редкость смиренным и стеснительным парнем, краснел перед девочками. А на поверку-то — глядите! И относил такую перемену в сыне исключительно на свой счет: «Моя кровь! Я в свое время вон какую девку одолел, Дуньку-то»...

С начала войны целый год получали от Прокопия письма со старого адреса, в душе радовались, что пока очередь сына воевать не пришла. И не зазорно было: все равно в армии, как полагается у всех, а что на Востоке, так это дело высокого начальства, значит, и там пост важный.

Осенью пришло последнее письмо. Написал Прокопий, что и он отправляется померяться силой с врагом. И все. Где Прокопий теперь?..

— Ты, Дуня, больше ко мне не ходи, не бей ноги-то, — наказывал жене Никита. — Днями у меня мастер был, такое разрешение дал: ночью шлагбаум закрывать совсем. Ежели кому переезд понадобится, будут просить меня. А ты, говорит мне, можешь и вздремнуть маленько. Так что мне теперь заместителя и вовсе не надо. Тебе, выходит, отдых...

Жена молчала. Никита же не мог сидеть с ней вот так, молчком. Знал, что она в это время думает о сыне.

— Что новенького-то на Купавиной? — спросил. — Дружок-то мой, Афоня, скрипит?

— Скрипит. Только вовсе худой стал. На улице видела: идет. Самому-то, наверное, кажется, быстрехонько бежит, а со стороны-то виднее: только ноги часто переставляет, а только-то не лишка.

— Ему совсем край, — посочувствовал Никита. — Подспорье-то и раньше было какое? Гостинцы. А нынче где их возьмут?

— Помогают ему помаленьку-то. Сама вчерась полведра картошки снесла.

— Хорошо сделала.

— А он все по ребятишкам с заботой.

Она впервые улыбнулась. И Никите тоже стало легче. А сказал, что и вначале:

— Так ты, Дуня, не май себя больше.

— Как знаешь, — ответила она по привычке во всем соглашаться с ним...

И вот уже две недели не приходила. Никита в душе даже обижался немного. И думал тоскливо:

— От Прокопши, наверное, так ничего и нет. А то бы не удержалась, прибежала.

Последние дни мысли самого Никиты все чаще обращались к сыну. Он и не заметил, как стал говорить о нем с женой вслух.

— Ну ладно, Евдокия,— обращался к ней назидательно, глядя в сторону Купавиной.— Не пишет. И что из того?.. Думаешь, у него там времени-то только и есть, что письма нам сочинять? У него люди на руках, команда вручена ему. Погляди, что делается: день и ночь гонят немца. Не на лисапеде за им едут, а в атаку идут. Поди, и соснуть-то некогда...

Давно не брился Никита, густо оброс щетиной. Ополаскивался утром, приглаживая бороду, заметил, что лицо стало мягче, вроде бы даже чужое. Но это занимало его недолго. Кипятил воду, грелся ею. Картошка давно кончилась. А беспокоило то, что иногда сон одолевал его днем. Просыпался, как от испуга, глядел на старенькие казенные ходики, что висели на стене. На сердце отлегалось: проспал, выходило, всего несколько минут.

Легче бывало ночами. Морозец бодрил, дышалось легче. Тогда Никита и делал свою главную работу по содержанию переезда: брал старенькую метелку и при свете фонаря чистил забитые мусором зазоры между рельсами и настилом.

Весна нынче просилась ранняя. К концу марта ночами уже не замерзало. Снег как лежал днем кашей, так до утра и оставался, а днями уж пробивались ручьи.

— Так и спустит потихоньку, без хлопот,— думал Никита.— Путейцам никакой маяты.

В одну из таких ночей, прозрачных и молодых от звенящих в вышине звезд, вышел Никита из будки, услышав далекий гудок паровоза. Поезд был еще далеко и едва угадывался в темноте по отсвету прожектора. У Никиты закружилась голова, и он невольно придержался за широкий брус перил переезда. Головокружение не проходило. Тогда, перекрыв белый свет фонаря зеленой створкой, Никита поставил фонарь на брус, обратив его навстречу поезду, шум которого уже ясно слышал. Сам же присел на подкладки, аккуратно сложенные путейцами, привалился спиной к стойке перил.

Машинист, увидевший зеленый свет, как полагается— за сто метров до переезда,— приветливо свистнул, а потом прогрохотал длинным составом.

Никита, не в силах преодолеть дрему, сидел на стопке подкладок и согласно кивал поезду.

Потом поезда шли еще и еще. Но Никита уже не слышал ни приветливых гудков паровозов, ни бодрого гула составов.

Только трепетный зеленый огонек одинокого фонаря встречал их.

Путь на Запад был свободен.

11.

Купавинцы заметили перемену давно. Еще в феврале уборщица магазина Мария Кузьмина сказала продавщице:

— Ольга, ты приглядишься-ка к Афоне. Что-то с ним неладно.

— Сама вижу, только понять не могу. Отощал будто,— ответила та и предположила:— А, может, захворал?

— Не походит,— усомнилась Мария.

— Ума не приложу. Вроде бы и варит каждый день.

— Шибко перевернулся,— сокрушалась Мария.

Да и другие купавинцы уже примечали в Афоне перемену. Раньше, несмотря на видимое нездоровье ног, он всегда гляделся бодрим, веселым, а главное— любознательным. И к этому привыкли. В последнее же время Афоня ничем не интересовался. А что особенно удивляло, мог пройти мимо, не поздоровавшись.

И в то же время бросалось в глаза, что никогда еще Афоня так много не ходил по Купавиной, не был столь хлопотлив и непоседлив, как в нынешнюю весну. Постоянно чем-то занятый, он куда-то торопился, подолгу пропадал из своей караулки.

Потом всех поразило его лицо. На первый взгляд могло показаться, что Афоня даже поправился. Но прошла неделя, и лицо стало одутловатым, кожа почти прозрачной, за ней угадывалась водянистость. И тогда поняли.

Затаенная тревога не обошла никого. Первой пришла бабушка Стукова. Афоня растерялся перед столь знатной гостьей, рукой прошелся по единственной табуретке.

— Ты не суетись,— попросила Стукова.— Митьку-то моего знал, которого прошлой осенью забрали?

— Как же, Дарья Зиновьевна! Еще играл с ним годов-то десять назад.

— Ну вот... Бумага теперь от него осталась одна на всю мою жизнь.

Строго была Стукова, очень похожа на своего мужа— мужчину степенности железной и суровой. Говорила сухо: ни слезинки, ни слабости в голосе.

— Четвертый, значит? — тихо спросил Афоня.

— Четвертый.

— Ох-ох-ох! — только и вымолвил Афоня.

— Ладно,— сказала Стукова.— Давай-ка, помянем его.

И вытащила из продовольственной сумки кастрюльку. Объяснила:

— Куриный... Нам со стариком еще по курице осталось.

— Что ты, бог с тобой, Дарья Зиновьевна! Сытый я сегодня, как мизгирь. Не могу,— при-

кладывая руку к животу, клялся Афоня.— Коли хочешь уважить — оставь. Сейчас не могу.

Стукова согласилась.

Наутро Афоня отнес еду садыковским ребятишкам.

Впервые в жизни Афоня обманывал. Понимал, сколь дорого стоит нынешнее отношение людей к нему, все относил на их доброту душевную и обманывал. Не из-за себя обманывал и не ради себя. Просто не лез ему кусок хлеба, когда знал, что в это время Петрусь лежит один в комнате под своим пальтишком и трет ручками пустой живот, чтобы унять боль.

Не сговариваясь, купавинские бабы забегали теперь к Афоне почти каждый день — то с двумя-тремя картофелинами, то с миской похлебки.

Сам Афоня еще до февраля заметил, что стало труднее ходить. Но забот прибавлялось, и к усталости привык, как и привык обходиться без завтрака, а потом и без ужина.

Больше всего любил он весну. Не только своими непостижимыми тайнами манила она, но и чудодейственной силой, в которой проявлялась всякая изначальность жизни. Разве не чудо, что сухой еще с осени, заледеневший в зиму сучок, ломающийся от ребячьей руки, оживает вдруг под солнышком, проклевывается почками, а потом выбрасывает лакированные листья? За две недели из неказистой, неприметной среди других травинки вдруг появляется ромашка — любовная гадалщица!

Все маленькое становится весной большим, все слабое — сильным, обыкновенное — красивым.

А в нынешнюю весну, которая уже стояла на пороге, Афоня впервые ощутил в сердце не радость, а грусть. Понял Афоня, что нынешняя зима принесла столько урону, что и весна не все вернет.

Но все в нем протестовало против этого. Не мог он допустить, чтобы осталась без радости его любимая мелкота. Должна, как положено в жизни, придти к ребятишкам весна: солнечная и щедрая, с березовым соком и цветением трав, с крупяшками и саранками, с грибами и ягодами. Знал и то, что без его помощи не все могут встретить ее. Вот и ушли после этого от Афони все заботы, кроме одной: сохранить ребятишек. Запасы свои он истратил, и не мог упрекнуть себя в нерачительности. Теперь наступило самое трудное: собственные силы убывали, а надеяться было не на кого. Оставался один выход: отдавать свое.

И он стал отдавать.

А купавинские бабы! Нет, не знали они своей души! Чего греха таить, в доброе время могли они из-за пустяка вцепиться друг дружке в волосы, коли отчаивались в ругани отстаивать свой интерес. Скупость почти все почитали за добродетель, памятуя, что простота хуже воров-

ства. Но не ведали они, что в душе их живет первозданная доброта. Она-то нынешней весной и заставляла их постоянно помнить о маленькой караулке возле магазина, в которую на их глазах стучала тихая беда.

В начале марта Ольга-продавщица, бесильная постичь Афонин недуг, перед закрытием магазина старательно смела хлебные крошки в кулек и сама отнесла Афоне, которого застала на топчане.

— Афоня, скажи ты, ради Христа, что у тебя болит? — обращалась к нему, как к маленькому.

— Душа болит, родимая.

Плюнула на все, решила идти к Завьялову. И Александр Павлович ненароком заглянул к Афоне на огонек. Но не успел и слова сказать, как хозяин опередил его:

— Вот ведь чудеса, Александр Павлович! Ей-богу, завтра собирался к тебе в кабинет прийти.

— Что за важное дело? — довольный бодростью Афони спросил Завьялов.

— А помнишь разговор-то наш при свиданьице?

— О чем это ты?

— В прошлом году в березовой роще.

— Ну-ну?

— Сказывал ты тогда про текущий момент. И разное... Ну, могилки-то подправили, видел я. Хорошо это. А еще про молодняк, детишек то есть. Шибко ослабели ребятишки.

— Понимаю, — потускнел Завьялов. Заговорил после молчания: — Могу сказать то, что никому бы не сказал, да и тебе — не для передачи... Только сейчас, перед тем, как зайти к тебе, был я в магазине. Я строго-настрого запретил Ольге выдавать хлеб вперед больше чем за день. И вот почему: если сегодня Купавиной выдать хлеб вперед за два дня, то завтра в магазин нечего будет везти. И так через день уже выдаем овсяный да пеклеванный.

— Выходит, край приходит? — спросил напрямик Афоня.

— Не край, а трудно, Афоня, — ответил Завьялов. — Теперь мы уже знаем, что это последняя такая весна. А как ее переживем, я и сам не представляю.

— Сказывал ты тогда, что детишек непременно надо сохранить.

— И сейчас говорю.

— А как?

— Не знаю. — Завьялов наклонил голову. — Не знаю. Но надо...

Надолго замолкли.

— Сам-то как? — спросил, наконец, Александр Павлович.

— А я что? Я живу.

— Прихварываешь, говорят, а к фельдшерам не идешь.

— А зачем к ним? — улыбнулся Афоня. —

У них пилюли хоть и не по карточкам, да я их не ем.

— Ты со мной не шути, не надо, Афоня,— не принял его тона Завьялов.— Ты каждую ночь сидишь у магазина на завалинке, иной раз холодно, ветер. У тебя же есть вот эта будка, у нее окошечко — прямо на магазин. Вот и сиди в ней, присматривай... И еще — распорядился я в ОРСе, привезут тебе картошки мешок.

Афоня не ответил. Завьялов почувствовал себя неловко.

— В эту зиму мы многим помогали по силе возможности. Так что все это законно.

— Спасибо, Александр Павлович,— тихо сказал Афоня.— Большое тебе спасибо!

А у самого сильно заколотилось сердце. Сразу увидел и садыковских ребятишек, и степановых девчонок, и Петруся, и еще других...

— Знаем, что ни огорода у тебя, ни приварка домашнего,— слышался голос Завьялова.

...У тех, кто видел Афоню в последующие дни, посветлело на душе: опять хлопотал, суетился он у своей караулки, появлялся то в одном, то в другом конце Купавиной.

И вдруг заметили как-то, что Афонины валенки, знакомые всем с незапамятных времен, обсоюзенные и неодинажды подшитые, разрезаны сзади по голенищам.

Пригляделись: у Афони был отек.

Всполошившись, бабы потащили в сторожку разную еду. Но пришел апрель, а их старания не помогли. Афоня, ничего не замечая, как и прежде глядел из-под ладони на теплеющее солнышко, в размышлении скреб затылок под старенькой шапчонкой и шел по станции приветливый со всеми, только очень озабоченный.

Афоня все понимал сам.

Видел он и дорогое ему сочувствие людей, с благодарностью в душе принимал помощь купавинцев и счастливым считал себя потому, что лучшие годы жизни провел с ними в дружбе и не без радостей.

И объяснять ему встревоженным купавинцам было нечего. Да и не смог бы он этого сделать.

Как сказать вдруг всем, что он любит их? Потому и обманывает их дорогостоящую заботу, что любит, и любовь эта вовсе не простая. И пришла она не в тот день, когда он с узелком в руке — со сменой белья — явился в строительный: еще тогда ОРС и спросил для себя работы, любой, только не очень тяжелой, потому как он давно на инвалидном положении. И его участливо выслушали, долго думали, как помочь человеку — легкой работы на Купавиной не знали, а отпустить приезжего человека ни с чем казалось неловко. Тогда-то вспомнили про магазин, к которому для порядка полагается и сторож. Тут же придумали Афоне и жилье, положили жалование, а через неделю нашли где-то берданку и к ней девять патронов.

Так начал он свою жизнь на новом месте, в Купавиной, не ожидая от нее ни особых милостей, ни особых перемен в судьбе, заботясь лишь о том, чтобы, как полагается, исполнять дело.

Сейчас Афоня и не смог бы припомнить, с кем он познакомился впервые, с кем — потом. Казалось — со всеми сразу. В ту пору купавинцы-то отличались от него немногим, сами только-только осваивались на новом месте. Единственное, что роднило их, так знакомые деревни, из которых они перебрались сюда, да работа с утра до ночи.

Но трудовая, с мозолистыми руками Купавина была только половиной населения. С первых же дней стройки ее улицу заняла другая половина — беспечная, веселая, шумливая, а часто и драчливая. Через этих-то маленьких купавинцев и началось родство с остальными, хотя и шло оно каким-то обратным порядком.

— Ты чей? — спрашивал Афоня мальчишку, вертешшего возле его сторожки.

— Ялунина я — Санька.

— Какого Ялунина?

— Бригадира.

Так и получилось, что Афоня узнавал бригадира Ялунина, хоть и не видел его еще. Потом рабочего Польшаева, который оказался на Купавиной самого высокого роста. А потом, когда через какое-то время пришлось разговаривать с Ялуниным, то вышло, что знакомые они старые: Саньку-то его Афоня знал давно.

Да и взрослые-то купавинцы сводили знакомство с Афоней почти тем же порядком. Завязывался пустяшный разговор, и собеседник, заметив любопытствующий взгляд Афони, вдруг решал нужным сообщить:

— Да ты знать нас должен — Польшаевы мы. Мой Васька у тебя частенько в гостях пацется...

Так и становились близкими людьми, чуть не родней. Да, он любил их, купавинцев!

Но как пришла эта любовь, объяснить бы не смог.

И вот эта весна...

В тот день у него как будто перестали болеть ноги, дышалось легко и не кружилась голова. Утро принесло с собой ту ясность, которая стирает полукраски: среди белого снега чернели пятна проталин, небо залила ровная голубизна, и дома, деревья, телеграфные столбы с нитками проводов казались нарисованными.

Весна раньше всех приходила в березовую рощу, и Афоня всегда встречал ее здесь. И на этот раз роща встретила его приветливо, как старого друга. Он же глядел на знакомые березы и невольно дивился их стойкой красоте. Но радость новой жизни не заглушила в памяти недавние тяжелые дни: там, где к прошлогодним могильным холмам вдвое больше прибавилось новых, березы стояли грустные и задумчивые.

В их тиши и присел на пенек Афоня, снял шапку, пригладил волосы.

— Прибавилось народу-то...

И не удивился, как в прошлом году.

Пригревало солнце, манило прилечь, но Афоня понимал, что это обман и поддаваться ему нельзя. Он поднялся с пенька, потихоньку прошел всю рошу, вышел на дальнюю опушку и увидел, как по красногорской ветке паровоз вперед тендером вытягивает платформы с большими свежими ящиками.

И сразу подумал о купавинских ребятах. Конечно, железная дорога роднее для них, но не все же станут машинистами да путейскими рабочими. Непременно потянет их и к неизвестным машинам. Но все это потом.

А пока надо не пропустить березовку. Доведется ли самому привести сюда ребятню?

Может, и нет. Ногам-то вон как тесно в голенищах...

Значит, приведет сюда малышня Васька Полыхаев. Сильный парень Васька Полыхаев. И хорошо, что сила досталась доброму человеку.

Нынешняя весна приходила к Афоне, как откровение. Давно уверовал он в то, что у каждого человека свой жизненный круг. И — коли пришла пора — Афоня со спокойной ясностью в душе мог сказать себе, что собственный круг завершает в полном согласии с собой.

12.

Снег уже согнало, и земля лежала размокшая, тяжелая. К вечеру немного приморозило, дневную грязь схватило.

Афоня собирался в очередной поход. Три свертка приготовленные лежали на топчане. Но прежде, чем уложить их в старую брезентовую сумку, еще раз проверил — все ли сделал так, как надо. И почувствовал, что устал. Присев на топчан, привалился к стене и на минуту закрыл глаза. Боль в пояснице постепенно унялась и шевелиться не хотелось. Мысли путались. Удивляясь себе, долго соображал, как лучше сегодня идти, чтобы не делать лишнего конца.

— Нехорошо... — мысленно упрекнул себя за слабость.

Никуда не денешься, понимал, что сдает. Последнее время, когда ночами находила короткая дремота, сразу начинали одолевать сны, а, может, и видения. Потому что и не спал вроде: чувствовал, что сидит на завалине магазина, держит в руках берданку, слышит, как маневрирует где-то близко паровоз, и в то же время видит себя у кого-то в гостях до войны, будто сидит за столом, уставленным разной едой и не может выбрать, чем закусить поднесенную рю-

мочку. И пить не охота, и отказываться неловко.

Стряхнул дремоту и сразу почувствовал боль в пояснице.

— Вот, окаянная! — проворчал про себя.

Вышел из сторожки, поплотнее притворил дверь. Постоял, подышал вечерним воздухом и, опираясь на палку, двинулся в сторону барачков. Ноги слушались плохо, сгибались в коленках, как резиновые. Поэтому, завидев оградку, останавливался, наваливался на нее, переживал лому в коленях. Ходьба отнимала все внимание, но стоило остановиться и сразу подступала дремота, а вместе с ней приходили новые думы, воспоминания. Вот и теперь подумал, что годы берут свое, и уже не всякую яминку одолеешь, да что яминка!

И встала на миг перед глазами родная Рязанщина...

Рано кончилось Афонино детство. С японской не вернулся отец. Пришлось после первого класса уйти из школы. Нанялся в подпаски, но едва продержал лето, потому что плохо бегал Афоня — определили плоскостопие. Летами кое-как перебивались с матерью огородишком да случайной работой, а зимы почти каждый год заставляли надевать нищенскую суму.

В солдаты Афоню не забрали по той же причине — изъян в ногах. В германскую нужда придавила совсем, не спасла от голода и революция, после которой захлестнули Рязанщину гражданская война и мятежи.

Как выжил — не ведал. А когда пришел в себя, оглянулся и увидел, что молодость-то давным-давно прошла. Кое-как подправил избенку, прибрал усадьбу. Вывернулись с матерью на телушку, через год стали с коровой. Полегчало...

А для жениха посчитал себя перестарком. Так и остался один.

...Голодная зима тридцатого года сразу отняла достаток. Когда начал падать скот, Афонина мать и слышать не хотела о том, чтобы нарушить корову: держалась за молоко. Но ушли сено и солома, скормили незаметно крышу с конюшни, пропустили время, не прирезали корову. Пала. Не нужна стала и конюшня, сиротливо глядевшая в небо голыми стропилами. Афоня начал разбирать ее на дрова, потому что мать, не поднимавшаяся с постели, все время мерзла. Истерзавшая себя укорами за нехозяйственность, она умерла вскоре после нового года.

Тихо стало в избе.

Умирали соседи, но особенно жалко было ребятшек: они уходили из жизни беспомощно.

Лег в те поры Афоня на холодную кровать в пустой избе и решил умереть.

Сколько дней лежал — не знает.

Но вот прилетел на порог открытой двери скворец. Громко чвыркнул, ударил крепким клювом по зерну, застрявшему в щели.

И увидел его Афоня.

Весну увидел. И захотелось ему жить. Поднялся, по стене добрался до двери, вылез из избы.

Лежал на крылечке, пригретом солнцем, и смотрел в небо. А там, в высокой бездне, как молодые барашки, гонялись друг за дружкой белые облачка. В огороде на высоком шесте в старом скворешнике хлопотали скворцы, выкидывая старые перья: обихаживали дом для жилья. С огорода тянуло проснувшейся землей.

На срубе колодца сиротливо стояла деревянная бадья. Долго смотрел на нее, потом поднялся, шатаясь, дошел до нее, опустил в колодец. Едва вытащил наверх, расшлескал почти половину. Глотнул воды...

А потом отвязал бадью от веревки, вышел с ней на деревенскую улицу. Опираясь на палку, двинулся на пашню. Идти становилось все труднее, лапти облепила жирная земля.

И тут силы оставили совсем. Долго лежал на земле, пока холод не проник до костей, не схватил железным кольцом поясницу. Пополз,

потеряв всякое представление о времени. Тащил за собой бадью. Наконец наткнулся на сусличью норку...

Вылил воду в нору и затих. Голова кружилась так, что глаза застилала белая пелена, в которой растворялись и бадья, и сусличья нора... Но увидел все-таки, как из норы едва-едва, без всякой боязни, выполз суслик. Выполз и лег прямо против Афони. Суслик был хилым до крайности, видно, голод не пощадил и его, сил хватило только на то, чтобы спастись от воды.

Так и лежали они друг против друга: человек и маленький зверек, оба голодные, оба бессильные. Афоня с дрожью в руке поднял палку, изо всей силы ударил ею и промахнулся. Хотел ударить еще, но второй раз палку поднять не мог.

Тогда он заплакал. Плакал, как ребенок, не стыдясь слез.

— Что же ты, а? — корил вслух суслика и тянул к нему руки, а тот каждый раз отползал от него, словно дразнил.

Достал его все-таки, но потерял сознание.

Очнулся вечером от холода. Прихватив зверька, добрался до дома, развел в давно нетопленной печи огонь, сварил.

С того суслика и начал жить снова, да и то с костылями: простудился на пашне, и ноги отнялись. Бродил по деревне. Через каждую избу одна-две стояли пустые, вымерли люди.

На кладбище долго стоял над могилой матери. Винил только себя. Жалел, что послушался мать. Надо было зарезать корову, тогда продержались бы мясом, да и в городе променять на хлеб можно было.

Ноги постепенно отходили. Через месяц бросил костыли, научился обходиться палкой. Только кровоточила душа. Не мог спать в собственной избе, не мог смотреть на конюшню.

Выстирал единственную смену белья да рубаху, увязал все в материну старую косынку и, попрощавшись с деревней, пошел пешком до ближайшей станции за сорок пять верст. Подал в кассу все деньги, которые имел, и попросил:

— Куда хватит денег, туда и давайте билет, лучше — в Сибирь.

Но до самой Сибири не хватило. Приехал в Купавину.

...Преодолев воспоминания, Афоня оттолкнулся от оградки, переложил сумку в другую руку и пошагал дальше, радуясь, что барак уже близко.

При появлении Афони садыковские ребяташки без приглашения торопливо слезли с печки и уселись за стол. Альфия виновато приняла сверток, покрякивая на детвору, разделила еду и села в сторонке.

Афоня глядел на ребяташек: старший — Галимзян ел, стараясь не торопиться; младшие жевали кое-как, глотая, вытягивали шеи. Мать наговаривала им по-татарски, чтобы не спешили, но они не слушали.

Афоня думал свое: выживут ребяташки. Целых пять душ выживет. А про Галимзяна еще отдельно думал:

«Этот обязательно в отца пойдет, ездить будет. Пусть хоть и не на кобыле...»

И вздохнул украдкой: счастливый все-таки мужик был Нагуман Садыков, вон какой приплод оставил после себя. Верил — выживут его ребяташки, коли он свой хлеб им отдавал. Выживут.

Попрощавшись с Садыковым, долго стоял на улице возле барака.

Совсем стемнело, и, как всегда, темнота принесла умиротворяющую тишину. Пока добирался до Петруся, несколько раз приваливался то к забору, то к стенам домов. Петрусь встретил его на пороге:

— Вам плохо?

— Нет. Пристал маленько... — едва проговорил Афоня и опустился на табуретку. — Возьми-ка, сынок, в сумке вон тот сверток.

Но Петрусь не шевельнулся, и тогда Афоня через силу взбодрил себя:

— Тепло сегодня у тебя, хорошо... А сверток-то возьми, некогда мне.

Как одолел дорогу до ляминского домишка и сам удивлялся. Степана, как всегда, дома не было. Девчонки враз загалдели, увидев его, но Анисья не допустила их до Афони, сама кинулась к нему, усадила на лавку, потом подала в кружке кипятку.

— Мне идти надо, — проговорил он тихо. — Сумку-то с посудой завтра затащи ко мне.

— Да что ты! Я сейчас провожу тебя. Захватил ведь ты.

Не ожидая, пока девчонки покончат с едой, она накинула на себя пальтишко и помогла Афоне встать. Он молча повиновался.

На улице, приостановившись, сказал:

— Весна-то нонче какая духовитая идет. К доброму лету. К урожаю.

Анисья не торопила его.

— Тает, что ли? — спросил ее Афоня.

— Да нет, вроде. Подмерзло.

— А я думал, валенки-то у меня намокли, — удивился он. — Больно тяжелые.

— Ничего. Айда с богом, дойдем помаленьку, — говорила она непривычно ласково, и Афоня подумал удивленно, что бабы все-таки существа двудонные. А то почто бы женились на них, будь они только злые.

В сторожке Анисья хотела снять с него валенки, но он твердо отказался:

— Дежурить еще мне. Ты лучше в печку мою подбрось щепы, возле порога она.

Анисья торопливо исполнила просьбу, но не уходила. Тогда он сам напомнил ей:

— Девчошки-то одни там. Беги. Я уж сам.

...Оставшись один, долго прислушивался к веселому гулу огня. Почуввав тепло, соблазнился им, прилег на топчан. И будто рассвело.

Увидел солнечный июльский день на Петровке. Он, Афоня, один лежит в зеленом прозрачном шалаше, только что проснувшись. В носу зашекотала травинка, и он чихнул. От этого ему вдруг стало весело. Он выполз из шалаша, поднялся на ноги и впервые почувствовал, что может даже бегом побежать. Тогда он радостно взвизгнул, но почти сразу же запутался в длинных полах своей рубашонки и упал. Но не ушибся. Приникнув к пахучей траве, долго соображал, отчего это так получилось.

Когда поднялся, увидел вдали мать. Она перестала косить и, обернувшись, тревожно вглядывалась в его сторону. Тогда он снова послал ей радостный клич, увидел, как она воткнула косу черенком в землю, утерла фартуком лицо и пошла к нему. А он, перевернувшись на спину, закрыл глаза и хитро замер в ожидании. Он слышал ее шаги, ее частое дыхание, почувствовал мгновение, когда она, приняв его лукавую

игру, молча наклонилась над ним. И тут он, не открывая глаз, уже не мог удержаться, губы его сами собой расцвели в улыбку...

Таким Афоню и увидела утром продавщица магазина Ольга.

13.

Осиротела магазинская караулка.

Осиротела Купавина.

Никогда еще не было у нее такой общей утраты. И, наверное, оттого в последнем устройстве Афоню принимали участие все. Пока бабы прибирали покойника, мужики в железнодорожных мастерских изготовили домовину и соорудили хоть и небольшой, но металлический памятник. Но бабы потребовали сделать крест. Спорить о том, верил или не верил Афоня в бога, было поздно. Бабы сами выхлопотали у путейского начальника новую шпалу, и в тот же день крест был готов.

— Хороший вышел,— придиричиво осматривая его, удовлетворялись хозяйки.— Вечный, шпалато пропитанная.

— И далеко от себя его не повезем,— решили сами.— Положим в роще. Любил он ее.

Хоронили Афоню из конторы ОРСа. Гроб несли на руках. Не было оркестра, только впереди венки из самодельных бумажных цветов.

По неписаному правилу купавинцы всегда отстраняли от похорон ребятишек. На этот раз со взрослой скорбью на лица несли венки Васяка Польшаев и Гешка Карнаухов. За Афониним гробом шла испуганная молчаливая ребячья толпа. В отличие от баб, никто из ребятишек не плакал.

На станционном крае рощи гроб установили над свежей могилой.

Афоня лежал спокойный и серьезный. Едва приметная после кончины улыбка сошла с его лица. И еще показался он вдруг всем намного моложе, чем при жизни. Может, оттого, что не сутулился больше, а, может, причиной тому была новая белая косоворотка, в которую обрядили его, а, может, и то, что впервые увидели его без шапки, которая, оказывается, скрывала шелковистые русые волосы.

Безмолвствовала у гроба толпа купавинцев. Задумчиво глядел на Афоню Александр Павлович Завьялов. Еще недавно дивился он про себя, видя, что Афоня умирает. Знал ведь, что еды ему доставляли на троих. Теперь, когда смерть и люди все объяснили, он думал совсем о другом и чувствовал, что впервые не сможет сказать доложенной речи. Горло сдавило. Рядом с ним солдатской суровостью стоял машинист дядя Ваня Кузнецов. Неподалеку обвис на своем кобыле Степан Лямин. Митинга не было.

Но, казалось, не три или пять минут, а веч-

ность отстояла Купавина перед маленьким гробом, пока услышала тихие слова Александра Павловича:

— Простимся с хорошим человеком, товарищи. Вечной памяти ему...

Сдавленный и, словно исходил из самой земли, послышался людской плач. И чем ниже опускался гроб, тем сильнее звучала скорбь. А когда о крышку гроба ударился первый ком земли, вдруг не по-человечески завизжал татарчонок Галимзянка Садыков, бросился к могиле, упал на лопаты и закричал:

— Не дам! Не дам! Не дам!

Его оттащили в сторону, но он рвался из рук, кусался, пока не затих обессиленно. Его положили на чье-то пальто, раскинутое на земле. В каком-то полузабытьи неподвижный Галимзянка смотрел вверх.

А там, в вышине, в голубом без единого пятнышка весеннем небе из края в край волнами перекатывался многоголосый вороний кар.

Совсем недавно мне довелось побывать в Купавиной. Мать рассказала мне, как лет пять назад ровняли безродное кладбище.

— И что же? — спросил я.— Оставили Афонину могилу?

— Нет,— ответила она.

Я знал Афоню. Он был другом и моего детства.

В тот же день я пошел в березовую рощу.

Да, годы берут свое. Поощадили тогда красногорцы рощу, хоть и не сохранили кладбища. Улицы города обошли ее стороной. Рощу пересекли правильные аллеи, вдоль которых стояли разноцветные скамейки.

Увидев стайку девчат, я не удержался:

— Скажите, девушки, как называется этот парк?

— Это не парк,— ответили мне бойко.

— А что же?

— Афонина роща!

— А кто такой Афоня? — любопытствовал я неспроста.

— Ну...— замаялись они.— Хороший человек, наверное.

Что поделаешь? Они не знали его. Но мне все равно стало светлее на душе. Потому что надо мной в вечернем сумраке темнели старые березы, мудрые свидетели былого, в котором среди больших людских испытаний один человек прожил свою жизнь по-своему.

И хорошо, что память о нем живет.

И она будет жить. Потому что под старыми березами шумел сильной листвой молодой подрост.

ШУМИТ, НЕ УМОЛКАЯ, ПАМЯТЬ-ДОЖДЬ...

Редакция благодарит авторов, читателей журнала, приславших материалы, письма, воспоминания. — А. БОЛОНИНА (Ровно), И. БОРИСОВА (Москва), Ф. БОРИСОВА (поселок Мишкино Курганской обл.), Я. ЗАНКИЕВА (деревня Епанчина Тюменской обл.), С. КОРЕНКИНА (село Нижняя Ирга Свердловской обл.), В. КОНОПЛЕВА (Пермь), В. КАЗЫХАНОВА (поселок Дюртили, БАССР), В. ЛЕСНИКА (Свердловск), М. ЛИХЦЕВА (Черкассы), Н. ЛИСИЦЫНА (Уфа), Е. МОРОЗОВА (г. Ленинск, Каз. ССР), Б. МАРКОВА (Нижний Тагил), Л. ПШЕНИЧНИКОВА (г. Березовский Свердловской обл.), П. ПРИМАКОВА (Чернигов), А. ОЖЕГОВА (Пермь), К. РЕМИЗОВА (г. Колейск Челябинской обл.), Ю. РОГОЖНИКОВА (Челябинск), М. СЕЛИЗАНОВА (Томск), К. СОКОЛКО (поселок Серафимовский, БАССР), Я. СКРОБОВА (Ленинград), В. ТУЛИНА (село Александровское Свердловской обл.), В. ЧЕРНОВА (Асбест), Т. ШТЕФАНОУ (Волгоград), С. ТУРЫГИНА (г. Талица Свердловской обл.), П. ШЕРШНЕВА (Пермь), С. ШУШУНОВА (Магнитогорск), П. ЯЗОВА (Свердловск).

Их воспоминания приняты в фонд музея при журнале «Уральский следопыт» как документы героического прошлого нашей Родины.

Наш батальонный командир любил вечернюю зорьку. Этот недолгий уставной церемониал состоял в том, что мы тихо выстраивались у казармы в предночной полутьмоте; справа и позади вставали музыканты. Батальонный делал изящный знак, и музыка начинала... Воздыхла теплая майская степь, и мы, солдаты-первогодки, тихо выдыхали усталость, умотавшись строевой, огневой, физической...

За коротким расслаблением командир вдруг заставлял на малый миг, и власть брал кларнет. Мы не видели музыкантов, но слышали чистый, сильный зов. Хорош был в минуты эти командир...

Он, конечно, хватил войны. Но никогда не говорил о ней. Четкий, строгий, могучий батальонный как бы являл нам: «Шла война за человека. Из нее и надо было выйти человеком. Очень важно, каков ты будешь потом, победитель...»

Говорили, будто бы опалены его глаза. Но он брал автомат и выбивал девяносто восемь из ста. Говорили, будто сильно вымерз в горах, на заставах. Но он зимними утрами, бывало, скинув китель, показывал, как растереть по коже хрустящий снег. Говорили, что в пепле нашел он после войны свой хуторок... Но любил зато читать перед строем вкусные названия наших родных сел в обратных адресах писем.

Лет через десять мне довелось быть в городе, где жил после отставки командир. Теплый, воздыхающий майский день напомнил мне о нем... Я наудачу дал девушке в справочном листок с именем да отчеством батальонного. И получил адрес!

Так что же я не спешил на трамвай, троллейбус? «Но в памяти такая скрыта мощь, что возвращает образы и множит. Шумит, не умолкая, память-дождь, и память-снег летит и пасть не может». И память возвращала победившего батальонного — того, у вечернего строя, на малый миг застывшего под зов кларнета. Кто-то сильно хотел, чтоб в строю мы запомнили батальонного. «Шла война за человека... Из нее и надо было выйти человеком. Очень важно, каков ты будешь потом, победитель...».

Мне дорог был тот образ, и я

понял, что ничего не надо добавлять к нему...

Так и эти фронтовые письма. Они — тот образ. К ним нечего добавить...

«После войны мой брат Анемподист в чине старшего лейтенанта приехал в Сталинск (Новокузнецк), где мы жили. Через неделю уехал продолжать учебу на физмате в Томск. Скоро открылось кровотечение — каверны в легких. Лечение, учеба, учеба, лечение. Три раза бросал учебу. Но все же закончил. Остается верен себе. И был верен всегда».

Из писем сестре: 3 января 1943 года. «Со мной решительно ничего не будет...» 1 мая 1943 года. «Малария измотала. Лежу в госпитале. 14 мая 1943 года. «Сразу из госпиталя прошел пешком шесть километров. Давали машину, но я с наслаждением шел, шел, шел...» 23 июня 1944 года. «Теперь скоро желанное счастье — мы соберемся вместе. Ты поставишь на стол пельмени, блины, шаньги, пирожки с маком, грузди». 15 октября 1944 года. «Твердо знаю, что мой путь лежит через физмат университета. Мне не суждено сгореть в одну минуту...» 26 апреля 1945 года. «Часты дожди. Деревья распускаются, но цветов по лесам еще нет». 12 мая 1945 года. «Отпраздновали Победу. Усиленно занимаюсь в библиотеках, какие встречаются на пути... Приготовьте все к моему приезду в город Томск. Буду учиться в университете...»

Фронтовые письма Анемподиста Белых прислала его сестра, Тамара Степановна Штефанова. «Сквозь трудные годы пронес мечту мой брат. Может, потому и вернулся, что жгла мечта сильнее пламени войны...»

Шел по ее дорогам и 10-й гвардейский Уральско-Львовский добровольческий корпус. С ним — башкирская девушка, санитарный инструктор 72-го отдельного гвардейского тяжелого танкового полка гвардии старший сержант Роза Булатова Ахтямова. До чего была бесстрашна в свои 19 лет! Ходила с танкистами в атаку, на броню! Ее не пугали ни пули, ни снаряды. Знала свое дело — помочь, вынести из-под огня ране-

ного. Но однажды вблизи разорвалась граната фаустпатрона... В 21 год Роза стала инвалидом войны. Ее направили в сопровождении санитарасолдата в Уфу. А она хотела пови-даться полк. Сбежала. Сорок дней, через Польшу, Чехословакию, без продовольственного аттестата и де-нег, избегая патрулей, пробиралась в городок Шопрон в Венгрии, где стоял 72-й тяжелый танковый полк. И еще около года служила в полку... После войны Роза Булатовна при-ехала в родную деревню Брик-Алгу...

Снова стала работать медицин-ской сестрой. Открылись старые раны. Операции. Госпитали. И — го-ре... Погиб в автомобильной ката-строфе муж.

Еще операция в клинике Военно-медицинской академии. «Иногда было очень тяжело, но все же дер-жалась», — вспоминает Роза Булато-ва... 9 мая 1976 года в Москве на праздновании 31-й годовщины Побе-ды среди двух тысяч ветеранов 4-й танковой армии, куда входил 72-й отдельный гвардейский тяжелый тан-ковый полк, шагала и Роза. Та самая. Все и вся вынесшая...

...Это очень важно, каков ты будешь потом, победитель! «Нельзя не отметить смелость, инициа-тивность и хорошую слаженность взаи-модействия всех родов войск Пер-вого Украинского фронта при фор-сировании такой сложной и много-водной реки, как Висла», — писал маршал Г. К. Жуков в «Воспомина-ниях и размышлениях».

«В этой исторической миссии до-велось участвовать и мне, — делится былым Я. К. Занкиев. — В составе 230-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского Львовского ордена Ленина, орденов богдана Хмельницкого и Алекса-ндра Невского полка и форсировали Зислу... А формировались в Тюмени.

В Тюмени же и встретились го-раздо позже, после Победы. По-испоминали. Бывший арттехник, гвардии лейтенант Виктор Петрович jezродников стал заслуженным юри-стом РСФСР, председателем Тюмен-ского областного суда. Повидались с бывшим начальником обеспече-ния горюче-смазочными материала-ми Ефимом Кузьмичом Ивановым. Чаша бригада в числе первых арт-тоединений форсировала Днепр, Буг, Яслуу, Одер, Шпрее.

Я часто вспоминаю военные зды. Нелегкие фронтовые дороги, боевых друзей. Людей, однажды пасших мне жизнь, польских пат-мотов. А у села Герасимовичи в ыльше русский солдат Григорий ынавин подобно Александру Матро-ву закрыл грудью взлет. Память ива... В селе Герасимовичи на об-еме собрании приняли решение: учителям школы каждый год начи-тать первый урок в первом классе

с рассказа о советском войне-герое и его соратниках, чьей кровью добы-то для польских детей право на сча-стье и свободу. Пусть прослушают дети стоя этот волнующий рассказ. Пусть наполняются гордостью их сердца за русского воина. Пусть по-нимание жизни для них начинается с мысли о братстве польского и рус-ского народов».

С победой вернулись на родную Тюменщину отважные солдаты Па-вел Петрович Мочалов, Дмитрий Ва-сильевич Нагибин, Алексей Филип-пович Ильиных, Василий Григорьевич Видюлин, Александр Иванович Уша-ков, В. Г. Вятчинин, А. Г. Хохряков, А. С. Дерябин. Живут и трудятся в Свердловской области Бачурин Са-велий Ерофеевич, Видюлин Василий Григорьевич, Куплинский Владимир Александрович, Булатова Зинаида Федоровна и др. Наши бесстрашные командиры Дмитрий Степанович Мареев, начальник штаба бригады Владимир Иванович Степанов, ком-баты Сергей Арамович Саркисян, Дмитрий Николаевич Беленков, ком-звезда Анатолий Семенович Толстых, начальник артснабжения бригады Дмитрий Федорович Ивченко, воен-врач Борис Яковлевич Левитан, на-чальник связи полка Андрей Арсень-евич Кудря продолжают трудиться и живут ныне в Москве. Мои одно-полчане прошли славный боевой путь от Воронежа до Праги рассто-янием в 5800 км. Подбили и уничто-жили 583 танка врага, 45 самоходных орудий, 70 бронетранспортеров, 169 орудий. Взято в плен 2706 гит-леровцев, уничтожено — 34000. Чтоб помнили юные, — добавляет Занкиев.

А вот молодые моряки теплохо-да «Ижоралес» порой с недоумением переглядываются — что ищет в море пенсионер Федор Абрамович По-гребняк. Поплавал капитаном чело-век, пора и честь знать.

...Он помнил о чести русского моряка в далеком американском порту Бостон в начале декабря 1941 года. Полмесяца стояло рус-ское судно «Киев», и на просьбы о погрузке американцы вежливо отве-чали: «Не спешите. Отдохните».

Но не отступал и капитан По-гребняк. Добился погрузки!

Не скоро вышел небольшой кон-вой, но вышел. Внезапный шторм разметал корабли. Два союзных транспорта переломились на вол-нах. С «Киева» смыло все шлюпки. Срывало трапы. Вода заливала судно. В районе кочегарки разломленная палуба сдвигалась и раздвигалась в так качке. Секунда решала дело. Рвались стальные тросы натяжек. Их вязали снова и снова.

Всю войну водил транспорты Погребняк. После взрыва на «Эм-пайр Байрон» упал в море. Восемь суток бороздили северные воды на шлюпках... Что сказать молодым? Прошло тридцать лет... Федор Абра-

мович Погребняк, кавалер орденов Ленина, Октябрьской Революции, на «Ижоралес» медленно покидает Лондон... К родным берегам. И про-ходя мимо Медвежьего, даст тепло-ход гудок, как живой голос памяти. Здесь многих не отдала северная вода — друзей и отважных моряков: английских, американских, русских...

...А эти двое друзей — подпол-ковник в отставке Влас Денисович Лескин и капитан в отставке Петр Сергеевич Язов — заходят в редак-цию вместе. В июле 1924 года в чис-ле тридцати шести молодых ураль-ских коммунистов они были направ-лены Шадринским военкоматом в далекий Туркестан. Бились с басма-чами. В память о тех днях органи-зовали дружью музей боевой славы в школе № 3 г. Нурека. Часто ездят туда желанными гостями. Оба про-шли и Отечественную. Подлечивает раны Петр Сергеевич Язов, и вот его письма в редакцию носит пунктуаль-ный Влас Денисович Лескин. «Па-мять — хрупка. Как донесешь? Но — донесенная, она становится доброй силой!» — пишет Петр Сергеевич.

«...Он добрый, наш ветеран тан-кист Халхин-Гола Александр Алек-сандрович Бурков, живущий сейчас в г. Чебаркуле Челябинской обла-сти, — пишет молодой рабочий Жил-строя-1 Челябинского домострои-тельного комбината Юрий Рогожни-ков, — его рассказы — откровение для меня...»

Каков ты после боев, победи-тель? Это очень важно...

Школьник из Асбеста Валерий Чернов в первом своем рассказе, присланном в редакцию, смело от-правляет в пучины моря подводную лодку, чтобы очистить моря от бомб и снарядов, чтобы человек свободно жил и не было войн...

Вот где гуляет его мечта, заве-щанная ему той памятью, которая «летит и пасть не может». И не упа-дет — завтра из юношей вырастут мужчины.

Юрий
БОРИСИХИН

● **За каждым
именем —
подвиг**

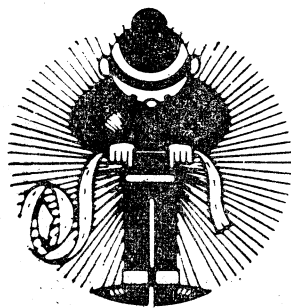
● **Кто вспомнит
Володю
Орлова?**

● **Что в на-
звании
знакомом?..**

● **Игра-путе-
шествие**

● **От полушки—
до стенда
энергетиков**

● **По маршруту
«Дороги
жизни»**

У Александра Твардовского есть стихотворение «Шофер Артюх»:

Поначалу вроде песенки простой:

Жил Артюх Володя — парень холостой.

Мчит без остановки впереди машин,

Человек с винтовкой, за рулем один...

Фронтовой шофер Владимир Артюх служил в 7-м понтонном батальоне 142-й Краснознаменной стрелковой дивизии. В одном из ожесточенных сражений нашим частям нужно было переправиться через реку. Вражеские орудия открыли по переправе бешеный огонь — возникла задержка, колонны остановились. Промедление грозило огромными потерями. И тогда Владимир Артюх рывком вывел свою машину вперед и помчался сквозь завесу артиллерийского огня. За ним последовали и другие машины. Плацдарм на вражеском берегу был захвачен. За этот подвиг В. Артюху было присвоено звание Героя Советского Союза.

Следопыты Кузьмолдовской школы № 2 Всеволожского района Ленинградской области отыскивали свыше 400 ветеранов 142-й дивизии. В дивизии — одиннадцать Героев Советского Союза. О каждом из них в школьном музее собран подробный материал.

Командованию 100-й стрелковой дивизии нужны были сведения о противнике, занявшем село Русская Березовка. В разведке 472-го стрелкового полка был мальчик Володя Орлов, сын полка. Ему и было поручено пробраться под видом пастушка в село, узнать о немецкой обороне. Володя взял холщовую сумку с продуктами и отправился на задание. А назад не вернулся.

В Русской Березовке опрошены десятки жителей. Удалось узнать только, что Володя некоторое время находился в доме Марии Заволоки. Мальчика привел в дом полицей. Володя был без сумки. Потом пришел еще один полицей, и вдвоем они увели разведчика в другой дом — к Ковалевым, где была еще незнакомая девочка, одного возраста с Володей, 14—15 лет, тогда схваченная в селе. Ковалевы из

села давно уехали, и вряд ли знали больше.

И Володю, и девочку наутро увели. Что стало с ними — как они вели себя на допросе, погибли, отправлены в концлагерь?.. А, может, живы?

О детях-партизанах хотели бы узнать следопыты хутора Новая Жизнь Белгородской области.

С поселка Большая Михайловка начиналась Караганда. В 1905 году в эти места пришли ходоки-крестьяне из Екатеринославской губернии: не лучше ли будет жизнь на новой земле? Спустя два-три года перебрались сюда и их земляки. И назвали новое село — как у себя, на Украине, — Большой Михайловкой. Среди переселенцев было три брата Кривогуза. В краеведческом музее ребята из карагандинской школы № 6 обнаружили документы за подписью члена президиума Совдепа Ф. Н. Кривогуза.

Феодосий Николаевич Кривогуз до революции был волостным писарем, читал запрещенные книги. Когда свершилась революция, помогал формировать отряды Красной гвардии, устанавливал Советскую власть на Спасском заводе, в селе Большая Михайловка, в аулах — Кривогуз свободно говорил по-казахски.

Целый отряд белогвардейцев охотился за ним. Верные люди не раз предупреждали его об опасности; было и так, что за несколько минут до прибытия банды Феодосию Кривогузу удавалось скрыться. Но нашлись предатели, которые выдали его белогвардейским властям. Жители Большой Михайловки рассказывают: когда Кривогуза ввели в тюрьму, белые главарь хлопали ладоши... Его держали в одиночке, мучили, а потом вместе с другими погнали в Петропавловск, за 500 верст. В дороге Кривогуз заболел тифом и умер. Не успел увидеть жизни, за которую боролся, — ему было 26 лет...

Имя Феодосия Кривогуза носит один из первых улиц в городе. А в школе № 1 в музее, есть стенд, посвященный Феодосию Николаевичу Кривогузу.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

В школе вывесили объявление о том, что состоится игра «ЗСС». Что за загадочные буквы?

— Это, наверно: «Задуманное сделай сам», — отгадывали одни ребята. Другие предлагали свои варианты.

Через три дня горн созвал всех на дружинную линейку. Вот когда расшифровали игру — «ЗСС» означало: «Знай свое село». Каждый отряд получил пакет с маршрутом и заданием. Во время походов учащиеся Карачельской средней школы Шумихинского района Курганской области познакомилась с историей колхоза, отделения «Сельхозтехника», кирпичного и маслозавода, завязали дружбу с передовиками.

Материал, собранный в путешествии, сдан в школьный музей.

Старая пословица — «За морем телушка — полушка, да рубль перевоз...» Чтобы узнать, что такое полушка, ребятам из Среднеуральской школы-интерната № 3 достаточно заглянуть в свой школьный музей. Там они увидят и царский пятак, и первые советские монеты...

Немецкие каски, осколки, гильзы размещены в отде-

лах, посвященных гражданской и Отечественной войнам. Есть в музее и этнографический уголок, где красуются самовары, лапти, народные вышивки.

Один из стендов рассказывает об истории создания ордена Ленина Среднеуральской ГРЭС, о работе энергетиков — шефов школы.

На 9-м километре «Дороги жизни» стояла санитарная палатка военфельдшера Ольги Писаренко. Фашисты методично обрабатывали километр за километром — от взрывов сотрясались все озера. Военфельдшеру хватало работы. В ее палатке отогревалось и получало медицинскую помощь немало людей. А когда разыгрывалась метель, она сама шла на помощь заплутавшим, раненым и замерзающим людям. Однажды, вытащив из полыньи тонущего матроса, она сама чуть не замерзла, таща раненого и не находя в метели своей брезентовой палатки... Сто пятьдесят дней провела Ольга Писаренко в ледовом лазаре на самых опасных километрах «Дороги жизни».

Ольга Николаевна Писаренко сейчас смотритель народного музея в деревне Коккореево. А о судьбе ее раз узнали следопыты 174-й школы, которые имеют самое прямое отношение к созданию музея, потому что не один год ведут розыск работавших на «Дороге жизни» связистов, шоферов, регулировщиков.

По всему маршруту «Дороги жизни» ведут поиск следопыты. В Подборовье, где она начиналась, шестиклассники местной восьмилетней школы взяли на себя очень трудную задачу — разыскать родственников погибших на Ладожском озере солдат и эвакуированных граждан. Они узнали, что 25 октября 1941 года был разбомблен состав с мобилизованными людьми, ехавшими на оборонные работы из Чагодощенского района. В декабре 1941 года фашисты разбомбили санитарный поезд с ранеными — их везли с Тихвинского направления. Многих родственников и знакомых погибших ребятам удалось найти.

● Ребята ленинградской школы-интерната № 11 ежегодно собираются на торжественную линейку в день гибели Вячеслава Васильковского. В 1941 году В. В. Васильковский закрыл грудью амбразуру фашистского дзота.

● Карельские лесозаготовители, разрабатывая деланку в отдаленном лесном квартале, нашли части сбитого советского двухмоторного самолета, останки двух летчиков, капитанские петлицы. Хвостовое оперение было с номером «7». Останки летчиков с почестями погребены на кладбище поселка Райконкоски. Следопыты устанавливают, из какой части могли быть пилоты.

● Более ста тонн металлолома сдали учащиеся школы № 20 города Вяземского. Они послали письмо строителям Байкало-Амурской магистрали с просьбой уложить на восточном участке трассы «Заслоновский» километр пути. В школьном музее собран обширный материал о партизанском командире, Герое Советского Союза Константине Заслонове.

● Модель самолета-торпедоносца и личные вещи комсорга 36-го Краснознаменного минно-торпедного полка, уральца Александра Пехтерева хранятся в музее алахадзевской средней школы № 1. Штурману Пехтереву на абхазской земле поставлен памятник. Именем пилота-комсорга назван прекрасный парк на территории местного совхоза.

● Большой лесной массив охраняют ребята из 49-й школы города Уфы. Юные лесничие патрулируют лес, расчищают дорожки, следят за кормушками.

● В журнале «Молодой коммунист» за 1975 год был опубликован список летчиков, повторивших подвиг Гастелло. В списке значился Каюхин Леонид Владимирович, призванный Далматовским райвоенкоматом. Следопыты Далматовского Дома пионеров установили, что правильная фамилия — Ключин. Они разыскали родных героя, завязали переписку с воинской частью, которая шефствует над памятником «огненным» пилотам.

● В 4-й тернопольской школе в годы войны размещался штаб 87-го истребительского авиаполка, о котором собирают материалы школьные следопыты. Недавно новый жилой массив вокруг школы украсил взмывающий самолет — этот памятник установлен в честь летчиков-истребителей.

● На здании школы нижеволжского села Селитренное, в котором прошли детские и юношеские годы автора «Красных дьяволят» П. Бляхина, установлена мемориальная доска.

● Историю эскадрильи «Валерий Чкалов» — о самолетах «Ла-5», построенных в 1942—1943 годах на средства трудящихся-горьковчан, — пишут следопыты 5-й школы города Чкаловска. Первые деньги на эскадрилью внесли колхозники артели «Согласие», ныне колхоз «Путь к коммунизму».

● Письмо пришло из Германской Демократической Республики. В нем была просьба к ребятам Фроловской школы — рассказать о жизни и деятельности партизанского командира Эмилия Либкнехта. Активисты школьного музея в ответном письме написали, как воевал и погиб за установление Советской власти на дальневосточной земле красный командир Э. Либкнехт.

И листья плещутся, как флаги

Лев
СОРОКИН

ИЛ-18

Рисунки
В. Меринова

ИЛ-18-й спасали
И в детский парк перевезли.
Ему же вновь в седые дали
Рвануться хочется с Земли.

В дорогу летная погода
Зовет с безоблачных небес.
Но нет пилотов.
И у входа
Не видно стройных стюардесс.

И на пути —
Дома Свердловска,
И он блеснул скупой росой.
Ведь в парке лунная полоска
Не станет взлетной полосой.

Распознает в небесном гуле
Он юность,
Только не свою.
Как перелеты промелькнули!
И все же он еще в строю.

Пускай стоит в жилом массиве,
Но вновь и вновь с лучами дня
К нему в восторженном порыве
На крылья лезет ребятня.

Он на ребят глядит с надеждой,
Ему приятны шум да гам,
Пусть на Земле,
Но, как и прежде,
Он верно служит небесам.

Рад ветеран Аэрофлота,
Он гордо держит два крыла:
Своя у старости забота,
Свои у старости дела.

Уйдут ребята.
Но пилотом
Вернется кто-то на Урал.
— Спасибо,— скажет,—
Ты к высотам
Меня из детства поднимал.

Тебе, старик, из синадалья
Привет прислали корабли...
ИЛ-18-й спасали
И в детский парк перевезли.

Промолчать,
Что смерти все страшатся?
Отчего ж бессонница больниц —
Шестьдесят тебе или шестнадцать! —
Долго не дает сомкнуть ресниц?

Это счастье —
Умереть в мгновенье —
На пути,
В атаке,
Не во сне...
Лучше бы подальше от рожденья,
Даже не при первой седине.

Смерть принять,
Не думая о смерти,—
Или у рабочего стола,
Или в поле около Сысерти,
Или у чилийского села.

...Сколько в мире безутешных женщин!
Медленно корчем корни зла.
Плачьте, люди, все-таки поменьше,
Больше силы тратьте на дела.

Ну, а умирать,
Так ради жизни,
Только ради жизни на земле,
Чтобы знать,
Что так же солнце брызнет
В стекла, в росы, в капли на весле...

Есть такая болезнь —
Одиночество,
Всех болезней она тяжелей.
Называю по имени-отчеству
В эти дни приходящих людей.

Люди входят,
но только от этого
Одинок я вдвоем и втроем,
Нет того,
с кем до солнышка светлого
Мог бы ночь скоротать за столом.

Окна снова становятся синими,
Как же эту болезнь врачевать?
Надо просто
Кого-то по имени
Доверительно звать мне опять.

Я включаю веселое радио,
Чтоб не слышать шуршанье дождей...
Шар земной населен миллиардами
Не узнавших друг друга людей.

Но вновь в лесах деньком погожим
Для нас дары припасены.
Чем отплатить Земле мы сможем?
Не зря ж Землей мы рождены?

Сближает дальняя дорога
Всех,
кто встречается на ней.
Сближают —
общая тревога,
Купе,
в котором потесней.

И разговоры, разговоры
До самых первых петухов,
Пусть за окном рокошет город
И дремлют сумерки дворов.

Но нам минуты откровенья
Откроют мир,
Что скрыт от глаз,
И все его землетрясенья
Вдруг отзовутся болью в нас.

Теснимся где-нибудь в отсеке,
Но жизнь
и шире,
и светлей,
Когда в нее,
как будто реки,
Впадают жизни всех людей.

«Не возвращайтесь к пепелищам»,—
Все говорят,
Но думал я:
«А вдруг меня упорно ищет
Любовь ушедшая моя?»

Но там — растет другое зданье,
Другие люди и дела.
Лишь кое-где воспоминанья
Еще чернеют,
как зола.

Просеет память их умело,
И я увижу наконец:
Все загорелось
И сгорело
От замыкания сердец.

Словам не верим!
Только сами
Пройдя,
что старшие прошли,
К своей Земле припав сердцами,
Мы понимаем
Боль Земли.

Шуршат пустыни.
А в Европе
И подо Мгой,
И под Москвой
Еще находим мы окопы,
Слегка зашитые травой.

Лежат морщинами овраги,
Ожоги свежие густы.
Но листья плещутся, как флаги
Неистребимой доброты.

Хотя Земле бывает трудно
Самой залечивать всегда —
Что люди сделали безлюдным
Не за века,
А за года,—

Откровенность

Рушат откровенности мгновенья
Все плотины сдержанности враз.
Откровенность —
это очищенье

От всего,
Что сковывало нас.

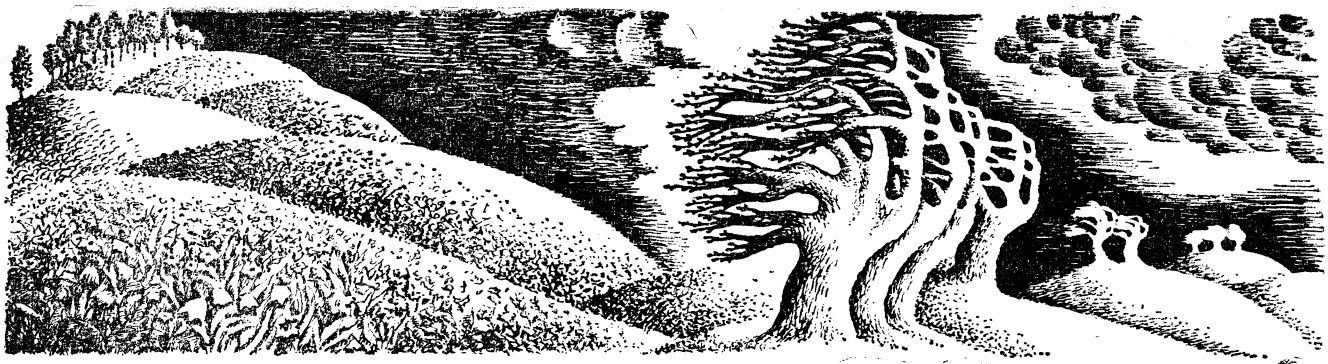
От всего,
что тяжестью ложится
Раньше, чем на плечи,
на сердца.

В жизни надо с кем-то поделиться
Самым сокровенным до конца.

И не галстук сбросив,
а степенность,
Без оглядки кинуться вперед.
Хоть порою нашу откровенность
Кто-то против нас и повернет.

Я иду, как будто древний лучник,
Под обстрелом оперенных стрел.
Скрытности удел —
Благополучность,
Битва —
Откровенности удел.

**Вадим
БЕДНОВ**

Созвучия

Нет, не случайные созвучия
весна-красна,
апрель-капель,
такие точные, певучие,
как будто ветер их напел.

Есть рифмы —
 словно вспышки магия,
они не греют никого,
а в этих —
 и тепло, и магия,
живой природы колдовство.

Не потому ли
в дни весенние,
не изумляя слух ничей,
они проходят откровением
ручьев, и солнечных лучей,
и льдинки,
 что в ладони хрустнула
и обожгла ее слегка...
О, как близка
 природа русская
природе русского стиха!

Весенний снегопад

Пригнул деревья ветер шквальный,
он как с цепи сорвался — резкий,
и полетел горизонтальный
сырой и тусклый снег апрельский.

Как будто на излете пули,
снижаясь, падали снежины,
и в лужах сморщенных тонули,
и плавилась, попав под шины...

Внезапный снег,
 он был сегодня
так чужд ручьям и птицам вешним,
что показался прошлогодним
скворцу из новенькой скворечни.

Лыжня

Бегу на лыжах по Двине,
не по лыжне — по целине,
и, как двустышье, лыжня
ложится позади меня.
Я лишь на миг останавлиюсь
и оглянусь — и удивлюсь:
равнина гладкая за мной —
мой след сравнялся с целиной,
его поземка замела.
И впереди, белым-бела,
лежит равнина, словно лист,
бумажный лист, который чист.
Бегу, бегу... Взгляну назад:
замел, замел двустышье снег.
Взгляну вперед — манят, манят
и новый путь, и новый бег.

Летальный исход.
Улетает
из грешного тела
душа
и маленькой звездочкой
тает.
А тело,
уже не греша,
в родимую землю ложится,
чтоб новые всходы цвели;
оно, как и прежде,
частица
летающей в пространстве Земли.
А звездочка
в ночь звездопада
теплом своим
всходы польет.
И нету
ни рая, ни ада,
а лишь — бесконечный полет...

ЯЗЫК ЗЕМЛИ

Краткий словарь географических названий Урала

**Александр
МАТВЕЕВ**
Оформление
З. Баженовой

ЗИЛАИР, название двух правых притоков Сакмары и села — центра Зилаирского района — на юге Башкирской АССР. Русское название отражает татарскую форму. По-башкирски топоним звучит Йылайыр.

Башкирский топонимист А. А. Камалов считает, что первый элемент *йыла* надо сопоставлять с монгольским, казахским, алтайским *сала, салаа* — «рукав реки», «отрог», а слово *айыр* означает то же самое в башкирском языке («приток», «рукав реки»). Итак, Зилаир — Йылайыр следует толковать «Приток — приток».

Есть и другое объяснение: *йыл* — из башкирского *йылы* — «теплый». Из *йылы* плюс *айыр* возникла стяженная форма Йыл(ы)айыр. Оба Зилаира текут на юг от высоких башкирских гор, и это могло послужить поводом для их названия («Теплый приток»).

ЗИЛИМ, правый приток Белой, **ЗИЛЬМЕРДАК**, горный хребет в верховьях этой реки (Башкирская АССР). По-башкирски соответственно Елем и Елмерзяк.

Эти названия бесспорно взаимосвязаны, причем в русском языке отражены татаризованные формы. А. А. Камалов предполагает, что в компоненте *дак* (*зяк*) скрывается древнебашкирский географический термин со значением «гора» (можно

сравнить с древнетюркским *таг* — «гора»). В начальном компоненте *ел* (*зил*) при желании «узнается» башкирское слово «ветёр», но это из области догадок.

Полезнее другой путь: использовать топонимическую закономерность, что название реки в большинстве случаев древнее. С учетом восстановления влияемых учеными общетюркских форм *йир, йэр* и башкирского *ер* — «земля» можно сконструировать для названия хребта перевод — «Гора (хребет) зилимской земли». Значение компонента *зилим* остается тайной. Привлекательно сравнение с названием левого притока Чусовой — рекой Илим, тем более, что на картах и в других источниках XVIII века Зилим регулярно именуется Илимом.

ЗЛАТОУСТ, город в Челябинской области. В 1754 году здесь на земле, купленной от башкир, был основан железодельный и медеплавильный завод, названный Косотурским по близлежащей горе Косотур (иногда — Косатур). Позднее по церкви трех святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста завод стал именоваться Златоустовским, но в народе еще долго был известен по названию Косотур. С 1865 года — уездный город Златоуст.

ЗЫРЯНКА, ЗЫРЯНСКАЯ, ЗЫРЯНОВО, ЗЫРЯНА и другим им подобные однокоренные названия многих населенных пунктов, особенно в Зауралье. Так, в Свердловской области есть две деревни Зырянка, одна — Зырянская и рабочий поселок Зырянский (близ Алапаевска). Все они в конечном счете связаны по происхождению с наименованием коми, живущих на территории Коми АССР, которое в прошлом было среди русских, — *зыряне*. Часть названий (Зырянка, Зырянская, Зыряны) могут действительно указывать на факт переселения какой-то группы коми-зырян за Урал. Название рабочего поселка Зырянский скорее всего образовано через «посредника», от фамилии Зырянов.

Сложность в том, что зырянами некогда русские называли и местное нерусское население южной части Архангельской области, которое явно

Продолжение. Начало см. в №№ 1—5.

не было коми-зырянским. Здесь и сейчас жители некоторых деревень имеют коллективное прозвище *зырь*, или *зыряне*. Поэтому очень трудно в каждом отдельном случае с уверенностью сказать, кто же были переселившиеся на Урал «зыряне».

О происхождении этнонима *зыряне* было много споров. Наиболее убедительна высказанная еще в XIX веке точка зрения, что в основе здесь финско-карельское слово *сюрьяйнэн* — «находящийся в стороне», «отдаленный». Следовательно, *зыряне* — «живущие в дальних краях». Это логично, если за точку отсчета принять Финляндию или Карелию.

ЗЮРАТКУЛЬ, горное озеро и хребт в Челябинской области, юго-восточнее города Сатки.

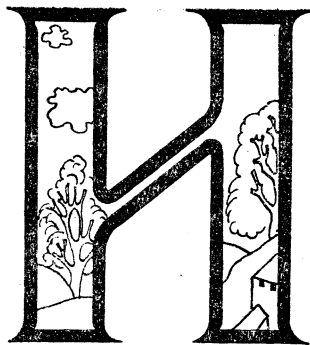
Есть несколько предположений об истоках этого названия. Вот одно из них. Татаро-башкирское *зур* — «большой», *ат* — «лошадь», *кюл* — «озеро», то есть «Большое лошадиное (конское) озеро». Если учесть, что в Челябинской области есть Аткуль — «Лошадиное (конское) озеро» и что места выпаса лошадей для татар и башкир всегда имели очень большое значение, то это объяснение кажется убедительным.

Любопытна и другая версия. Слово *зюрат* в названии отражает татарское *зират*, башкирское *зырат* — «кладбище».

Сравнивают также с татарским *сюратлау* — «изображать», толкуя название как «Озеро, в котором, как в зеркале, отражаются горы».

Наконец, есть версия, что Зюраткуль в переводе значит «Сердце-озеро». Правда, «сердце» по-башкирски и по-татарски *зорак*, а не *зюрат*, но известно, что в некоторых башкирских и татарских диалектах вместо начального *й* (*ю-йу*) употребляется особый звук типа мягкого русского *жь* или *джь*, который обычно передается русским *з*. Трудная для произношения группа согласных *кк* (Зюраккуль) вполне могла измениться в *тк* (Зюраткуль).

К этому надо добавить, что по своей форме озеро Зюраткуль напоминает сердце и что сравнения такого рода в топонимии широко распространены: в Башкирии есть Юрактау — «Сердце-гора», а в мансийской топонимии Синтур (Симтур) — «Сердце-озеро» и Симсял — «Сердце-гора». Только точная запись башкирской или татарской формы названия способна внести ясность.

ИВДЕЛЬ, город в Свердловской области на реке Ивдель, близ впадения ее в Лозьву. Первично название реки. В тридцатых годах XIX столетия в этих местах началась интенсивная добыча золота, а в 1847 году возникло село Никито-Ивдельское (Никито-Ивдель), названное так по имени владельца промыслов Никиты Всеволожского. В 1943 году Ивдель стал городом.

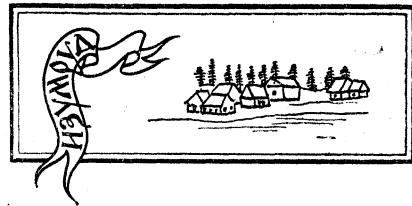
В некоторых научных и популярных статьях говорится, что название реки происходит от мансийского *йивтал* — «без деревьев», «безлесный». На деле река Ивдель на всем своем протяжении течет среди покрытых лесом гор и никак не соответствует толкованию «безлесная». Кроме того, в современной мансийской топонимии, а она изучена достаточно хорошо, слово *йивтал* пока не зафиксировано. Наконец, сами манси реку называют не *Йивтал*, а Ивдель, город же — Сапсаус.

Интересно, что Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири» называет реку Иивдиль или Иивля (Иивль-я), а мансийское поселение на ней — Иивль-пауль. Если считать *ль* суффиксом, то Иивля — и это уже забавно — «Река с деревьями», «Лесная». В таком случае сочетание звуков *де* — вставное: оно нейтрализовало трудную для произношения группу согласных *вьль*. Но в более раннем памятнике — «Книге Большому чертежу» (начало XVII века) — река Ивдель называется Удыль (Удыл). Поэтому вероятнее, что этот топоним домансийский и относится к группе загадочных названий на гласный звук *+л(д)*, которых так много в Северном Зауралье (Вагиль, Понил, Тондол и т. п.).

ИЖБУЛАТ, озеро в Свердловской области (левобережье Чусовой близ города Дегтярска). Название озера происходит из татарского или башкирского языков, скорее всего от личного имени Ишбулат (*иш* — «друг», «товарищ», «подобный», «равноценный», *булат* — «особый вид высококачественной стали», обычно переводят «Подобный булату»). Име-

на такого рода у башкир и татар нередки, например, башкирские антропимы Акбулат, Байбулат, Бикбулат. *Иш* тоже часто встречается в личных именах: Ишмухамет, Ишбирде, Ишкилде.

ИЗУМРУД, рабочий поселок в Свердловской области к северо-западу от Асбеста. Здесь в верховьях реки Большой Рефт (приток Пышмы) в 1831 году было обнаружено месторождение изумрудов.

ИК, название нескольких рек на Урале. Самая северная из них — приток Яйвы в Прикамье, самая южная впадает в Сакмару (бассейн Урала). Реки с этим названием есть в бассейнах Ая, Исети, Пышмы, Чусовой. Наконец, большая река Ик впадает слева в Каму (протекает по Башкирской и Татарской АССР).

Забавен рассказ местного населения о том, что некогда выкупался в речке Ик (приток Ревды, бассейн Чусовой) и то ли от холода, то ли от испуга икнул, что и было увековечено в названии. Если же говорить серьезно, то первое, что приходит в голову, — популярность топонима на Урале. Повторяющиеся названия часто образуются от географических терминов. Поэтому источник топонима прежде стали искать в финно-угорских языках, где есть близкие по звучанию финское *йоки*, саамское *йоки* — «река», хантыйское *эхан* — «речка».

Но что это были за финно-угры, которые некогда жили на огромной территории от современного Татарстана и Оренбуржья до Свердловской и Пермской областей? Где-то здесь ищут родину венгров. Только нет такого географического термина в венгерском языке. Кроме того, именно в Прикамье — в Пермской области и северной Башкирии — есть несколько рек с названием Юг, а они-то уж определенно финно-угорские: в древних финно-угорских землях в бассейне Северной Двины названия на *юг* прямо-таки кишат, здесь тоже найдется не один Юг, а в придачу к нему Пинюг, Кузюг и многое другое.

Тогда ученые обратились к тюркским языкам. И тут выяснилось, что башкиры и татары произносят не Ик, а Ык, Ыйык, Эйек, Эк. Все эти варианты были признаны разновидностями какого-то термина со зна-

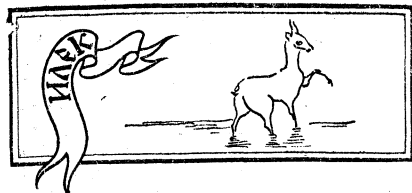
чением «река». Нашли и возможный источник: в диалектах татарского и узбекского языков есть слово *ик*, *ык* — «течение».

Вопрос до конца так и не решен, но тюркская версия более вероятна.

ИКСА, левый приток Тавды (Свердловская область). Это название окружено мансийской топонимией, но не находит в ней объяснения. Ключ к решению, наверное, в том, что здесь есть и другие названия, которые трудно или невозможно объяснить из мансийского языка (например, Чекшанка, Чальма). Точные соответствия находим на русском Севере (Архангельская и Вологодская области), где есть четыре реки с названием Икса, а также топонимы Чекша, Чалмотное и тому подобные.

Все эти Иксы — стоки озер, и явно образуют параллель костромским Вёксам, которые — а их обнаружено уже семь — все также вытекают из озер. Есть и другие факты: русское костромское *вёкса* — «межозерный проток, или исток из озера», марийское *икса* — «залив, впадающий в берег реки, заводь». Таким образом, севернорусское Икса — реликтовое (субстратное) слово, усвоенное русскими из какого-то вымершего финно-угорского языка.

Тавдинская Икса течет из огромного болота с остаточными озерами. Этот топоним по происхождению явно связан с севернорусскими названиями. Но как он попал на Урал? Скорее всего какая-то группа древнего дорусского населения Подвинья была захвачена русской колонизацией и осела в бассейне Тавды, но могло быть и так, что здесь некогда жили племена, близкие к финно-уграм Севера, и следы их наречия сохранились в топонимии.

ИЛЕК, левый приток Урала. Протекает по территории Казахской ССР и Оренбургской области. В устье Илека находится село Илек, ранее Илецкий (Илекский) казачий городок, основанный в первой половине XVIII века. Выше по течению расположен город Соль-Илецк (Оренбургская область).

Еще в «Книге Большому чертежу» (1627 год) написано, что близ Илека есть гора «Тустеби, по-наше-

му, та гора Соляная, ломают в ней соль».

Огромные запасы поваренной соли определили будущее этих мест. В 1744 году начинается разработка соляных копей. А в 1754 году для защиты от кочевников здесь была построена крепость — Илецкая Защита. В XIX веке поселение было переименовано в безуездный город Илецк. После революции еще несколько раз менялись названия: поселок Илецкое, город Соль-Илецк, рабочий поселок Илецкая Защита, наконец, в 1945 году город окончательно получил название Соль-Илецк.

Топоним Илек членили на Ил и Ек, вспоминая при этом название реки Или, впадающей в озеро Балхаш, и наименование многих уральских рек Ик, якобы финно-угорское. Между тем топоним Илек — явно тюркский, причем наиболее убедительно сравнение с башкирским *илек* — «дикая коза», «косуля». И это тем более возможно, что в Башкирии есть и другие подобные названия, например, гора Илектегыр и река Илек (левый приток Юрюзани). Правда, в «Книге Большому чертежу» приток Урала назван не Илек, а Илез, но это ошибка, которых много в иноязычных названиях этой книги.

ИЛЫЧ, река в Коми АССР, правый приток Печоры. Манси называют эту реку Олс (Олыс), в некоторых более ранних источниках XVIII—XIX веков она именуется Илша, Олеш, Олыс. Русское Илыч отражает коми-зырянский вариант названия (Илыч или Ылыч).

Значение топонима неизвестно, но есть следующие пути поиска. Во-первых, сравнение с названиями притоков камской Вишеры Нёлс, Вёлс, Улс, а это, возможно, домансийские топонимы. Во-вторых, сопоставление с севернорусскими названиями рек в бассейне Пинеги типа Илеша и Улеша. Видимо, очень старое название. Не исключено, что Олс то же, что и Улс. Вместе с тем интересно коми *ылыс*, *ылысь* — «дальний», «дальний».

ИЛЬМЕНСКИЕ ГОРЫ (*Ильменский хребет*) в Челябинской области к северу от Миасса. Наиболее значительная вершина хребта — гора Ильментау (748 метров). Южнее хребта озеро Ильменское. В этом районе образован знаменитый Ильменский заповедник.

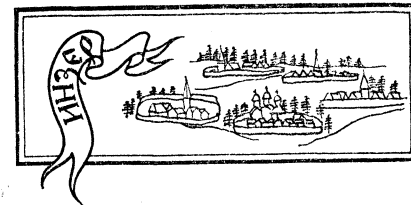
В основе название озера, но путь слова очень извилист. По мнению советского лингвиста И. Г. Добродомова, греческое *лимэн* — «гавань» проникло в русский язык в формах *лимень*, *лиман*, *ильмень*, получив ряд новых значений («залив», «озеро», «разлив среди камышей», «старица»). При этом новые значения возникали не без влияния другого гре-

ческого слова *лимнэ* — «залив», «озеро», «болото». В то же время заимствование было связано народной этимологией с русским *ил* и суффиксом *мень* (например, в диалектном *узмень* — «узкое место»).

И, наконец, предполагается, что греческое слово проникло в русский язык через тюркское посредство (половецкое *лимэн*, турецкое *лиман*). Об этом, по мнению И. Г. Добродомова, говорят тюркские топонимы — крымско-татарское Ильменбуруну (мыс в Крыму, близ Алупки) и гора Ильментау на Южном Урале. Многие, однако, неясно и прежде всего, как слово *ильмень* попало в тюркскую топонимию Урала.

Не просочилось ли оно из речи русских переселенцев на Южный Урал? Ведь уже П. Паллас пишет об озерах в оренбургских степях, «из коих нет никакого течения», что их «здесь обыкновенно называют ильменями». Он же приводит и пример — Мергенский Ильмень. Слово *ильмень* распространено прежде всего в южнорусских диалектах и топонимии, так что ничего невозможного в этой версии нет.

Заметим еще, что название знаменитого новгородского озера Ильмень (до XVI века — Ильмерь), где берет начало Волхов, совсем иного — прибалтийско-финского — происхождения.

ИНЗЕР, крупнейший приток реки Сим, впадающей в Белую (Башкирская АССР). По-башкирски Инйар, также Инар, Ингйар, Ингар. По реке получил название рабочий поселок Инзер.

Близ устья Инзера есть село Бишаул-Унгар (Унгарово). Сопоставив топонимы Унгар и Ингар, известный башкирский языковед Д. Г. Киекбаев пришел к выводу, что в них отражены два разных этапа развития этнонима *венгеры*, которые по некоторым предположениям жили когда-то в Башкирии, и что здесь была древняя стоянка венгров — «Пять деревьев Унгарово». Однако хорошо известно, что *унгар* — немецкий вариант слова *венгер*, что сами венгры называют себя *мадьяр*, а русские в древности их называли *угры*. И венгерский ученый Ю. Намет показал, что этноним *унгар* не может быть отражен в топонимии Башкирии.

Другие исследователи видят в компоненте *ар* венгерское слово

ар — «поток» или венгерское же *ингер* — «раздражение», «волнение». Последнее наивно, а первое возможно только в том случае, если поблизости еще будут обнаружены венгерские топонимы. Во всяком случае это название скорее всего добашкирское. Интересно выяснить, не связано ли оно с мордовскими названиями рек Инсар, Инсарка, значение которых тоже неизвестно.

ИНЬВА, правый приток Камы, протекает по территории Коми-Пермяцкого национального округа Пермской области. В коми-пермяцком языке *инь* — «женщина», «баба», *ва* — «вода», в целом «Бабыя вода». Это объяснение приводит в своем «Пермячко-русском словаре» еще Н. Рогов. Оно убедительно и не нуждается в пересмотре, хотя попытки были. По значению очень обыкновенное название: «бабьих» рек много как в русской топонимии, так и среди географических названий других народов СССР.

ИРБИТ, город на северо-востоке Свердловской области в устье реки Ирбит (правый приток Ницы), берущей начало в озере Ирбит (Ирбитском). Город получил свое имя по реке.

Первоначальное поселение возникло в 1631—1633 годах. Оно именовалось Ирбейской слободой, так как реку Ирбит «татары называют Ирбеем», как пишет Г. Ф. Миллер в своей «Истории Сибири». И действительно в документах XVII века первоначально фигурируют река Ирбей и Ирбейская слобода, но уже очень скоро встречаем написание Ирбеская, а также Ирбицкая, Ирбитцкая слобода.

Из наименования Ирбитцкая слобода, видимо, и было извлечено более позднее название реки и поселения — Ирбеть или Ирбит. В конце концов возобладало Ирбит, хотя еще в XIX веке нормой было именно Ирбеть, да и сейчас такое произношение можно услышать у местного населения.

В 1775 году Ирбит официально утвержден городом.

Исторические данные позволяют сразу же отвести неуклюжую попытку объяснить название Ирбит из сочетания Ир (имя какого-то князя или полководца) и бит, то есть здесь был бит некий Ир: обычное народ-

но-этимологическое осмысление названия. Наименование озера — опять-таки в свете исторических данных — вторично. Однако первоначальный топоним Ирбей поддается расшифровке не без трудностей. По облику это типично тюркское слово. В татарском языке, — а источник надо искать прежде всего в нем — есть и вполне подходящие слова *ир* — «мужчина», «герой», «богатырь» и *жир* (диалектное *йир*) — «земля», «страна». Но что значит *бей*? В одном из тюркских языков — турецком — есть слово *бей* — «господин», «владыка». Вроде бы и смысл неплох — «Герой-владыка» или «Господин страны», но уж больно далек от Урала турецкий язык.

Иногда на помощь приходят письменные источники. В башкирских шежере (хрониках), повествующих о событиях XVI века — борьбе башкир с ногайскими мурзами и присоединении Башкирии к Русскому государству, упоминается князь Бурзянского рода Искебей, родовые старшины Каззафар-бий и Татигас-бий. В шежере фигурирует и легендарный Токсоба-бий, башкирский вождь, живший на рубеже X—XI веков. Так что в свое время слово *бей*, *бий* — «родовой вождь» не было чуждо и башкирскому языку. Ну а татарский язык очень близок к башкирскому и географически, и по строю, и по составу словаря. Поэтому наше объяснение топонима Ирбей может оказаться верным: в тюркских языках было немало кочующих слов, особенно в сферах религии, администрации, культуры. Но не все из них сейчас сохранились в живой речи.

ИРЕМЕЛЬ, одна из самых высоких и красивых гор Южного Урала, которую башкиры раньше считали святой. Расположена близ истоков Белой. Имеет две вершины — Большой Иремель (1586 метров) и Малый Иремель (около 1400 метров).

В «Кратком топонимическом словаре» В. А. Никонова, многотомном издании «Россия» под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского и ряда популярных изданий, особенно в туристских путеводителях, утверждается, что в переводе с башкирского языка Иремель — «Священная (гора)». Но «святой», «священный» по-башкирски и по-татарски *изге*.

Возможно, имелись в виду башкирско-татарские слова *ырым* — «заключение», «колдовство», *ырымлы* — «заговоренный», «заколдованный», но они никак не соответствуют по своему звуковому составу башкирскому звучанию топонима (Ирямял).

Это заставляет искать другие пути. Вот один из них. В некоторых тюркских языках встречается слово *емел* (в русской передаче *эмель*) — «седло», «седловина», восходящее к монгольскому *эмэл* — «седло». Это

слово нередко встречается в названиях перевалов Тянь-Шаня, Алтая, Южной Сибири. Так, в Казахстане (Семиречье) есть два перевала с названием Алтынэмель — «Золотая седловина».

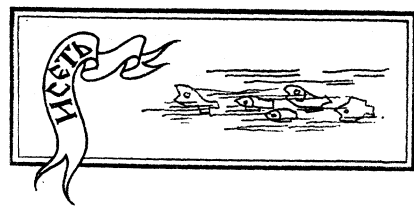
Известно, что в названиях башкирских гор сохранилось много элементов седой старины, которые необъяснимы из современного башкирского языка. Если допустить, что тот же монгольский элемент некогда был в языке башкир или их тюркских предшественников, то Иремель легко истолковать как «седло мужчины (героя)», ведь слово *ир* в башкирском языке «мужчина», «герой». Кто видел Иремель, легко может обнаружить в этой исполнинской, наискось усеченной пирамиде сходство с гигантским седлом, и тогда это цветистая метафора в истинно восточном вкусе.

Но может быть и так, что имеется в виду седловина между горой Большой Иремель и горой Малый Иремель. Где правда — решить трудно.

Любопытно, что в чагатайском языке (один из тюркских языков Средневековья) слово со значением «седло» звучало *амал*, и эта форма точно соответствует башкирскому (Ир)ямял.

ИРИКЛИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ, образовано в 1957—1958 годах на реке Урал выше города Орска (Оренбургская область). На его берегу рабочий поселок Ириклинский (разговорное — Ирикла). Есть два объяснения топонима.

В первом случае в основе видят башкирское *ерек* — «ольха», *ерекле* — «ольховый». И тогда это ближайшая родня многочисленным башкирским и татарским названиям, которые в русской передаче выглядят как Ерыкла, Зириклы, Зирекла, Зеркло и тому подобное. Все они означают одно и то же — «Ольховый (ая, ое)». Другое предположение — от башкирского и татарского *ирекле* — «свободный», «вольный».

ИСЕТЬ, левый приток Тобола. Протекает по территории Свердловской, Курганской и Тюменской областей. Берет начало в озере Исетском. По реке названы рабочий поселок и железнодорожная станция Исеть на Горнозаводской линии к северу-

западу от Свердловска, а также село Исетское в Тюменской области.

Название, которому очень повезло на толкования, и все же оно до сих пор остается тайной.

Прежде всего надо оставить в покое нелепое объяснение топонима Исеть из татарского *ис* — «запах» и *ет* — «собака», что будто бы означает «Собачий запах» (?) и мало что проясняющую ссылку на тюркское личное имя Исетьбай. Кроме того, уже давно сравнивают названия реки Исеть с именем народа исседоны, которые по рассказам древнегреческого историка Геродота (V век до новой эры) обитали где-то на севере. Здесь скорее всего случайное звуковое совпадение: трудно поверить, что причерноморские скифы, у которых собирал сведения Геродот, были слышаны о такой в общем-то небольшой реке, как Исеть, и населяющих ее племенах.

Есть и другие догадки. Вот одна из них. В Западной Сибири по Енисею живут кеты, язык которых находится под пристальным наблюдением ученых. Ведь это последний из целой группы енисейских языков! И оказалось, что в некоторых енисейских наречиях слово *сет*, *сет* — «река», а *исе* — «рыба». Значит, Исеть (Исесет) — «Рыбная река»? Но нет никаких данных о кетах на Урале, да и нет — это главное — в наших местах других названий на *сет* или *сеть*.

Остается еще один путь: на Урале есть река Ис (левый приток Туры, по нему назван рабочий поселок Ис) и речка Иса в бассейне Тагила. Не связаны ли между собой эти названия и Исеть? Кстати, по Палласу мансийское название реки Ис — Ак. А это уже интересно, потому что напоминает мансийское *акт* — «протока». Ниточка эта очень тонкая, но более прочной пока нет.

ИСКОР, село в Чердынском районе Пермской области на реке Искорке, левом притоке Колвы. Впервые упоминается в летописях при описании событий 1472 года, когда коми-пермяцкое поселение с этим названием было захвачено русским войском князя Федора Пестрого. В переводе с коми-пермяцкого — «Каменный город» (*из* — «камень», *кар* — «город»).

Искорское городище, хорошо известное археологам, действительно расположено на высоко скалистом мысу, который виден издалика. Звук *з* перешел в русском языке в *с* перед глухим согласным *к*. Географический термин *кар* в некоторых коми-пермяцких названиях, давно усвоенных русским языком, изменился в *кор*. Название реки вторично.

ИТКУЛЬ, озеро на севере Челябинской области. В переводе с башкирского и татарского языков «Мясное озеро» (*ит* — «мясо», *кюл* — «озеро»). Озеро богато рыбой, а окрестные леса в старину изобиловали дичью. Можно понимать и как «Богатое озеро» или «Обильное озеро».

Еще одно озеро Иткуль есть на севере Курганской области. А на юго-западе той же области примечательно название большого озера Идгильды. Возможно, и в этом случае *ит* — «мясо». Тогда *килде* (*гилде*) в переводе с башкирского означает «пришло». Названий с такой структурой много среди башкирских личных имен: Ишкилде — «Друг пришел», Буйгилде — «Праздник пришел». Это доказывает, что они могут быть и в топонимии.

Такие топонимы есть и в других языках, например, в коми-пермяцком (Яйва — «Мясная вода»), а на полуострове Канин верховьями сходятся две довольно значительные реки с русскими названиями — Рыбная и Месна (Мясная?).

ИШИМБАЙ (по-башкирски Ишембай), город в Башкирской АССР (с 1940 года). Расположен на реке Белой. Крупный центр добычи нефти, возникший в 1932 году на месте старинной башкирской деревни Ишимбай (Ишимбаево).

От башкирского личного имени Ишембай, где *иш*, *ишем* — «напарник», «друг», «брат». Кроме всем известного Ишимбая, есть еще деревня Ишембай (официально Юлдашбаево от *юлдаш* — «спутник», «попутчик») в бассейне реки Большой Ирғиз (степное Заволжье).

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Первый железный караван

В 1701 году на реке Нейве был построен Невьянский завод. На Исети задымил Каменный завод. Из богатых уральских руд начали отливать орудия и припасы к ним.

По царскому указу тобольский воевода князь Черкасский 16 марта 1703 года отправил в Уткинскую слободу на Чусовой Семена Резанова и служивого человека Ивана Станикеева. С ними пришло четверта тобольских крестьян для «построения судов».

Сорок небольших смолистых суденышек, именуемых дошаниками, каждый грузоподъемностью в 300 пудов, были построены за короткое время. В апреле 1703 года на них погрузили пушки, гаубицы, мортиры — 350 орудий. Это был первый уральский железный караван.

Через 11 недель и 6 дней железный караван весом 11446 пудов прибыл в Москву. Только один струг разбила о камни своенравная Чусовая, как бы взяла пошлину за проезд.

Более двух веков действовала Уткинская казенная пристань.

Всегда, как над Россией нависала военная гроза, артиллерия и воинские припасы отправлялись отсюда. В грозном 1812 году Уткинская пристань работала до глубокой осени. Более полумиллиона пудов продукции уральских заводов было отправлено в тот год для армии. Отсюда шла артиллерия и боеприпасы для русской армии во время Крымской войны 1854—1855 годов...

А в наше время, как бы продолжая установившуюся традицию, ежегодно с мест бывшей пристани отправляются караваны... туристских лодок. Уральский металл развозится по стране теперь иными путями.

Юрий
ДУНАЕВ

ЗОЛОТОЙ ДРАКОН

Владимир

МАТЭР

Рисунки
М. Паукера

В узком кругу военных разговор рано или поздно обязательно пойдет о службе. Так было и на этот раз. Когда преодолели «первую полосу» застолья — тосты в честь именинника, вспомнили о недавних тактических учениях. Но жены и взрослые дети явно заскучали, и это заметил один из гостей, подполковник.

— Послушайте, друзья, — заметил он. — Не всегда же мы только тем и занимались, что воевали или учились воевать. Было время — влюблялись. Хотите, расскажу одну историю? И поскольку среди нас сегодня молодежь, то, наверное, не лишне будет заметить: все, что происходит с нами в молодости, имеет значение куда большее, чем мы иногда предполагаем.

Согласие было единодушным. Наверно, еще и потому, что подполковник слыл человеком с неудавшейся личной судьбой. В свои сорок восемь лет он был холостяком и, кажется, не собирался жениться, хотя и нравился женщинам.

— Вы конечно знаете новый микрорайон в западной части города. Лет пять или шесть назад на месте двенадцатизэтажного красавца стоял небольшой бревенчатый домик с застекленной верандой. Их, похожих один на другой, много было рассыпано там.

Домик таился в глубине, на задворках, среди огородов, которые давно уж никем не возделывались и зарастали в ожидании своего часа лопухами.

Когда в последний раз я пришел туда, дом показался мне грустным, покинутым и совершенно облысевшим: не росла уже под его окнами раскидистая черемуха. Черные ветки ее почему-то всегда представлялись мне руками, с мольбой вздетыми к небу.

А в ту весну — начало нашей истории — черемуха цвела с какой-то безудержной радостью. Огород, двор, скамья — все кругом было устлано белопенным цветом. И сам дом в лунную ночь, казалось, плыл вместе с облаками в загадочную даль.

Может быть, я выражаюсь слишком старомодно, но все было именно так...

За год до события, о котором я хочу рассказать, мы с Николаем, я звал его тогда Николкой, окончили военное училище и служили в войсках — командовали взводами. Две малень-

кие звездочки на золотых погонах, портупая через плечо, широкий офицерский ремень — все это вызывало у нас великую гордость за принадлежность к офицерскому корпусу.

Николай был моим самым близким и единственным другом. Вместе мы учились в ремесленном, позже вместе работали на одном заводе, в один день были призваны в армию и направлены в военное училище. И там служили в одной роте, в одном взводе, в одном отделении.

После окончания училища, к нашей радости, мы получили назначение в один военный округ. Но Николая оставили служить в областном центре, а я оказался в отдаленном гарнизоне, в небольшой уральской деревушке с мягким лесным названием.

Я не завидовал другу. Напротив, даже жалел его. Потому что не в городе становятся истинными солдатами.

В день расставания мы дали клятву: хоть раз в год, но обязательно встречаться. И пусть весенний май будет нашим месяцем встречи.

Мы ведь были мужчинами, черт побери. На перроне шелкнули каблуками, взяли под козырек и пожали руки: сдержанность — признак мужественности. Потом уж, в вагоне, я смахнул слезы...

И вот он — май. Столько событий произошло за эти месяцы!

Николай, только что сменившись с караула, встречал меня на вокзале. Как и при расставании, мы взяли под козырек и, не удержавшись, расплылись в улыбках.

Самым достойным местом отметить встречу, по нашему общему мнению, был, конечно, ресторан. Только там, казалось, можно проявить свою несомненную взрослость и независимость.

Мы заняли столик на двоих рядом с оркестром. Заказали коньяк, который терпеть не могли, но слышали, что его пьют солидные люди. И целую вазу шоколадных конфет, которые все еще обожали.

Звучала музыка. Плавно вращался зал вместе с набившейся в него публикой. И весь мир, такой благодетельный, тоже вращался вокруг нас — мы являлись центром.

Было уже поздно, когда головы мужчин, словно по велению, стали поворачиваться в сторону двери. Разумеется, повернулись и мы. Прежде увидели громоздкие часы над входными дверями. Они показывали ровно двадцать два ноль-ноль. А под часами... Под часами, шурясь и улыбаясь, стояли три женщины в непривычных, невиданно длинных вечерних платьях. Две — так себе, обыкновенные, и не очень молодого вида. А вот та, что стояла посреди... У меня перехватило дыхание, а друг мой достал носовой платок, аккуратно сложенный вчетверо, и промокнул крутой лоб, не обронив

ни слова. Но я-то давно знал язык его жестов и понял, что Николай тоже в смятении.

...Они заняли столик неподалеку от нашего. Там вскоре появилась бутылка лимонада и три пирожных.

— Николка? — сказал я вопрошающе.

— Не отпустят, — ответил он. — Она им нужна.

В это время заиграла музыка. К их столику подлетела целая стая ресторанных завсегдатаев. Разных возрастов и достоинств. Не утерпел и я. Длиннее всех на голову, в кителе с золотыми пуговицами, я, конечно, обратил на себя внимание. Она встала и сделала шаг мне навстречу.

В молодости такие победы вызывали у нас гордое сознание собственной исключительности. Я посмотрел сверху вниз на своих соперников и вывел девушку в круг танцующих.

— А как вас зовут? — спросила она, танцуя.

— А вас?

— Женя.

— Женя! — Меня прорвало и понесло... — Честное слово, вы такая девушка. Как в старинных романах. Вы «Айвенго» читали? Вы непременно стали бы королевой турнира...

— На ноги наступаете, — нахмурившись, перебила она.

— Извините. Правда, Женя. Ну что тут хорошего в ресторане?! Кривые рожи и женщины... — опрометчиво убеждал я.

— Ну уж! — возразила она.

— То есть, конечно, нельзя обо всех, — я понял, что допустил оплошность. — А мы с другом показали бы, чего вы заслуживаете. Пойдемте, Женя, к нам за столик.

— Ну, прямо, — недобро сказала Женя. — Какой скорый!

Тут музыка кончилась, пары стали расходиться, а я все еще не выпускал ее из рук. Она безуспешно пробовала высвободиться и заалела, возмущенная. На нас начали оборачиваться.

— Так, да?!

— Женечка...

— Королева, да?!

— Честное слово!.. — Я был, как в бреду.

— Ну, хорошо, — сказала она. — Идем! Отпусти руку.

Я познакомил ее с Николаем, усадил за столик и бросился к буфету. Уже без опаски. Потому что ее подруги теперь были с кавалерами. Я купил немного муската, апельсинов, яблок и еще шоколадных конфет. На все деньги, которые остались...

Мы угощали ее и танцевали наперебой.

Мало-помалу неловкость и напряжение рассеялись. Всем нам стало легко, просто и весело. Мы будто бы знали друг друга уже давно, смеялись по всякому пустяку, дошло до того, что я стал называть нашу новую знакомую Женькой.

Стрелки на часах незаметно подобрались к двенадцати. Мы с Николаем посидели бы еще, до закрытия. Так и планировали. Чтобы потом побродить два часа по ночному городу и — на вокзал: к утру мне следовало приехать в часть. Но теперь с нами была Женька.

— Поздно,— сказал Николай.— Пора домой, Женечка.— Он произнес эти слова с такой отеческой строгостью и, как мне показалось, нежностью, что я невольно испытал укол ревнивой зависти. Он всегда умел — теперешний полковник и доктор технических наук — точно и ко времени сказать то, что, может быть, и раньше, но беспорядочно бродило в моей голове. В мужской дружбе один всегда верховодит, сам о том не догадываясь.

На вешалке мне подали ее пальтишко. Далеко не новое...

— Женья,— сказал я, когда мы вышли из ресторана,— обещаю больше никогда не ходить сюда с этими... твоими подругами. И вообще...

— Ну уж, никогда,— ответила она, капризно поведя головой.

— Никогда, Женька! Только с нами! Изредка...

Самыми достойными людьми для меня в то время были военные. Ведь только недавно закончилась война. А кто ее выиграл?! И я считал — все относится к военным точно так же. И Женька, конечно.

— Если ты станешь слушать нас,— сказал я,— мы познакомим тебя с нашими друзьями. Мировые парни, офицеры.

— Вы сами мировые,— заверила Женька.

Держа нас под руки, она шла, пританцовывая.

— Мы — вне конкурса... Если хочешь, будем вместе ходить в театр, кино, в музей. Правда, Николка?..

Мы проводили ее до того самого домика с застекленной верандой на берегу реки. Сырым холодом потягивало с поймы. Тревожно и недобро поблескивали оконные стекла, вода в размытых колеях.

Разбежавшись, Женька перелетела через большую лужу и замерла. Вышедшая из-за туч луна осветила ее фигурку, край искристого платья.

Сколько мне было тогда? Двадцать три...

От города до станции, где мне следовало сходить, всего шесть часов езды. А там еще двенадцать километров, если идти напрямик, через лес, — и вот он, наш гарнизон. В общем, пустык. Я спокойно успел к началу занятий, и не было усталости от бессонной ночи. Только бодрость и радость. Может быть, по этой причине я даже получил в тот день благодарность от командира полка за занятия со взводом. Все-то было легко, все клеилось...

В июне Женьке исполнялось девятнадцать.

Мы с Николаем получили приглашение. Женька сообщила мне об этом в коротеньком письме и спрашивала, в какой день лучше устроить «сабантуйчик».

Она спрашивала об этом меня, и аккуратные, ровные, ученические строчки письма казались полными особым смыслом...

На крыльце дома с черемухой встретила нас мать Женьки, пожилая, хлопотливая, растерянно взволнованная.

— Проходите, гости дорогие,— говорила она.— Рада с вами познакомиться. Женечка мне рассказывала. Ждет вас...

Из комнат донсились веселые голоса. Мы с Николаем, достав бархотки, которые носили за голенищами, наводили глянец.

— А как прикажете величать? — спрашивала мать.— Отчества, простите, не знаю вашего.

В это время на пороге появилась Женья — в легком коротком цветастом платье. С улыбкой на губах и в глазах. Неотразимо милая.

Я забыл свое отчество, забыл начисто. Меня же в самом деле никто нигде по отчеству не называл. Для начальников и своих солдат я был «товарищ лейтенант».

— Ну что вы,— с трудом преодолевая смущение, ответил я матери Жени.— Зовите меня просто по имени.

— По-родственному, стало быть,— сказала мать с понимающей улыбкой.

Эти слова привели меня в состояние беспомощно глупого блаженства. Я подумал, что Женья ведь и в самом деле может быть моей...

Стол с вином и закусками был приготовлен на веранде. Три парня и три девушки стояли перед распахнутыми окнами и оживленно болтали, смеясь и потягивая сигареты. Но даже табачный дым не мог перебить запаха черемухи. Уже поблекшие цветы источали острый аромат.

Мне показалось, что насмешливый разговор у окна каким-то образом касался меня и Николая.

— Вот,— сказала Женья,— знакомьтесь.— И представила нас своим друзьям. Ресторанных подруг среди них не было.

Наше появление вызвало настороженность.

— Не стесняйтесь,— говорила Женья.— Будете, как дома.

— А не в казарме,— не лучшим образом сострил один из парней.

Мы с Николаем посмотрели на него. Он начал было похихатывать, но примолк.

Тут на веранде появилась еще одна девушка, и все внимание переключилось на нее.

— Чего опаздываешь? — накинулась на нее Женья, но, увидев блеснувшее в волосах девушки украшение, ахнула и закачала головой:

— Какая штука! Просто чудненько!

Я не знал, было ли таким уж чудненьким украшение, но блестело золотом оно здорово.

Три головы дракона, изогнув шеи, взирали свирепо и хищно.

Вскоре последовала команда садиться за стол, и обстановка мало-помалу разрядилась. Лица повеселели. Парни снова стали посмеиваться, потирать руки и рассказывать всякую всячину. Не очень, чтобы... Но смеялись все. Было досадно только, что Женя заняла место хозяйки во главе стола, а не рядом со мной.

Потом завели радиолу. Женя танцевала самозабвенно, без передышки. Со всеми. Лицо покраснелось, глаза блестели. Лихо веселая, она была еще краше.

А парни мне не нравились. Пошловато вели себя. Допускали вольности с Женей. И сердце мое сжималось.

Однако все откатилось прочь, когда мы оказались с Женей наедине. Не знаю, как это случилось. Может быть, даже случайно. Мы сидели на скамье под старой черемухой с руками-ветками, воздетыми к небу. Волнующе близко светились Женины глаза. И то, что чувствовал я, словами не передать...

Женя все основательней входила в мою жизнь. Я засыпал и просыпался с мыслью о ней. На стрельбище, проверяя в мишенях пробойны, сделанные солдатами, видел ее профиль. Никому не говорил, чтобы не показаться смешным, но в пении птиц на заре мне чудился ее голос. И наконец понял и сказал себе, что влюблен.

Так вот, значит, что такое любовь! Когда забываешь о себе, когда ради нее готов, не задумываясь, броситься в огонь. Не спрашивая, зачем, для чего это нужно. Когда нестерпимо хочется быть лучше, стать необыкновенным, достойным любви.

Я уже твердо решил, что начну готовиться к поступлению в военную академию, и, мечтая, видел себя умудренным боевым офицером, рядом с которым под руку гордо шагает Женя.

Но временами меня одолевала мрачная ревность. Мне виделась Женя с ее ресторанными подругами, с парнями, вроде тех, которые были у нее на дне рождения. Равнодушно нахальными, беспечно веселыми. И от таких видений избавиться было не просто.

Вспоминался и детский восторг Жени, когда она увидела блестящее украшение подруги. После дня рождения я обегал все галантерейные магазины города: хотелось доставить Жене радость, да разве сразу найдешь то, что нужно?

Но месяца через три золотого дракона я все-таки добыл. На окраине небольшой, полузаброшенной деревушки, где наша рота расположилась на привал после учебной атаки, оказался бревенчатый магазинчик. Крыльцо в три ступени, мощная решетка на окне-бойнице, выцветшая вывеска. На прилавках и полках лежали конфе-

ты, пряники, мануфактура, под стеклом — разные украшения. И среди них, хищно изогнув шеи, — золотой дракон. Представляете мою радость? Дракон, разумеется, был не золотым, из позолоченного стекла, но блестел. И впечатление в самом деле производил.

— Что, сынок? — спросила меня однажды мать, пряча руки под фартуком. — Никак собираешься привести в дом молодуху?

— Собираюсь, мама, — ответил я.

Мать бессильно опустила на табуретку, и по ее щекам покатались слезы.

— Ну что ж... Пожалуй, пора, — сказала она. — Ты появился на свет, когда отцу не было и двадцати пяти... — И задумалась. — Царство ему небесное.

— Мы редко видимся, мама. Она живет в городе... — И тут впервые я подумал с обидой, что судьба несправедлива ко мне, забросив в медвежий угол, откуда можно выбраться не чаще двух раз в месяц.

— Была бы девушка хорошая, — сказала мать. — А это, — она увидела украшение, которое я извлек из полевой сумки, — ей?

Я согласно мотнул головой.

— Чадушко ты мое любезное! Да кто же дарит девушке такое страшилище? Неужто нет получше?

Мама не знала, что этот дракон так нравится Жене.

— Не страшилище, мама, а произведение искусства, — ответил я с досадой, невольно принимая сторону Жени, хотя понимал, что дракона вернее было бы назвать произведением ширпотреба.

Мать посмотрела на меня, вздохнула и утерла слезу.

— Коли серьезно затеяли, теперь все у вас пойдет по-своему.

То, что Женя станет моей женой, для меня было решенным. Только я все еще никак не осмеливался сказать ей об этом и возлагал большие надежды на золотого дракона. Мне казалось, он поможет в трудном разговоре.

Поезд прибывал в город слишком рано, чтобы идти прямо к Женке. И потому с вокзала, как и обычно, я направился в офицерское общежитие, где жил Николай. Он уже собирался на службу.

— Как тут у нас дела? — спросил я вместо приветствия, имея в виду прежде всего Женку.

Он будто бы не слышал моего вопроса. Но спустя некоторое время промолвил уклончиво:

— Видел как-то раз... издалека... Шла... — и перевел разговор на другую тему.

Что-то обидное почудилось мне в Колькиной недоговоренности.

...Женя в простеньком халатике, с косынкой, накинутой на плечи, перетянутая, как оса, пробиравась меж грядками своего огорода.

Солнце заливало землю. Женя обратила к солнцу лицо и потянулась.

Я не знаю, доводилось ли вам испытать это удивительное изумление, когда покоряет одна какая-нибудь маленькая деталь в облике любимой женщины, в ее одежде, в жесте. Если нет, вряд ли вы любили...

Я не мог оторвать глаз от Женьки. И стоял у забора, любясь, пока она не скрылась за домом.

Она даже не услышала звука щеколды и, когда я вошел во двор, сидела, задумавшись, на скамье, лузгая семечки.

— Жень, здравствуй!

Она испуганно обернулась, стряхнула с колен слуху.

— Здравствуй.— И улыбнулась обрадованно.

Я в то время, как уже говорил, копил в себе человеческие добродетели, чтобы нравиться ей. И твердо не был уверен, что лузгать семечки во дворе неприлично, хотя знал — в трамвае, например, никак нельзя. Женина приветливость меня ободрила, и потому, как тогда после ресторана, я ринулся делиться с ней скромным своим багажом по части воспитанности.

— Но я же не в трамвае,— с капризной гримасой сказала она, выслушав сбивчивые мои рассуждения.

— Так не о трамвае и разговор,— растерянно промолвил я.

Женя обиженно отвернулась. И тут я вспомнил о золотом драконе.

— Жень! Ты погляди.

Даже не взглянув, она небрежно отвела мою руку.

Меня иногда озадачивала ее непоследовательность. Женя могла в мгновение сменить гнев на милость. И наоборот.

— Ты зря сердисься, Женя. Так нельзя,— сказал я, чувствуя, что во мне все обрывается и меркнет солнечный день.

— Посмотри.

Увидев золотого дракона, она поднесла пальцы ко рту и, враз изменившись, глянула на меня распахнутыми бархатными признательными глазами.

— Ты... это мне?

— Конечно, тебе. Кому же еще?

Она порывисто схватила игрушку, чмокнула меня в щеку и убежала хвастаться подарком перед матерью.

Вместе с теплом Женькиных губ я успел уловить запах табака, исходивший от ее волос.

Незаконченность, неопределенность Колькиной фразы и запах табака на миг соединились горькой пугающей нитью. Мне вдруг представились те, ресторанные девицы. Все, все, что угод-

но, но неверности, как человек военный, я простить бы не мог. Кровь бросилась в голову.

Я попытался отогнать подозрения. Ведь ревность, как мне было известно из книжек, унижает человека. Вскоре мы уже мирно, по-родственному, как говорила ее мать, пили чай на веранде.

Но самого главного я не сделал. Не сказал, что люблю ее, что хочу, чтобы стала она моей женой. Не сказал, потому что не я, а золотой дракон вызвал у нее такое доброе настроение.

«В следующий раз,— решил я.— В следующий раз — обязательно!»

Сама судьба шла навстречу. Удача ведь, как и беда, в одиночку не ходит. Не успел я вернуться в полк, как меня вызвали в штаб и вручили командировочное предписание. И вот я снова поехал в город, значит — и к Жене. Теперь уже полный смелости. С твердым намерением. А мечты опережали одна другую. Целую неделю мы будем вместе. Я сделаю ей предложение. Я скажу ее матери об этом. И останусь у них в доме на правах жениха. Целую неделю под одной крышей!

Я не стал звонить с вокзала Николаю. Зачем? Теперь можно позвонить прямо Жене. Сейчас же скажу ей...

— Женя,— закричал я, услышав родной, сипловатый спросонья голос.

— Что так рано? Я еще в постели... А правда, чудненько мы покутили вчера...— И осеклась. Она принимала меня за кого-то другого. И только сейчас поняла ошибку.

В сердце мне стучало ее настороженное, испуганное дыхание.

Не помню, повесил ли я трубку...

Я встретил ее однажды. Года через три или четыре. Яркие губы. Пустые глаза. Громкий смех. И усталость... сквозь порывистые жесты... Вот и все.

Она умерла, не дожив до тридцати. Меня известили об этом: я получил по почте бандероль. В ней был тот самый золотой дракон и записка, написанная чужою рукой: «Она просила, когда ее не станет, переслать вам эту безделушку».

Ума не приложу, откуда был известен адрес войсковой части, в которой я тогда служил.

Что значит моя фамилия?

**Борис
РЫБАКОВ**

Рисунок
М. Тарабукиной

В «Уральском следопыте» № 4 за 1977 год была напечатана статья «Откуда пошли русские фамилии». Она вызвала широкий приток читательских писем. Многих, оказывается, интересует вопрос — «Что означает моя фамилия?»

Письма читателей редакция отослала автору статьи «Откуда пошли русские фамилии» Борису Рыбакову. Он и ответит на эти письма, поступившие в редакцию журнала...

Матрена Петровна Латкина пишет мне из Майкопа: «Работая в должности техника-инвентаризатора, выдавая различные справки гражданам Майкопа и приезжим, я давно начала выписывать редкостные и странные фамилии. Но вот найти объяснения им мне не удалось».

Наряду со смешными — Убейкобылин, Худомясов, Сюсюкалов, Трясиумов — она приводит в своем списке и такие фамилии: Бардаков, Вшивцев, Вошкобитов, Гноев, Дурьев, Костоглодов, Мордворотин, Неплюев, Остолопов, Плешивый, Свинолулов, Сморкалов, Стоматюков... Фантазия народа отобразена здесь во всех красках.

Особенно остры на язык были украинцы. В республике достаточно распространены такие фамилии, как Непейново, Непейвода, Добробаба, Бесштанько, Дураченко, Растворноврота, Косинога, Матюк, Живолуп, Молчманя, Заплюйовичка...

Живы еще совсем неприличные фамилии, о которых один из героев Гоголя в пьесе «Женитьба» говорил: «На Руси есть такие содомные прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь».

Что помешало носителям этих фамилий заменить их? Как бы отвечая на этот вопрос, Дмитрий Никитович Деримедведь пишет: «В моем селе и окружающих селах наша фамилия считается самой обыкновенной. Наша семья пользуется авторитетом у сельчан, и обижаться на фамилию не приходится».

О происхождении своей родовой фамилии рассказала А. Н. Попова из Астрахани: «Наше донское казачество было самостоятельным и подчинялось только своему атаману, который находился в Новочеркасске. Во времена покорения Кавказа казачья сотня возвращалась из похода домой. В придорожной пыли увидели мальчонку. Сжалились казаки и взяли его с собой. Сидеть на коне он еще не мог. Пришлось пристроить его в бурдюк, в котором возили вино. А когда привезли на Дон, долго решали, какую дать ему фамилию. Кто-то предложил назвать его Бурдюжковым».

Так и пошла эта фамилия, хотя основатель ее был грузин. У Анны Николаевны сохранился портрет бабушки — Бурдюжковой, типичной грузинки.

«Два моих двоюродных брата, — пишет ленинградец Б. М. Коншин, — и две сестры носят фамилию Бутылкиных». Странная фамилия. Как же она произошла? Оказывается, вот как.

В первые годы Советской власти Бутылкина-первого призвали в армию. По старой традиции, он так выпился, что его не смогли разбудить, сонного погрузили в повозку и привезли к месту сбора. Там его спросили:

— Как фамилия?

Молчит повобранец. Кто-то, заметив у него торчащую из кармана бутылку, сказал:

— Да пишите Бутылкин.

С тех пор под этой фамилией и живет на свете род.

В большинстве своем читатели

«Уральского следопыта» задают такие вопросы: «Что известно о происхождении нашей фамилии?» «Что значит моя фамилия?» Отвечу, кому могу ответить.

Бак. Может ли фамилия или имя образоваться от неодушевленного предмета? Мы ведь остерегаемся говорить «домова крыша», «столовая ложка». Имена существительные неодушевленные, как правило, не могут образовывать притяжательных форм, отвечающих на вопрос «чей?»

Есть слово «баковый». Но тоже сомнительно, чтобы старый матрос, бывший на флоте баковым, мог потом носить такую фамилию. Почему тогда нет Палубовых или Марсовых?

А вот говоруна, насмешливого человека могли назвать Баком. Во владимирских, нижегородских, костромских говорах есть слова «бакуль», «бакать» в значении рассказывать байки, балагурить. И как бы в подтверждение этого в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова находим государственного дворянина Ивана Ивановича Бака (1570 год) и урядового слугу из Полоцка Даниила Бака (1613 год). Следовательно, наши рассуждения верны.

Балахонов — отчество от мирского, некалендарного мужского имени Балахон. Так могли назвать человека, носящего балахон, своего рода накидку из парусины от дождя и снега.

Балахоном могли назвать и мастера по пошиву этого вида одежды, и торговца балахонами.

Власов — отчество от календарного мужского имени Влас (с греческого — вялый, неповоротливый, тупой).

Галунов. В русский язык слово галун пришло из французского. Так называется золотая или серебряная тесьма, применяемая для украшения мундиров. В наше время галуны нашиваются на погоны и мундиры для различия воинских званий, преимущественно сержантских.

В старину Галуном могли прозвать щеголя, украшавшего свою одежду. В донских говорах и сейчас белоручек зовут галунами. В северных областях России галуном называли насмешника, зубоскала. В новгородских, псковских, орловских говорах слово «галиться» означает плянуть глаза, засматриваться, любоваться. В говорах Среднего Урала «галиться» — издеваться, глумиться.

Гурашкин — отчество от уничижительной формы Гурашка из мужского личного имени Гурий (с древнееврейского — лвенюк, молодой лев). Возможно, Гурашка произошел от глагола «гуриться», что в псковских говорах означает виниться. Производных форм этой фамилии множество: Гурашов, Гурсев, Гуренков, Гуриков, Гурилев, Гурилов, Гурин, Гурков, Гуров, Гурулев, Гурьев, Гурьянов...

Гоголев. Довольно трудно сказать, из какой местности в русский именослов пришло имя Гоголь. В святцах его нет.

Очевидно, имя это давалось человеку за определенные черты характера. Так, в архангельских, вологодских, ярославских и смоленских говорах гоголем называли франта, щеголя, на Владимирщине — бодрого, веселого человека, в Нижнем Новгороде таким именем могли назвать осанистого, стройного, держащегося прямо человека, а вот в районе Казани — это гордец, спесивец, надменный человек.

История донесла до нас названия, дававшиеся крестьянам Вятской губернии по нравственным особенностям, — хват, рева, нюня, скупердяй. Среди них есть и гоголь.

Л. Н. Чепурнов, с которым я переписываюсь уже много лет, пишет, что и сейчас в селах Орловской области встречаются прозвища Гоголь, Гоголка в значении франтоватого, крикливо одевающегося человека. Он связывает это прозвище и с птицей гоголем, отличающейся ярким и своеобразным оперением.

О том, что эта фамилия пришла к нам из древности, говорит тот факт, что уже в переписи Новгорода 1495 года упомянут крестьянин Иов Гоголь (здесь пока еще в форме прозвища, второго имени). О прасоле, торговце, перекупщике мелкого товара Дмитриий Гоголеву упоминается в Двинских таможенных книгах 1554 года.

Гречин. Греча, гречка — эта культура является одной из древних. «Гречневая каша мать наша» — старинная поговорка говорит сама за себя.

В честь гречи могли назвать ребенка родители. Набожные родители могли назвать так ребенка, родившегося 13 июня, в день празднования церковью Акилины, названной в народе гречушницей за то, что в этот день обычно наши предки начинали сеять гречку.

Совсем недавно в Новгороде при раскопках обнаружена усадьба XII—XIII веков. Хозяином усадьбы, как выяснилось из берестяных грамот, был Олисей Гречин. Выяснилось также, что в 90-е годы XII столетия он добивался должности архиепископа Новгородского, дважды выставлял свою кандидатуру, но каждый раз слепец — таков был у предков обычай выборов — вытаскивал табличку с другим именем. Гречин имел отношение к высшему суду князя и посадника. Кстати, Олисей Гречин был не только политическим деятелем и священником, но и художником, расписавшим одну из новгородских церквей за 200 лет до Андрея Рублева.

Очевидно, прозвание Олисею было дано по национальности, как и Феофану Греку, который по происхождению был византийцем. Олисей осел

в Новгороде и полностью обрусел. Его сын Моислав Попович был уже русским воином, ходил в рядах новгородской рати на завоевание Югры.

Н. М. Тупиков в «Словаре древнерусских личных собственных имен» упоминает еще двух Гречинных: ростовского епископа Николу Гречина, жившего в 1185 году, и Савву Гречина, новгородского священника, жившего в 1225 году. Есть ли между ними родственные связи, установить трудно.

Ермаков. О значении этой фамилии суждений много. Однако большинство исследователей (Н. В. Бирило, В. А. Никонов, Ю. А. Федосюк) считают, что имя Ермак, от которого произошло отчество и фамилия, берет начало от канонических имен Ермил, Ермолай, Ерм, Иеремий.

Ерошев. Отчеств, ставших фамилиями, от канонического мужского имени Иерофей (с греческого — «освященный богом») множество: Ерков, Еронин, Еропкин, Ерофеев, Ерохин... Основой могли стать глаголы «ерофейничать», «ерошничать» в значении пьянствовать. Отсюда и такие прозвища, как Еропка, Ероха, Ерошка — как нечеса, неряха, космач, задира, чванливый, самодовольный человек.

Кондрашев — отчество от Кондраш из канонического мужского имени Кондратий. (Кондратос — греческое имя, от латинского «четырёхугольный».)

В русском языке больше известна разговорная форма этого имени — Кондрат.

Максунов. В. А. Максун, написавший мне, связывает свою фамилию с названием рыбы муксун. Когда-то жителей Томска называли муксунниками — так много там было этой рыбы. Тем не менее причислять эту фамилию «к рыбьим» можно с известной осторожностью. На мой взгляд, более правильным будет происхождение фамилии считать от башкирского мужского имени Максун, позаимствованного в свою очередь из русского именослова, от Максима (с латинского — самый большой, величайший).

Случаев, когда малые народности применяли русские имена, а затем как бы возвращали эти имена, но уже в несколько искаженной форме, можно привести достаточно много.

Маркин — от имени Марк, Маркелл, Маркиан. Н. А. Петровский в «Словаре русских личных имен» приводит мужское имя Марк с пометой: «старое, редкое». Эти имена пришли в русский именослов из Греции.

Меньшиков — отчество от нецерковного мужского имени Меньшик. Так называли родители, кроме церковного имени по крещению, самого младшего ребенка в семье.

Есть много случаев, когда крестное имя забывалось. Почему? Непривычно русскому языку произносить

имена, указанные в святцах, — Павсикакий, Вахтисий, Трифилий... Гораздо роднее и понятнее назвать ребенка домашним именем — Меньшик. Дети его уже получили отчество Меньшиковы, и отчество закрепилось как фамилия.

Окуличев. Происхождением своей фамилии интересуется семья Окуличевых из Кандалакшского района Мурманской области. Действительно, откуда древним россиянам известно это морское животное? Тем более в Мурманской области, на самом севере России? Правда, в Белом море обитали сородичи акулы, но назывались они там шарками.

Ю. А. Федосюк считает, что эта фамилия произошла от старого редкого мужского имени Акила (с латинского — орел).

Значит, Акул — родоначальник Акуловых. В некоторых окающих говорах безударная «а», как правило, произносилась «о», поэтому было имя Окул, от него пошли Окуловы. Но ведь имя Акила довольно редкое, а Акуловых и Окуловых много. Как это объяснить?

В словаре В. И. Даля толкуется еще одно слово — «окула», бытовавшее на Псковщине и в Тверской губернии в значении «плут, обманщик, продувная бестия; объедала за чужой счет». И нарицательное Окула стало личным именем такого человека, что на Руси не столь уж редкое явление. Сына этого Окулы уже стали именовать Окуловичем (Окуличем), и позднее это отчество с добавлением русского фамильного суффикса -ов стало фамилией.

Пальгунов. В этой фамилии, казалось бы, ничего нет скрытого. В вятских говорах и сейчас употребляется слово «пальга» для именованной левши. Вот этот левша, а на вятской земле пальга, пальгун, и стал родоначальником фамилии.

Но вот получаю письмо от В. А. Кыйвер из Таллина, которая поведала такую историю. Еще во времена строительства Петербурга в Россию был приглашен французский архитектор Пальгуно. На одном из зданий близ Александровской колонны имеется автограф архитектора. Потомки его прижились в России и считают ее своей родиной, и их фамилия стала русской...

Севрюков. В исторических документах имя Севрюк зафиксировано неоднократно.

В далекие времена на окраинах России, особенно в степной части, «севрюками» называли служилых людей станиц, крепостей.

В курских и воронежских говорах нарицательное «севрюк» также означало «угрюмый, суровый человек, ворчун, брюзга».

Стерлигов. Происхождение этой фамилии интересует Таню Стерлигову, ученицу 8-го класса из Тулы. Она предполагает, что ее фамилия отно-

сится к числу рыбьих. Но тут же задает вопрос: «Неужели фамилия связана с фунтом стерлингов — английской денежной единицей?»

Конечно же, фунт стерлингов здесь совсем ни при чем. В Брянской губернии «стерлигом» называли рыбу стерлядь. До сих пор остается загадкой, почему люди давали имена по названиям рыб.

И таких рыбьих фамилий на Руси множество — Ершовы, Карасевы, Окуневы, Судаковы, Щукины, Налимовы...

Самолетов. Совсем недавно еще этот летательный аппарат назывался аэропланом. Ни А. Ф. Можайский, ни Н. И. Кибальчич иначе и не именовали свое детище. И только в 30-е годы начало внедряться слово «самолет».

Однако слово это не новое. В словаре 1847 года, в энциклопедии Березина и Южакова самолетом назван паром, прикрепляющийся канатом к якорю в реке и передвигающийся не в ручную, а силой течения и с помощью особой системы рулей. «Самолетом» именовалось и пароходное общество, учрежденное в прошлом веке на Волге и Каме.

В некоторых губерниях России самолетом называли примитивное орудие для пахоты, типа сохи. В середине прошлого столетия в Пермской губернии была детская игрушка «Самолет» — деревянная стрела, запускавшаяся с помощью гибкого прута и нити. В ткацком производстве самолет — это челнок, который бросают не рукой, а погонялкой.

Когда впервые упоминается эта фамилия? У меня таких данных пока нет. Но с уверенностью можно сказать, что Самолетом был прозван быстрый, очень подвижный человек или работник пароходного общества, паромщик.

Хуртин. Е. В. Хуртина из Саратова считает свою фамилию иноязычной, так как не встречала в русском языке слова, от которого она могла быть образована.

Такое слово, однако, есть. В северных районах России хуртой именуют вихрь, буран, вьюгу. Родился человек в непогоду, буран, метель — называли его Хуртой, Метелицей, Вьюгой. А то могли взрослого человека назвать таким именем за быстроту, подвижность или непостоянный характер. Уличное или семейное имя прижилось, стало, в конечном итоге, фамильным прозвищем.

В южных российских говорах хуртой называли больного, хворого человека.

Может быть, следует отнести эту фамилию к числу профилактических? В старину, особенно в семьях, где часто умирали младенцы, детей специально называли оскорбительными, отталкивающими именами-кличками, чтобы уберечь ребенка от сглазу, нечистой силы.

Шихарев. Можно предположить, что основой имени Шихарь, которое стало отчеством и фамилией, было нарицательное «шихирь» в значении коротыш, малорослый человек.

В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмер толкует слово «шихарь» как щеголь.

Дойти до смысла имени Шихарь пока не удалось.

Яблонский — фамилия, возможно, семинарского происхождения. Ю. А. Федосюк относит ее к «растительным» типа Вишневский, Малиновский, Грушевский, Садовский.

В южных областях России множество селений с названиями Сад, Садовое, Грушевка, Яблоневка, Вишневка, Малиновка. Помещики, некогда владевшие этими цветущими местами, охотно называли себя Вишневыми, Садовскими, Яблонскими по типу шляхетских. И звучала такая фамилия внушительно. Мода на красиво звучащую фамилию впоследствии распространилась и на другие сословия — мещан, духовенство, крестьян.

Спрашивают меня читатели и о именах. Наташа Кондрашова пишет, например: «В переводе на русский язык Наталья означает «родная», Елена — «светлая». Нет ли такого же перевода имен Олег, Ольга, Игорь?»

Мужское личное имя Игорь пришло еще до введения христианства на Русь из древнескандинавских языков. Первоначально оно звучало Ингварь и в переводе на русский язык означало воинство, сила.

Мужское личное имя Олег также вошло в русский именослов из древней Скандинавии. Л. В. Успенский в книге «Ты и твое имя» приводит его значение как священный, величественный. Ольга — женская форма от имени Олег. Кстати, таких примеров, когда мужские и женские имена совпадают, можно привести очень много: Аглай и Аглая, Александр и Александра, Анисий и Анисья, Виктор и Виктория...

В медчасти Крылечкина сначала смотрели на рентгене, потом на тепловизоре, потом на нейровизоре с какими-то непонятными фильтрами, затем, обстукав и обслушав, часа два мучили хитроумными психологическими тестами — и, наконец, передали из рук в руки высокой стройной блондинке из отдела кадров.

На блондинке был серебристый брючный костюм из только что вошедшего в моду релятивина. Собственно, серебристым он оставался лишь первые минуты. Пока блондинка изучала новенький диплом Крылечкина и расспрашивала его о семейном положении, о темах курсовых работ, костюм поголубел, налился лазурью, и, словно по небу в цветном фильме, по ткани поплыли легкие белые облачки.

— Ну что ж, — проговорила блондинка, вставая, — пойдемте к шефу.

Они вышли из административного корпуса, свернули в аллею, заснеженную тополиным пухом, и вскоре оказались перед стальными воротами. «Орешкинская экспериментальная ферма. Зона А.» — гласила табличка. Блондинка опустила в прорезь жетон, ворота приоткрылись и, пропустив их, снова захлопнулись.

«Ого!» — поразился Крылечкин. За пять институтских лет он побывал на многих экспериментальных фермах, — на Чукотке даже участвовал в дойке китихи, — но с такими строгими воротами встречался впервые. И этот трехчасовой медосмотр... Чем же они тут занимаются, в этом таинственном Орешкино? Похоже, в институте тоже никто толком этого не знает. На все расспросы Крылечкина декан, человек сухой и официальный, ответил только: «В Орешкино выводят новую ценную породу скота». — «Но

костюм ее продолжал тем временем цикл своих преобразений.

На фоне плывущих в голубизне облаков откуда-то из глубины ткани проступили очертания ветвей, потом стали видны набухшие почки, — и вот уже весь костюм переливается трепещущими зелеными искорками распускающейся листвы. Листья росли, множились, и стало видно, что это сирень, которая вот-вот расцветет.

В эту самую минуту блондинка распахнула дверь. Они вошли в пустынный вестибюль, пересекли его и зашагали по широкому коридору, освещенному голубоватыми плафонами. Крылечкин с любопытством оглядывал стены, но не обнаружил ничего интересного. «Взаимосвязь экстерьера и молочной продуктивности», «Количество отелов по месяцам», «Структура стада» — все те же привычные таблицы, диаграммы и графики, которые можно увидеть в каждом молочном комплексе.

Сиреневый куст на костюме блондинки раскрыл, между тем, первые лиловые гроздья, и Крылечкина опахнуло душистым цветочным ароматом. «Глубинка», — подумал он не без снисходительности. Московские модницы, покупая релятивинового костюмы, первым делом становились в них под ионный душ, — и запах цветов делался тонким, еле уловимым. А здесь, в Орешкино, как видно, считалось модным благоухать на всю катушку.

— Подождите тут минутку, — сказала блондинка и вместе с запахом сирени исчезла за высокой белой дверью, на которой было написано: «Сектор свирепости».

Крылечкин остался стоять, обалдело уставившись на эту надпись. Чья-то шутка?.. Но в

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПАСТБИЩ

Рассказ

Михаил
НЕМЧЕНКО

Рисунок
А. Банных

какую же? Почему ни слова не сообщают о своих работах?» — «Видимо, считают преждевременным. Наберитесь терпения, Крылечкин, — все узнаете на месте».

И вот сейчас он должен наконец узнать...

От ворот выложенная белыми плитами дорожка вела через сочную зеленую лужайку к длинному одноэтажному зданию. На лужайке паслась рыжая телка. Обычная тагилка, — с первого взгляда определил Крылечкин и вопросительно посмотрел на провожатую: где же тут новая-то порода? Но блондинка шагала молча, явно не собираясь ничего объяснять. А релятивинового

следующее мгновение его внимание привлек висевший слева от двери огромный, чуть ли не в натуральную величину, фотопортрет коровы.

Коровы ли?! Если бы не массивное вымя, это животное скорее можно было бы принять за сверхбыка, выращенного для какой-то чудовищной корриды. Тяжелое, по-буйволиному грузное туловище. Ноги, чуть не вдвое толще обычных. Короткая, неохватной толщины шея. Угрожающе пригнутая голова с налитыми кровью глазами. Мощные рога, кажется, вот-вот вонзятся в невидимого недруга. В довершение всего странно продолговатые, размером с добрую ступню

копыта чудовища были подкованы, и по бокам их торчали острые стальные шипы наподобие шпор.

— Это что за страшилище? — спросил Крылечкин у проходившего по коридору молодого человека в белом халате, поверх которого возлежала черная борода.

Бородач смерил Крылечкина насмешливым взглядом и, не удостоивая ответом, прошествовал мимо.

— И на что такой танк? — уже без особой надежды проговорил ему вслед Крылечкин, будто размышляя вслух.

— А звери-то? — неожиданно оглянулся бородач.

— Звери? — Крылечкин улыбнулся и подумал, что надо бы в тон ему сказать тоже что-нибудь смешное — тогда этот обильный растительностью молодой человек, может быть, разговорится.

Но тут в вестибюле кто-то закричал:

— Валера! Шкуры привезли!

И бородач рысью припустил по коридору.

Крылечкин проводил его взглядом, озадаченно хмыкнул и вернулся к созерцанию рога-того страшилища.

— ...Диплом-то диплом... — вдруг отчетливо услышал он мужской голос. — А где гарантия, что этот экземпляр — не оттуда?

Повернувшись, Крылечкин увидел, что дверь «Сектора свирепости», видимо от сквозняка, чуть приоткрылась.

— Полная уверенность, Игорь Глебович. — Крылечкин узнал голос своей провожатой. — Просвечивали с хроноспектральным анализатором. И потом тесты...

Стоять под дверью в роли подслушивающего было, прямо скажем, не очень красиво. Но не притворять же ее, дверь, — это уж совсем глупо. И отойти в сторонку Крылечкин тоже не мог: слишком интригующей была просачивающаяся в коридор информация.

— Завтра можете аннулировать весь контроль, — произнес мужской голос после короткой паузы. — Пусть явятся и посмотрят, у нас будет все готово. А сегодня — строжайший фильтр!

— Этот-то, Игорь Глебович, точно не оттуда. Я и в институт звонила. Подтверждают: он именно и направлен...

— Ладно, давайте его сюда. Поглядим.

Крылечкин поспешно отшагнул от двери и углубился в изучение танко-коровы. За этим занятием и застала его блондинка.

— Заходите, — пригласила она, вся в гроздьях сирени, благоухающей оглушительнее прежнего.

Первое, что бросилось в глаза Крылечкину, когда он переступил порог комнаты, был на чертанный на стене лозунг: «Повышение коэффициента свирепости — ключ к надежной хищ-

никоустойчивости». А чуть ниже задача была сформулирована более конкретно: «Неустанно наращивать силу копытного удара!» Под этими поразившими Крылечкина словами стоял длинный белый стол, заставленный штативами с разноцветными пробирками. Вообще пробирками и банками с притертыми пробками была заставлена вся комната: они виднелись и на полках, и в шкафах, и на холодильнике, и на тумбочке рядом с электронным микроскопом; одна такая банка, наполненная свекольного цвета жидкостью, стояла даже на титанитовом плече кибер-лаборанта, недвижимо замершего в углу возле пульта, от которого тянулись провода в смежное помещение, — через открытую дверь был виден угол кормушки, и даже сквозь густоту сиреневого благоухания ноздри улавливали кисловатый силосный запах.

Впрочем, всю эту лабораторную всякую всячину Крылечкин успел заметить лишь мельком, краешком глаза, потому что главное его внимание было приковано к двум мужчинам в белых халатах. Они стояли у заваленного бумагами письменного стола и с любопытством разглядывали Крылечкина. Один был высок, сед, неправдоподобно худ, словно питался одной информацией, — и Крылечкин решил, что это, наверное, и есть таинственно знаменитый профессор Глафирин, директор Орешкинской фермы. Но тут второй ученый муж, полноватый шатен в очках, заговорил, — и голос оказался тем самым, что доносился минуту назад из приоткрытой двери:

— Ну, как вам наши ворота?

— Ничего... крепкие, — молвил Крылечкин, несколько озадаченный таким началом.

— Ни один лазутчик не проскользнет, пока сами не впустим, — заверил профессор, кольнув Крылечкина пристальным взглядом. — Уловили?

— Уловил, — покорно согласился Крылечкин, размышляя, о каких это лазутчиках идет речь.

Профессор протянул руку и взял со стола диплом. Видимо, он уже успел с ним ознакомиться, потому что, едва скользнув по тексту глазами, произнес:

— Н-да, баллы-то у вас не очень...

Баллы у Крылечкина были самые высшие, и это «не очень» поразило его больше, чем страхорова со шпорами.

— Побаваемся отличников, — с усмешкой пояснил седой, которого Крылечкин сначала принял за шефа. — Они обычно так прочно усваивают бесспорные истины, что потом никак не наберутся духу их опровергать.

— Так я пойду, Игорь Глебович, — подал голос сиреневый куст, чье цветение заметно пошло на убыль.

— Идите, — кивнул профессор. И, едва дверь за блондинкой закрылась, повернулся к Крылечкину. — Ну что же, попробуем взять вас, мо-

лодой человек. Зоопсихологи нам нужны... А мычать вы умеете?

— Н-не приходилось...— растерянно пробормотал Крылечкин.

— У нас придется,— заверил профессор.— Прямо сейчас вот и отправитесь на репетицию. Ну-ка, помычите чуток, хотелось бы уточнить ваш тембр.

— Коровы наши с норовом,— снова вклинилсся с пояснениями седой.— И мычат весьма темпераментно...

«Пригласите себе в шуты кого-нибудь другого!— выкрикнул Крылечкин.— А я вас потешать не собираюсь! И завтра же сообщу куда следует об издевательствах над молодыми специалистами...»

Но выкрикнул он все это мысленно. А сам тем временем, постаравшись придать лицу как можно более шутовское выражение, негромко помычал.

— Вас что, сегодня не кормили?— осведомился профессор.— Так, знаете ли, мычат коровы на последней стадии дистрофии, непосредственно перед кончиной. Если мы, юноша, будем так мычать, нас завтра же всех разгонят.

— Что поделаешь,— проговорил Крылечкин, еще надеясь свести все к шутке.— У меня и в институте-то по нему была тройка. По мычанию.

— У нас на тройку не пойдет,— покачал головой профессор.— У нас надо мычать минимум на четверку...

Он хотел сказать еще что-то, но в этот миг дверь приоткрылась, и в нее просунулась черная борода.

— Игорь Глебович, двадцати шкур не хватает...

— Так и не достал?!— поразился профессор.

— Утром обещают...— Бородач вдвинулся в комнату целиком, и Крылечкин узнал молодого человека, обронившего в коридоре странные слова о зверях.

Профессор рывком схватил трубку и нажал клавишу стоявшего на столе аппарата.

— Алло... Хрупов? Ты что, без ножа решил резать? Русским же языком было сказано: восемьдесят шкур! А ты сколько привез?.. Ах, завтра утром тебе обещали? Можешь подарить их своей бабушке!.. Нам сегодня нужно, сейчас! Неужели не понимаешь: подбить же надо успеть, приспособить...— Он бросил взгляд на часы.— Даю тебе, Хрупов, последний срок: до шестнадцати тридцати. Доставай, где хочешь!

Профессор в сердцах припечатал трубку к рычагу и, нервно поправив очки, прошелся по лаборатории.

— Работнички... С этим Хруповым того и гляди инфарктнешься.

— Я же предлагал перевести его в сектор дистанционного пастушества,— подал голос седой.

— Пастушества,— фыркнул профессор.— Да его вообще гнать надо с фермы! Пусть только попробует не достать...— Тут глаза профессора наткнулись на Крылечкина.— Да, Валера, вот прихвати с собой молодого человека. Наш новый зоопсихолог. Прошу любить и жаловать. Мычит, правда, неважно, но это дело наживное.

— Научим,— уверенно пообещал бородатый Валера и жестом пригласил новичка следовать за ним.

В коридоре Крылечкин придержал провожающего за локоть возле фотопортрета рогатого страшилища.

— Так это и есть ваша новая порода?

— Она и есть,— кивнул бородач и зашагал такими широкими шажщами, что Крылечкин едва поспевал за ним.

— А как коэффициент свирепости?— все-таки вспомнил он надпись на стене.

— Не жалуемся.— Бородач ответил на полном серьезе, будто и не уловил иронии.

— И куда такую зверюгу, для коровьей корриды?

— Ты с какого года-то?

— С семьдесят шестого.

— Вот и потерпи, пока старшие все расскажут. Я, братец, в семьдесят шестом уже первый раз влюбился.

— В яслях, что ли?

— Еще чего... В средней группе детсада!

Так, перебрасываясь редкими фразами, они дошли до конца коридора, спустились в полуподвальную галерею с прозрачным потолком, и движущаяся дорожка в две минуты доставила их к дверям коровника.

Это был обычный типовой четырехрядный коровник из сборного пластобетона. С автопилками, с кормовыми и скребковыми транспортерами, с серебристыми трубами молокопровода, с кисловатым силосно-навозным душком, который не могли полностью заглушить озонаторы под потолком.

Только вот коров в коровнике не было. Вместо них в стойле хлопотали люди с коровьими шкурами. Шла массовая примерка. В одном месте шкуру только развешивали, в другом натягивали, в третьем «корова» уже шевелила головой и ногами, в четвертом мычала,— в общем, репетиция была в полном разгаре. Со всех сторон неслись голоса:

— Охрименко, недостоверно бодаешься!

— Сена, сена не забудьте подложить...

— Эй, Ваню, хвостом-то кто за тебя будет помахать?

— Значит, так: порошок разводим рано утром, чтобы полная иллюзия дойки...

— А ну, кончай курить! Какая же ты к черту корова, если дым из ноздрей?!

Крылечкин шел рядом с бородатым Валерой по проходу мимо деловито мычащих, бодаю-

щихся, помахивающих хвостами сотрудников, и в голове его четко печатался примерно такой газетный текст: «Молодой специалист К., в недавнем прошлом активист институтского «Комсомольского лазера», в первый же день работы помог разоблачить группу махинаторов, свивших гнездо на одной из экспериментальных ферм...»

Тут бородач подвел Крылечкина к стойлу, где лежала на соломе вакантная рыжевато-белая шкура. Впрочем, скорее это было нечто вроде коровьего чучела. Подбитое изнутри какой-то упругой пористой массой, с искусно приделанной рогатой головой и правдоподобнейшим выменем, изделие это нуждалось лишь в паре статистов, чтобы выглядеть стопроцентно живой производительницей молока. Причем именно такой свирепообразной, какая красовалась на стене в коридоре.

— Ну что, приступим? — Бородач приподнял шкуру и шуточно боднул Крылечкина острыми рогами. — Вон там, в шкафчике, комбинезоны. Переодевайся — и начнем входить в роль. За дыханье не бойся: есть воздухопровод. — Он потянул застежку, распахнув коровье брюхо. — Ты кем предпочитаешь: головой или хвостом?

— Предпочитаю сначала узнать, что означает весь этот спектакль.

— Ну, это слишком долго... Некогда сейчас объяснить. Вот порепетируем — тогда и поговорим.

— Нет уж! — отрезал Крылечкин. — Сперва хочу узнать, куда я попал. Напустили туману, стенами огородились, а внутри — жульничество какое-то...

— Не «какое-то», а вынужденное, — ничуть не обидевшись, поправил бородач Валера. — Жульничество как суровая научная необходимость.

— Ладно, я пошел, — Крылечкин решительно повернулся на сто восемьдесят градусов. — Спрошу кого-нибудь другого. Авось ответят без юродства...

— Ну-ну, уж больно ты, старик, горяч, — бросив шкуру, Валера схватил его за плечо, повернул к себе. — Пойми, чудак, нет у меня времени все обсказывать! Сам видишь, какая запарка!

— Вижу, что дело темное, — согласился Крылечкин. — Без фонаря не разглядишь. Вот и посвети.

— Ну что с тобой делать?.. — Валера раздумчиво подоил кулаком свою черную бороду и посмотрел на часы. — Ладно, так и быть, в двух словах скажу. Только уговор: никаких расспросов. Все подробности — потом... Так вот, на нашей ферме выведена небывалая порода — коровы времени.

— Коровы — чего?!

— Времени!.. Транспортируем их через хро-

норубеж прямо вот отсюда. — Он показал рукой на прозрачную розовую стену, отделявшую дальний конец коровника от остального помещения. — А там уж они сами передвигаются во времени безо всяких машин.

— Зачем? — не очень соображая, спросил Крылечкин.

— А корма-то! Здесь они обходятся в копейку, а там — даровые.

— Где — там?

— В плиоцене и начале плейстоцена. В царстве дремучих трав, где не ступала нога человека, — по той причине, что его тогда не было. Если не считать первых австралопитеков...

«Бред сивой кобылы», — теперь уже окончательно понял Крылечкин.

— А главное — пасутся круглый год, — продолжал бородач. — Утром исчезают, а к часу дойки возникают из небытия с полным выменем.

— Вместе с пастухами? — насмешливо осведомился Крылечкин.

— В том-то и дело, что перебрасывать через хронорубеж человека еще не научились. Только коров... Пытаемся пасти их дистанционно, но пока не очень получается. Иной раз они там крепко плутают... Но это все ерунда по сравнению с главным: безбрежные корморесурсы и молоко с почти нулевой себестоимостью. Ну, конечно, есть и теневые стороны: волки, саблезубые тигры и прочие клыкастики. Но наши коровы неплохо подготовлены ко всяким неожиданностям и умеют постоять за себя. Ты же видел на фото. Вот такие они и будут, коровы новой эры в животноводстве!..

— А это какая эра? — Крылечкин очертил рукой разворачивающуюся вокруг репетицию.

— Тут, понимаешь, такое хитрое дело получилось... Я же говорю: буренки наши передвигаются во времени еще не очень уверенно. Ну и... В общем, позавчера вечером стадо не вернулось. Точнее — вернулась одна корова. И к хвосту ее была привязана записка, из которой явствовало, что стадо каким-то образом вместо прошлого попало в далекое будущее и слопало там плантацию неких особо редких, чуть ли не инопланетных растений. Ну и, дескать, за эту возмутительную поправку стадо задержано...

— Глубоко сочувствую, — иронически поклонился Крылечкин, уже не скрывая, что не верит ни единому слову. — Но при чем же тут шкуры, которые вы так дружно напяливаете?

— Имей терпение дослушать, — поморщился Валера. — Дело в том, что для нас главный источник информации не послание на хвосте, а наше собственное запоминающее устройство, запрятанное в роге. И устройство это зафиксировало очень тревожный разговор. Там, на опустошенной плантации, один из разгневанных потомков потребовал, чтобы стадо вообще не

возвращали. Дескать, нечего с этими браконьерами церемониться... И все его, вроде бы, подержали. Сошлись на том, что надо заслать к нам сюда лазутчика. И если выяснится, что другого сколько-нибудь значительного стада «временапроходок» у нас не имеется и, значит, опыты только начинаются,—задержанных не возвращать. До тех пор, пока не отработаем надежную методику перемещений во времени.

— Значит, ждете гостя?

— На всякий случай решили подготовиться. Авось поверит, что коров времени на ферме еще полно и задерживать стадо не имеет смысла... Вплотную разглядывать его, конечно, не пустят, но по коровнику проведут. В первые-то стойла поставим настоящих доенушек — четверка у нас еще осталась,—а дальше будем возлежать сами. В рогах и шкурах. Живые буренки, понятно, выглядели бы натуральней, да внешность не та, что у нашей породы. И потом, чтобы их заполучить, надо признаться в осечке, а шефу это не улыбается... Впрочем, кто его знает, может, и не будет никакого лазутчика. Может, еще передумают. Наше дело — быть наготове...

— Я смотрю, с вами тут не соскучишься,—рассмеялся Крылечкин в лицо бородачу.—Ладно, будем считать представление оконченным...

Он круто повернулся и зашагал по проходу. На этот раз Валера не стал его останавливать. Лишь подозрительно посмотрел вслед. И остальные, целиком поглощенные репетицией, казалось, не обращали на новичка никакого внимания.

Крылечкин был уже у самых дверей, когда почувствовал, что в коровнике что-то произошло. Все голоса разом смолкли, все взгляды устремились в одном направлении. Крылечкин обернулся и замер: там, в дальнем конце помещения, за прозрачной розовой стеной один за другим возникали, словно из тумана, сначала смутные, потом все более отчетливые силуэты коров...

Стадо возвращалось с пастбищ.

А скажите мне, голубчик...

Бди!
К. Прутков

Сплю я, и снится мне, что профессор Александр Данилович, уставившись на меня, спрашивает:

— А ответьте, Латушов, на такой вопрос...

Я в страхе просыпаюсь. Смотрю,—сিжу в аудитории, на лекции, а напротив меня профессор Александр Данилович стоит и интересуется:

— А скажите мне, голубчик...

Я тотчас глаза зажмурил. Снова сплю. Неудобно как-то наяву.

Смотрю,—я в кабинете. Напротив — Александр Данилович с пистолетом в руке. А рядом два криминальных типа с дубинками. Наставил он пистолет мне в нос и требует:

— Ну-ка, голубчик, отвечайте...

От страха проснулся. Опять аудитория! Два ассистента с указками, а профессор Александр Данилович тычет в меня авторучкой и выговаривает:

— Смотрите, Латушов, в следующий раз вы так и на Марсе окажетесь!

Кинулся обратно в сон. Точно. Марс. Красные пески... А профессор Александр Данилович с тремя глазами и пятью щупальцами, ни дать ни взять — марсианин Гы-Пы, схватил меня и щелкает клювом:

— Ну-с, Латушов, отвечайте на вопрос...

Проснулся в холодном поту.

Аудитория. Профессор.

Да когда же это кончится?!

— А ну-ка, голубчик, вот вам вопрос...

Я оторопел. А спать уже не могу.

Владимир
ЛАТУШОВ

■ Вести из КЛФ

■ Не только
Жюль Верн...

Самое интересное — впереди...

Первое письмо из Красногорска мы получили еще в 1976 году.

«...Представьте себе читальный зал, очень уютный, просторный, утопающий в зелени и книгах. Над входом изображена девушка, выставившая ладонь, а на ладони — самовар (предполагается, что он — фотонный), везде звезды и надпись: КЛФ «Фотонный самовар». Это полушутливое название мы решили взять по совету Генриха Сауловича Альтова. В читальном зале — и реальный самовар, с горячим чаем... В зале звучит тихая музыка, которая соответствующе настраивает, а после вечера провожает гостей...»

Клубовцы меня одолели, ходят почти ежедневно, ждут и не могут дожидаться открытия. В подготовку включился весь коллектив библиотеки...»

Автором письма была Лариса Ремез — молодой и, судя по письму, энергичный работник Красногорской районной библиотеки. К сожалению, мы тогда бессильны были помочь красногорцам какими-либо советами, поскольку о работе КЛФ знали, вероятно, не больше самой Ларисы. И пришлось ей идти непротопанной тропой — самой (но вместе с друзьями по увлечению, конечно!) изобретать формы работы клуба, придумывать темы заседаний...

Вот что пишет она теперь, когда «Фотонный самовар» существует уже год с лишним.

Клуб любителей фантастики «Фотонный самовар» основан 26 сентября 1976 года при Красногорской центральной районной библиотеке.

В клубе — двадцать человек. Их возраст — от 17 лет до 41 года.

Девиз КЛФ: «Если не мы, то кто же?»

Устав КЛФ:

1. В клуб принимаются лица, любящие фантастику (от 17 лет и выше).
2. Всякий вступающий в КЛФ обязан дорожить честью клуба, посещать заседания и сборы. Если без уважительной причины клубовец пропустил хоть одно заседание, клуб имеет полное право исключить его из своих рядов.
3. Каждый обязан быть активным

членом клуба. Если ему что-нибудь поручили — должен стараться оправдать доверие. И при этом не смотреть свысока на товарищей.

4. Думать, дерзать, отстаивать свое мнение.

5. Избегать пустой болтовни.

6. Не сидеть мумией! Не согласен — возражай! Возражаешь — предложи! Предлагаешь — сделай!

Наш КЛФ связан с местным отделением общества книголюбов. Эта связь выражается в совместном проведении открытых заседаний, в приглашении писателей-фантастов на встречи.

Создавая свой клуб, мы провели анкету.

Возникает интересный парадокс в фантастике: рожденная технической эрой, она утверждает превосходство игры ума, творческого воображения над самыми великолепными свершениями науки и техники. В водовороте выдумок, невероятных ситуаций, юмора внезапно возникают весьма существенные вопросы: «А что имеется «за душой» у человечества, с чем оно выйдет (ведь и в самом деле когда-нибудь выйдет) в Космос? Что можем мы дать обитателям новых миров?»

Сегодня эти вопросы волнуют более всего и любителей НФ, — в этом убедила нас наша анкета. Ответы на нее были самые разные, но объединяло их одно. Главное в фантастике — подготовка читателей к неожиданному, необходимому будущему. В этом же видим и мы цель работы нашего клуба.

Мы организуем тематические вечера, делаем обзоры периодики для школьников, проводим читательские конференции, диспуты по прочитанным книгам, обсуждаем критические статьи, опубликованные в журналах. Устраиваем книжные выставки, делаем стенды, посвященные писателям-фантастам или знаменательным датам, проводим конкурсы рисунков. Собираем клубную библиотечку из книг, подаренных читателями, создаем сводную картотеку фантастики, имеющейся в библиотеках нашего района. Ведем летопись заседаний, на которых, в частности, выступили известные советские фантасты Д. Биленкин и Г. Альтов... Беседы с писателями выливались в своеобраз-

разные пресс-конференции о путях развития советской и зарубежной фантастики, о творчестве наших гостей, о настоящем и будущем фантастики.

Наша эмблема соответствует названию клуба: это обычный самовар, из краника которого вместо пара выходят земные шары, увеличивающиеся в объеме. Эмблемой украшены наши пригласительные билеты.

В нашем КЛФ нет литературной секции, но зато есть «бюро патентов», которое собирает материал для регистра фантастических идей. Есть также организационная секция, готовящая встречи с писателями или космонавтами, и, кроме того, секции вспомогательные: машинописи, редколлегия, фотосекция.

Земную проблему нехватки книг решаем с помощью Московской областной научной библиотеки. В дальнейшем рассчитываем посредством «идентификаторов» — пропусков пользоваться книгами других библиотек.

Лариса
РЕМЕЗ

Красногорск
Московской области

По следам викторины

«Что бы я ни сочинял, что бы я ни выдумывал — все это будет уступать истине, ибо настанет время, когда достижения науки превзойдут силу воображения... Не в первый раз цитируем мы в журнале эти строки, и потому уже любой наш читатель, вероятно, знает, что принадлежит они знаменитому Жюлью Верну.

Между тем, когда мы привели это высказывание в прошлогодней викторине, для многих оно оказалось крепким орешком.

«Дошел уже до такой степени отупения, что начал грешить на С. Лема, — отвечая на этот вопрос, писал нам один из давних друзей журнала. — Дело в том, что в цитате имеется слово «ибо». Это слово

очень редкое — в художественной прозе оно встречается лишь один раз на восемнадцать тысяч слов. Станислав Лем же использует его в семь раз чаще — я это специально исследовал. Но и этот путь меня никуда не привел. Во-первых, большое влияние оказывает личность переводчика, а во-вторых, огромный вклад в частоту появления «ибо» вносят сказки С. Лема, стилизованные под архаику...»

Мы привели это письмо для того, чтобы показать — до чего дотошны подчас наши читатели! Редакция искренне рада этой неистощимой любознательности и надеется, что еще не раз читательские письма приведут на страницы журнала малоизвестные и одновременно интересные для всех факты.

Вот и приведенные выше строки Жюль Верна, — выраженная в них позиция, конечно же, характерна прежде всего именно для великого французского фантаста. Писателя, по нынешним меркам, — крайне «осторожного», сознательно стремившегося писать о том, что находится «на грани возможного» и практически осуществимо в самом, иногда, близком будущем. Не случайно наши читатели (к примеру, Г. Кузнецов из Новосибирска) приводили в своих ответах на викторину и другие высказывания Жюль Верна, вполне аналогичные приведенному нами. Вот что писал он, скажем, незадолго до выхода в свет романа «20 000 лье под водой» своему отцу: «...мне приходится в голову самые неправдоподобные вещи. Но на самом деле это не так. Все, что человек способен представить в своем воображении, другие сумеют претворить в жизнь».

И однако же, сходные мысли о воображении, о конечной судьбе фантастических гипотез высказывали (да и сейчас высказывают!) и многие другие писатели-фантасты. Причем вовсе не только — представители «школы Жюль Верна», сторонники сугубо научной (технологической, как ее теперь называют) фантастики!

Эти последние, безусловно, солидарны с Жюлем Верном.

«Можно с полным основанием предположить, что то, что будет фактически достигнуто... далеко превзойдет описанное в этой книге», — писал, например, «отец» американской фантастики Хьюго Гернсбек о своем романе «Ральф 124С41», действие в котором отнесено на семь с половиной столетий в будущее.

«Все, что теоретически возможно, обязательно будет осуществлено на практике, как бы ни были велики технические трудности», — утверждает Артур Кларк, также тяготеющий в своем творчестве к традиции Жюль Верна.

При желании можно, очевидно,

найти подобные мысли и в статьях наших классиков А. Р. Беляева и В. А. Обручева, и, несомненно, в работах основоположника космонавтики К. Э. Циолковского; вероятно они и у А. И. Ефремова — фантаста, который и в попытках своих заглянуть на тысячелетия вперед опирался на глубокую и разностороннюю свою эрудированность большого ученого.

Но вот — два высказывания, — нам помогли найти их В. Ежов (Ленинград) и Г. Прокопик (Вязники Владимирской области). Авторы этих высказываний, на наш взгляд, для многих любителей фантастики будут неожиданными.

«Я ограничиваю себя исключительно тем, что считаю возможным. Я не хватаюсь за любую смелую идею, какая мне придет в голову, и я не ишу сенсаций. Я рисую будущее таким, каким, насколько я могу судить, оно и будет. Я отлично сознаю слабость своего воображения и готов допустить, что могу ошибаться, изображая картины будущего, но утверждаю, что перемены, мною предсказанные, — ничто по сравнению с тем, что действительно произойдет в течение ближайших двух столетий».

Эти слова принадлежат... Герберту Уэллсу, которого по традиции мы и сейчас продолжаем считать «антиподом» французского «технолога» Жюль Верна!

«Я не знаю, какие из моих догадок и предположений более правдоподобны. Среди них нет неуязвимых, и без времени перечеркнет многие из них».

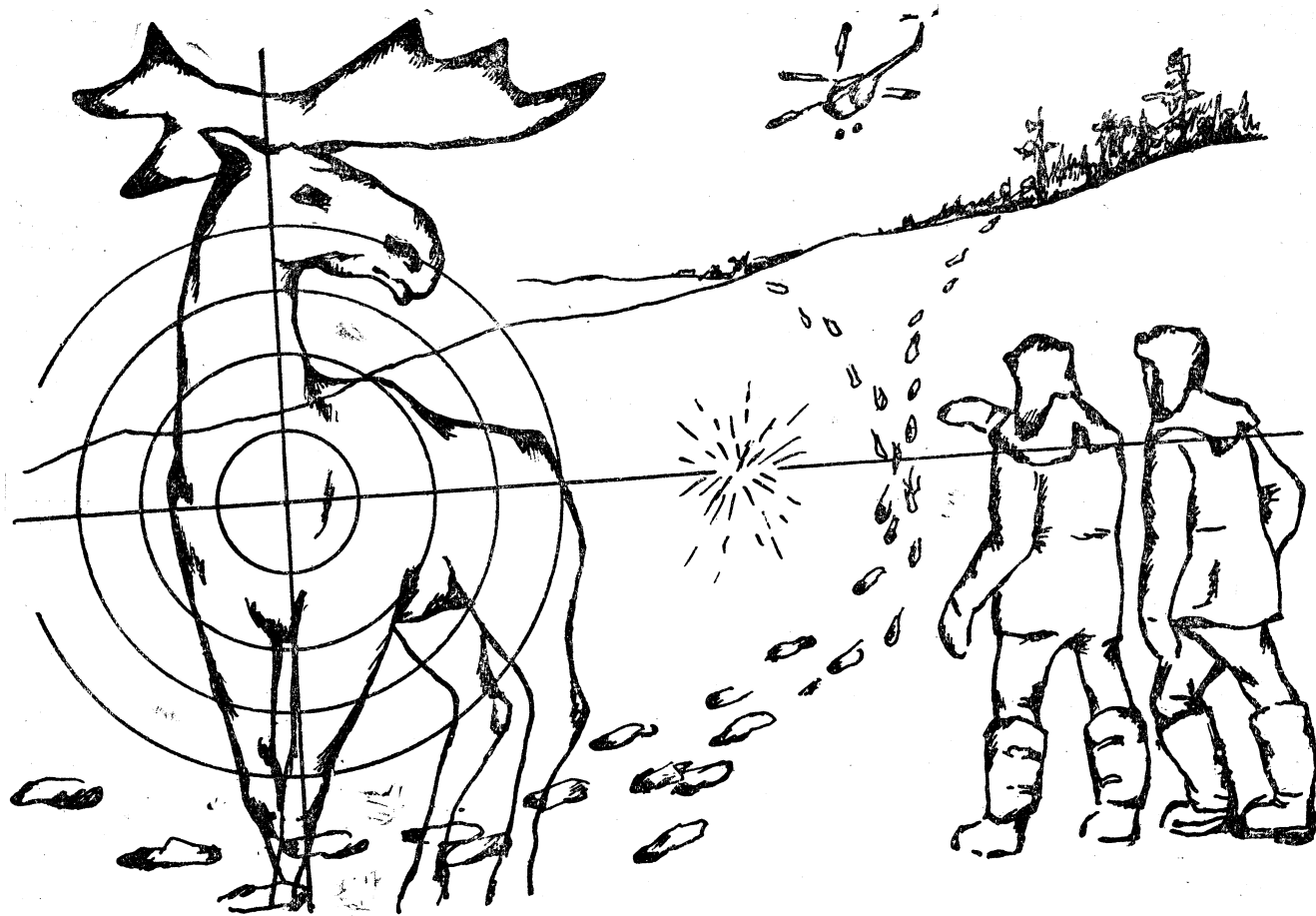
А это — Станислав Лем, парадоксальнейший — в нашем восприятии — представитель современной фантастики, всецело отрешившейся, казалось бы, от этой «презренной» технологии, не скованной вроде бы никакими научными «табу»!

Что ж, вывод тут может быть, пожалуй, один.

Рядясь в самые немыслимые свои — инозвездные, иногалактические — одежды, фантастика тем не менее по-прежнему отнюдь не склонна отказываться от столь приятной ей роли провидца будущего, пророка грядущих перемен, блистательного поводыря человечества в необозримых океанах пространства и времени...

Виталий
БУГРОВ

ПИЛОТ И БРАКОНЬЕРЫ

**Владислав
АЛЯБЬЕВ**

*Рисунок
В. Вельбой*

Вертолет летел над поймой со множеством протоков и галечных отмелей. Был июнь, но тайга еще хранила здесь снежные островки и плитки наледи.

Лося заметил механик. Он прильнул к боковому стеклу и закричал:

— Глянь сюда.

Пилот подался к нему, вытянул шею и скосил глаза вниз.

— Правее вон, правее!

Пилот скользнул взглядом к лесу. И тогда увидел: на снежном островке лежало красивое животное.

— Ишь, разлегся! Пугнем, а?

— Что?

— Пугнем давай! — механик сделал рукой знак от себя — к полу, предлагая снизиться.

Пилот заколебался. Но любопытство одолевало. Уж очень хотелось посмотреть, как тот поднимется, побежит, треща сухарником. И он повел вертолет, прямо на лося.

— Сейчас даст деру!

Но странное дело — лось не убежал. Даже когда вертолет завис в десятке метров, он продолжал лежать.

— Сядем? — крикнул пилот, взбудораженный и заинтригованный.

Почему же лось не убегает? Большой? Покалеченный? А может, привык к людям, не боится их? Пишут же в газетах, что лоси заходят в города и свободно разгуливают

по улицам. Но это там, в людных местах. Здесь, в тайге, лось дикий.

Пилот посадил машину на галечную отмель. Торопливо открыл дверцу кабины и спрыгнул наземь. Механик выскочил следом.

Лежащий лось был великолепен. С красиво посаженной головой, похожей на лошадиную, но гораздо крупнее. С плавно расходящимися вверх и в стороны, словно края ажурной чаши, отростками рогов. С крутым взгорбком на спине, заросшей длинной серой шерстью.

Морду его облепляла живая, колеблющаяся сетка из комаров. Но лось не отмахивался, только непрерывно жевал толстыми губами. Внезапно он рванулся всем телом, приподнялся на колени передних ног и снова рухнул грудью на снег.

У пилота дрогнуло сердце. Механик сказал:

— Задние ноги, стало быть, не действуют.

Они подошли к снежному островку, постучали ботинками. Наст был, как камень. Ступили на него и двинулись по краю.

— Он ранен,— сказал пилот,— вон кровь, где он бежал.

— Ранен? Кем?

— Попался кому-то на мушку. Мало ли тут бродит геологических отрядов.

Они ходили вокруг лося, который смотрел блестяще-влажными глазами и все жевал губами, словно безмолвно рассказывал что-то. Пилот поймал себя на желании подойти к нему и отогнать от его морды комаров. Но — не решился.

— Бежал раненый, выдохся, упал,— рассуждал механик.— Или прилег отдохнуть на холоденьком, а встать-то не смог — ноги отказали.

Шагнув к лосю ближе, он стал внимательно что-то разглядывать.

— Эге, у него еще одна рана. В боку. Кровь-то, когда он бежал, видно, из нее капала. Вот сколько натекло. А у ног почти ничего нет. Ноги ему не иначе, как уже здесь перебились.

— Да кто перебил?

— Сейчас узнаем,— усмехнулся механик.

Он повернулся к лесу, сложил рупором руки и закричал:

— Эге-гей! Есть кто там? Выходите, чего прячетесь!

Лес молчал.

— Выходите, не бойтесь!

За стеной лиственниц вставали хмурые сопки, их вершины уходили вдаль слева, справа, на противоположный берег. Пилоту казалось, что в такой глухомани вообще не может быть людей. И он даже вздрогнул, когда на обрыве выросли две человеческие фигуры. Спрыгнув, они направились к вертолетчикам.

Один — с ружьем, бородачатый. Второй — парнишка, с облупленным носом и полуоткрытым ртом. Оба — в резиновых сапогах, брезентовых робах, с рюкзаками.

— Здорово! — сказал бородач.— Что, сохатого заваляли?

— Да ты шутник! — засмеялся механик.

Бородач изучающе уставился на него. Хмыкнул:

— Ладно, не будем... Далеко летите?

— На базу к чиницам. Груз доставим, и обратно в поселок. Вы не из их экспедиции?

Бородач уточнять не стал, сразу перевел разговор:

— Хорош сохатый.

— Как вы его?

— Да вышли к берегу, а он стоит. В метрах эдак трехстах. Я раз выстрелил — стоит, второй раз — стоит. Как на картинке. Потом побегал. Да не от нас, а к нам. Я палю. Вижу — упал. Мы к нему. А тут вы гудите.

«Прилети мы на пять минут раньше, и лось бы спасся», — подумал пилот.

— Я Кольке говорю: погоди, парень, выждем маленько.

— Повезло вам с лосем,— сказал механик.— Молодой попался, глупый.

— Добить его надо,— снял с плеча ружье бородач.— Колька, хочешь?

Парнишка испуганно затряс головой.

— Бей сам,— сказал механик.

Бородач стал против лося и метров с трех прицелился под левую переднюю лопатку — хотел попасть в сердце. От выстрела лось дернулся и быстрее зажевал губами. У пилота к горлу подступил комок.

— Здоровый, черт. Спробую меж глаз,— сказал бородач.

Второй выстрел — в лоб — опрокинул лося на бок. Пилот глянул на парнишку. У того было серое лицо.

Бородач вынул из кожаного чехла на поясе длинный блестящий нож с деревянной рукояткой.

— Умеешь свежевать? — спросил механик.

— Было б что! На снежку оно очень сподручно. Сохатый, как по заказу тут лег.

— Мы вам топорик дадим. У нас есть небольшой. А сами полетим. Часа через полтора вернемся. Так, командир?

— Да-да,— сказал пилот.

— Ворочайтесь. Без мяса не останетесь.

Пока летели до базы, пилот не мог справиться с подавленным настроением. Об убитом лосе он старался не думать, но бородач и механик стояли перед глазами.

Почему бородач вышел из леса? Ведь он мог дожидаться, когда вертолет улетит, и спокойно, без свидетелей, довершить начатое. Однако он все равно бы не был застрахован от того, что вертолетчики не расскажут об увиденном в поселке. А любая огласка в таком деле ни к чему.

Бородачу нужно, чтобы вертолетчики улетели не с пустыми руками. К тому же увидел, что они одни. Да еще механик закричал: «Не бойтесь». А закричал так потому, что был заинтересован в том же самом — не хотел остаться ни с чем, без своего пая, а точнее, без платы за свое молчание.

На базу они привезли снаряжение, продукты, почту. — Быстрее, парни, выгружайте,— торопил механик геологов.— У нас мало летного времени.

И отведя пилота в сторону, тихо добавил:

— Нам же еще нужно садиться там,— он щелкнул пальцами.

— Не нравится мне это,— твердо сказал пилот.

— Что? — не понял механик.

— Убийство лося. Это же преступление. И мы становимся соучастниками.

— Тише ты! Какое преступление! 'Здесь тайга... Лосей тут... Кто их считал! Тебе что — не надоело есть солонину в столовке? Принесем мясо в общежитие — ребята спасибо скажут.

— Почему же ты шепотом об этом?

— А зачем шуметь? Чтобы нас же потом дураками обозвали?

Механик решил, что пилот просто трусит. Вспомнил, как поблудил он, когда бородач добивал лося. Тюха! Такой в поселке долго не продержится. Раздражение сменила тревога: а что, если он там решил не садиться?

Но когда поплыла навстречу знакомая речная долина, внизу мелькнули две фигурки и пилот повел машину на снижение, механик облегченно вздохнул.

Бородач и парнишка времени не теряли. Лось лежал ободранный и выпотрошенный, на своей же шкуре. Рядом высилась гора внутренностей.

— Мы ее на всякий случай камнями закидаем,— сказал бородач.

Парнишка перемазался кровью, рот был полуоткрыт,

но вряд ли от страха или отвращения, скорее от любопытства: наверняка впервые видел, как разделявают зверя.

Пилот сказал механику:

— Помоги им — время не ждет.

А сам взял лежащее на рюкзаке ружье бородач и принялся его рассматривать. Он не разобрался в различных типах охотничьих ружей, но карабины в принципе все одинаковы.

«Белка» — прочитал он на прикладе. Кажется, он слышал, что такие в охотничьих хозяйствах выдают по специальному разрешению. Оттянул затвор. В стволе был патрон.

Те трое дружно рубили и резали мясо. Бородач говорил:

— Килограммов сто пятьдесят чистого мяса. Мы с Колькой килограммов пятьдесят унесем. Что останется — в снег. Яму выроем.

— Ну, и нам килограммов пятьдесят, — выпрямился механик. Рукава форменной рубашки у него были закатаны.

— Ого, не много ли?

«Ну, хватит», — решил пилот. Сжимая карабин, он отошел к хвосту вертолета.

— Эй! — крикнул властно. — Хватит торговаться. Грузите все мясо в вертолет.

Набывшись, бородач двинулся на него. Пилот вскинул ружье.

— Не подходи. Хуже будет.

Бородач затоптался, обмяк. Безнадежно махнул рукой.

— Грузи мясо, дядя! Это смягчит твою вину.

— Начинать! — подстегнул пилот остальных.

И погрузка началась.

Да, он все правильно рассчитал. Знал, что механик и парнишка подчинятся беспрекословно. Под вопросом был бородач. Но и в нем он, в общем, не ошибся: страх смял и бородач.

И ружья дяде не видать, как и мяса. В охотинспекции разберутся, откуда это карабин.

...Пройдя над поселком, вертолет сел на краю аэропортового поля. Пилот устало наблюдал, как замедляют свой бег тени от лопастей винта. Механик ерзал на своем сиденье.

— Мясо-то куда денем? — спросил он наконец.

— В столовую сдадим. Сам же сказал — надоело есть солонину.

И тут же подумал, что он это мясо есть не сможет.

Когда был основан Обдорск?

Краткая заметка Большой Советской Энциклопедии дает на этот вопрос такой ответ: единственный на планете город на Полярном круге Салехард (раньше он назывался Обдорском) был основан в 1595 году. В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона стоит другая дата — 1593. Так как достоверных документов нет, датой основания Обдорска можно считать любую из этих дат.

Но два года — суший пустяк, потому что история Обдорска имеет право быть продолженной вглубь больше, чем на целое столетие. Связана она с проникновением русских людей за Камень, на земли богатой мягкой рухлядью Югры.

Отважные пионеры XVI века были неграмотны и не столь честолюбивы, чтобы оставить потомкам письменные свидетельства своих подвигов. Однако из письма холмогора, сохранившегося с 1584 года, явствует, что на нижней Оби тогда существовало четыре поселения и «крепость спокойствия и доверия Надежная. Она стоит на реке ниже всех других городков и ближе к морю». Одно из этих поселений (автор письма конкретно не называет какое) носило имя Носового городка.

Об-дор-ск в переводе с языка коми — «поселение на берегу». «Сале-хард» в переводе с немецкого языка — «поселение на мысу». Русские путешественники называли речные и морские мысы носами. Таким образом, Носовой город — это Обдорск или Салехард.

Просвещенный немецкий барон, посланник Максимилиана Сигизмунд Герберштейн побывал в Москве в первой трети шестнадцатого века. В конце своей жизни, в 1549 году, он издал в Вене обширные «Записки о Московитских делах». В книге помещена карта, где в низовьях Оби можно найти «Обеа кастеллум» — Обскую крепость.

На чертеже «Губа моря Мангазейско», который известный сибирский хронограф Семен Ремезов составлял по свитку какого-то помощника князя Шаховского, можно обнаружить «в восьми днях побегу» от устья городок на берегу реки Надым. На старинных картах отмечен и Пантуев городок на берегу реки Пур.

Проведем линию по этим пунктам: Носовой город — Надым-городок — Пантуев городок — Мангазея. Линия пройдет почти параллельно Полярному кругу.

Когда все же был основан Обдорск? Ответив на него, можно уверенно говорить о северном пути освоения Сибири, который интенсивно осваивали отважные русские первопроходцы на целое столетие раньше, чем это зафиксировали официальные летописи. Пока же нужно искать городища Пантуева и Надымского городков.

Анатолий ОМЕЛИ

ПАУТИНА

Утром заведующая одним сельским магазином обнаружила пропажу некоторых товаров. Прибыл следователь, который узнал от плачущей женщины, что воры проникли внутрь через пролом в потолке.

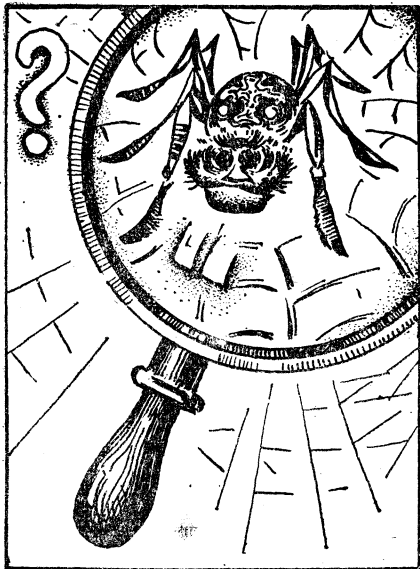
Действительно, все замки, окна и двери были целы. Следователь взобрался на стол, чтобы получше разглядеть пролом в потолке, и даже присвистнул от изумления — отверстие было небольшое и к тому же плотно затянутое паутиной.

Да через эту сеть и муха не пролетит! Дело ясное: заведующая скрывает растрату, вот и устроила инсценировку кражи.

— Так вы говорите, что потолок еще вчера был целый? — спросил он завмага.

— Да, да! — закивала та головой. — Конечно целый.

«Крупная добыча попала в такую тонкую паутину», — улыбнулся про себя следователь, бросая взгляд на дородную фигуру заведующей. Он смахнул паутину и замерил небольшое отверстие в потолке. — Нет, никакой кражи не было!»

Когда же через пару дней следователь снова зашел в магазин, чтобы выяснить кое-какие детали происшествия, то изумился: пролом

в потолке опять был затянут паутиной.

«Не ошибся ли я? Может, это не завмаг, а я сам запутался в паутине?» И следователь решил провести эксперимент с участием... паука. Он пригласил понятых, осторожно смел с пролома паутину и опечатал дверь магазина. И магазинный паук заткал отверстие всего-то за полсуток.

Так заведующая оказалась вне подозрений. И позже установили, что кражу совершил подросток, который проник в магазин с чердака, проделав в потолке небольшое отверстие.

ВЫДАЛ ГОЛОС

В управлении полиции западно-германского города Штутгарта раздался телефонный звонок. Мужчина, назвавшийся Рене Генером, взволнованно сообщил, что его семилетний сын Иоахим, отпущенный погулять во двор, исчез.

Было выдвинуто несколько версий. Первая: ребенка похитила его мать. Ведь родители Иоахима развелись всего две недели назад, и суд оставил детей (Иоахима и его старшего брата) отцу. Однако после проверки эта версия отпала.

Через двое суток опять раздался телефонный звонок, но на сей раз в квартире Р. Генера. Незнакомый мужчина сказал, что мальчик спрятан им и он вернет его отцу, если тот согласится понести некоторые расходы. Незнакомец требовал 15 тысяч марок. Вскоре Р. Генер получил письмо от похитителя, составленное на куске картона из букв, вырезанных из газеты. Выкуп следовало положить в укромном месте за городом.

Потом были еще звонки. Однако теперь при переговорах отца с вымогателем уже присутствовал... магнитофон. Он-то и помог установить убийцу, когда через неделю в лесу был обнаружен труп мальчика...

Ученые изучили магнитные записи речи убийцы и пришли к выводу, что ему примерно сорок лет, что он не очень-то образован и что родился на юго-западе Германии. Из магнитных записей смонтировали монолог неизвестного, содержащий характерные его выражения, который и передавался много раз по радио.

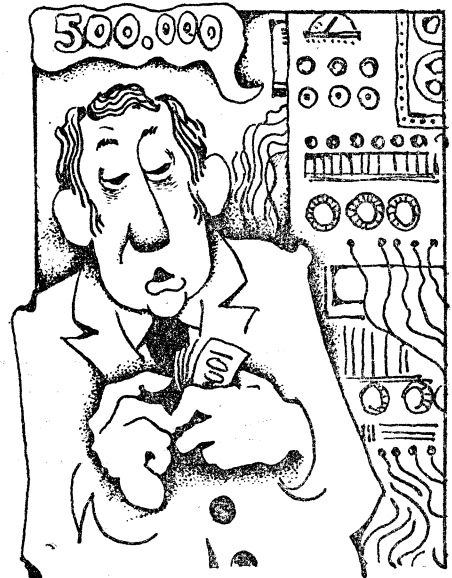
И радиослушатели опознали по голосу некоего Тильмана, который и оказался убийцей.

ВОР-МАШИНА

Неизвестно, слышал ли программист одного из крупных банков Гамбурга Курт Блюмберг русскую поговорку «С миру по нитке — голому рубашка», но разбогатеть он решил именно таким путем. Зная, что банковская электронно-вычислительная машина «подчиняется» только ему, а его действия никем не контролируются, Блюмберг внес в программу ЭВМ некоторые изменения...

Машина, производя расчеты с клиентами, стала утаивать десятые доли пфеннинга, суммировать их и ежедневно переводить денежки на счет Блюмберга в другом банке. Так машина начала исправно обчитывать клиентуру.

Такого микроскопического обкрадывания никто не замечал. Но вот дирекция банка, в котором Блюмберг хранил деньги, обратила внимание на слишком быстрый и неестественно регулярный рост его счета и сообщила об этом своим коллегам. Те схватились за головы. За неполных два года их скромный программист украл чуть не полмиллиона марок!

Е. ИЩЕНКО

Портреты мастера

«Каждое ремесло может быть искусством», — эти слова сказал М. Горький фотографу М. Наппельбауму. А последний свою автобиографическую книгу так и назвал — «От ремесла к искусству».

Наппельбаум начал работать еще в 1884 году. К 1917 году Моисей Самойлович стал известным мастером фотопортрета. И не случайно именно его в январе 1918 года пригласили в Смольный для фотографирования В. И. Ленина. Это был первый официальный портрет главы Советского государства. Портрет Владимира Ильича стал известен всему миру.

Перед аппаратом Наппельбаума позировали крупнейшие советские руководители, знаменитые ученые и деятели искусства, прославленные герои труда и военачальники. В 1935 году — в связи с пятидесятилетием творческой деятельности — М. С. Наппельбауму, первому и единственному среди фотографов, было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР (других званий тогда еще не было).

В 1938 году М. С. Наппельбаум побывал на Урале — в Челябинске и Свердловске.

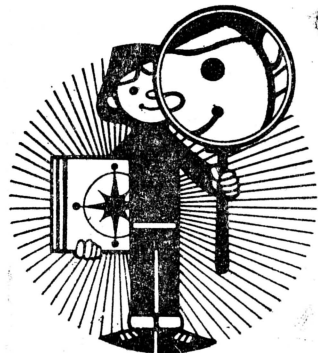
Как образец работы М. Наппельбаума можно назвать портрет уральского писателя П. П. Бажова.

П. П. Бажов

Фото М. Наппельбаума

Евгений БИРЮКОВ

М И Р

НА ЛАДОНИ

Еще один остров

На скольких островах лежит Ленинград? Когда-то их насчитывалось 101. Но шло время, и ряд островов слился в более крупные. Недавно после тщательного изучения кварталов города было установлено, что в Ленинграде осталось всего 43 острова. Однако в нынешнем году к ним добавился 44-й.

Юнтоловский дренажный канал в два с половиной километра длиной, проло-

женный к Лахтинскому заливу и речке Каменке, образовал новый лесистый остров площадью в полтора гектара. Его построил за полтора года экипаж земснаряда. На считающуюся прежде бросовую территорию уложили около трех миллионов кубометров грунта.

В недалеком будущем здесь вырастут новые кварталы, обращенные фасадами к Финскому заливу.

Свердловский метрополитен

На улицах Свердловска появились буровые установки. Не воду и не полезные ископаемые ищут они — в городе в ближайшем будущем начнется строительство метрополитена.

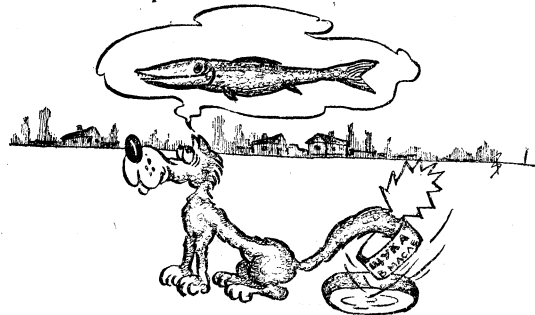
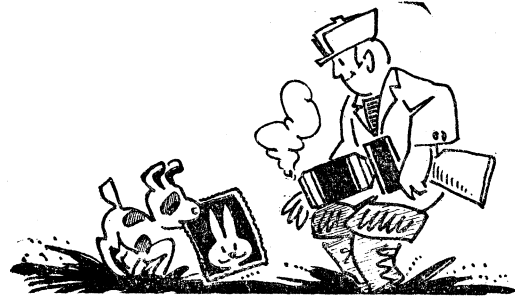
Утверждено так называемое технико-экономическое обоснование, оно подтвердило целесообразность сооружения метро в крупнейшем городе Урала. Подготовка технического проекта началась с изысканий — буровых работ вдоль трассы первой очереди. В Свердловске она протянется на 11 километров и свяжет, через центр города, улицу Щорса близ автовокзала с Уралмашем. Первый метрополитен на Урале проектируют инженеры «Харьков-метропроекта».

Сейчас в семи городах страны — в Москве, Ленинграде, Киеве, Баку, Тбилиси, Ташкенте и Харькове — действуют метрополитены. Началось строительство подземных дорог в Минске, Горьком и Ереване. Технический проект Новосибирского метрополитена уже составлен. На очереди — Свердловск, Куйбышев, Рига и Днепропетровск.

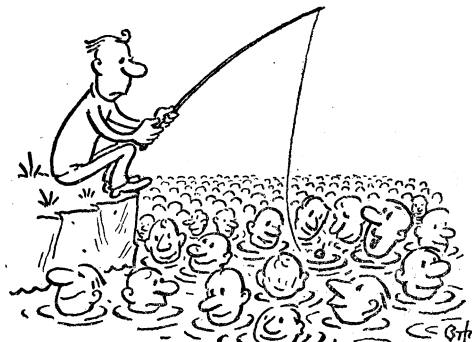
Эпилам

Это новое вещество ду-
дико... Оно уже известно
далеко от Урала, к приме-
ру, на Петродворецком ча-
совом заводе, а синтезиро-
вано в Свердловске, в ла-
боратории фторорганиче-
ских соединений института
химии Уральского научно-
го центра. Эпилам удержи-
ва-

ет смазку в узлах трения
часовых механизмов, а е-
сли им обработать внутрен-
ние поверхности нефтега-
зопроводов, то он значи-
тельно увеличит их пропу-
скную способность и к то-
му же продлит срок экс-
плуатации труб.

— Попалась!

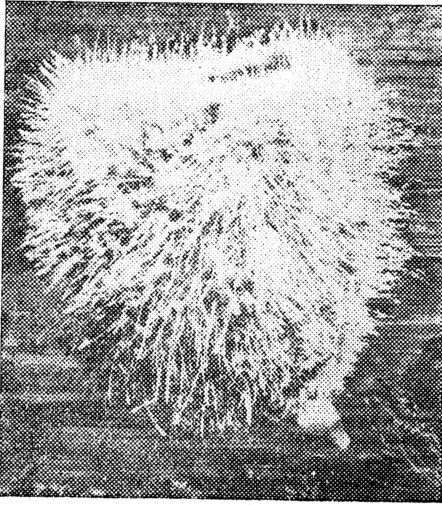

— Тяни! Клюет!..

Рисунки М. Ибрагимова (Дагестанская АССР),
В. Исаева (г. Пенза), В. Тесленко (г. Воронеж).

Семейная аллея

Шапка со дна моря

Точь-в-точь, как мохеровая шапка,— пышная, цветная, с глубоким гнездом для головы. Такую морскую стеклянную губку подняли со дна глубоководным тралом моряки научно-исследовательского судна.

Вот уж правда: куда на выдумки природа таровата.

На снимке: морская стеклянная губка.

От гидрографии до кадастра

В 1767 году в России было учреждено главное управление водных коммуникаций, положившее начало более планомерным работам по исследованию и описанию водных путей страны. А задолго до этого, еще в 1627 году, был составлен труд «Древняя Российская Идрография, содержащая описания Московского государства рек, протоков, озер, кладезей и какие на них города, и на каком они расстоянии». Опубликован он был лишь в 1773 году известным просветителем Н. И. Новиковым. Это был первый предшественник современного Кадастра поверхностных вод СССР, составленного Государственным гидрологическим институтом.

В городе Сысерти по улице Тимирязева, на задах уютного дома, есть липовая аллея. Этот замечательный уголок природы имеет интересную историю.

В семье учительницы Александры Сергеевны Лирман было семеро детей. Возле огорода родители посадили в честь каждого ребенка тридцать лип, устроили здесь цветник. С малых лет детям было наказано беречь и растить липы, ухаживать за цветами.

Шли годы, десятилетия, и выросла красивая аллея.

Сестры Надя, Маша и Шура посвятили свою жизнь, как и мать, учительскому труду, каждая из них работала в школе по полувеку. Нескольким поколениям сысертцев они дали образование. И, главное, они прививали детям любовь к природе.

Многолетняя учительская работа сестер Лирман отмечена наградами, а Александра Константиновна удостоена ордена Ленина, ей присвоено звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Торжественные и величавые липы стоят и поныне.

Ищи ветер в небе

Как узнать, какие ветры и куда мчатся над землей на больших высотах? В Англии начато производство дрейфующих радиозондов для запуска в верхние слои тропосферы. На борту каждого зонда — комплект приборов, измеряющих температуру и давление воздуха, а также радиопередатчик для «докладов» наземной станции. Следят за высотными радиозондами радары. Так оперативно узнают метеорологическую обстановку, какие ветры и куда дуют на больших высотах.

Не цветет, а плодоносит

Яблоня, которая растет на приусадебном участке учителя-пенсионера Ф. Тарасенко в поселке Воронез Сумской области, удивляет и опытных садоводов. Не расцветая, дерево ежегодно приносит урожай. И так каждую весну — на яблоне не бывает ни одного цветка, а ветви покрываются завязью плодов. Растут яблоки по пять-шесть штук вместе,

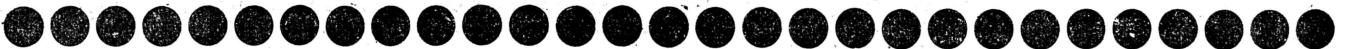
то есть кистями, и каждое яблоко весит 150 граммов.

Развитие плодов без цветения и опыления непосредственно из почек — явление чрезвычайно редкое, комментируют ученые. Плоды этой редкостной яблони — без семян. Черенки чудо-яблони, привитые на обычной яблоне, сохраняют способность не цвести, но плодоносить.

Дубовый шелкопряд

Издавна питательной базой бабочки-шелкопряда являются тутовые деревья. От них она и название получила — тутовый шелкопряд. В Ферганской и Гиссарской долинах, в долинах рек Зеравшан, Пяндж, Сурхоб — огромные тутовые леса. Отсюда шелковые комбинаты получают сырье для выработки красивых тканей.

Недавно селекционеры нашли нового прядильщика, который живет в жарких местах на дубовых деревьях и питается их листьями. Этот вид шелкопряда скрестили с теми, что живут на тутовом и касторовом деревьях и папайе. Опыты дали хорошие результаты. Значит, скоро начнет выдавать продукцию дубовый шелкопряд.

Далматово

Первые русские поселения в Зауралье возникли в XVI веке на реках Тавде и Туре, затем — на плодородных землях в долинах Исети, Миасса и среднего Тобола.

В 1644 году на Исети был основан Далматов монастырь. Архивы, сохранили имена строителей. Старшим был «опытный в каменном деле тюмонец» Иван Борисов Сорока, его помощниками были Емельян Гулков, Антон Зубов, Миней Полескин, Михаил Цаплин, Сысой Агафонов, Данил и Роман Громыхаловы.

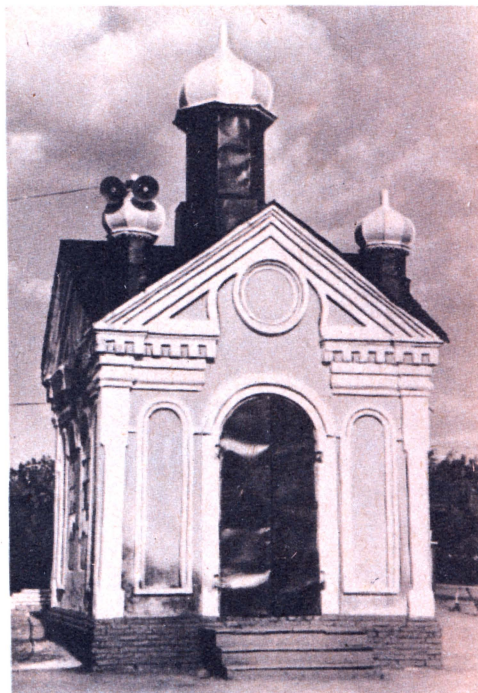
Иван Сорока и его товарищи соорудили церковь и крепостные стены монастыря, украсили сооружения художественным орнаментом. В первой половине XVIII века строительство Далматовской монастырской крепости было закончено. Это — кирпичное сооружение в виде неправильного шестиугольника, площадью 4,5 гектара, стены которого были толщиной в 3,5 метра и высотой до 6,5 метра. Над ними возведены башни-бастионы высотой более 20 метров. Мощные ворота закрывали доступ в монастырь.

В 1774 году почти весь февраль пугачевцы вели осаду Далматова монастыря. На штурм было брошено около пяти тысяч человек. Но взять монастырь так и не удалось.

В духовном училище Далматовского монастыря учились писатель и краевед А. Н. Зырянов, известный полярный путешественник, этнограф и писатель К. Д. Носилов, активный участник социал-демократического движения в России, соратник В. И. Ленина, близкий друг А. М. Горького И. П. Ладыжников, великий русский ученый, изобретатель радио А. С. Попов.

Далматов монастырь — замечательный памятник архитектуры первой половины XVIII века. Но сейчас от него остались, как говорится, рожки да ножки. До сих пор, к сожалению, здесь размещаются производственные цехи Далматовского завода «Молмашстрой».

На снимках: часовня Далматовского монастыря; кирпичные кружева ворот старинного особняка в Далматове.

ПОДРОСТОК НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Фото Альгимантаса ЖИЖЮНАСА (г. Вильнюс). На мосту.

Это началось ярким солнечным днем. Пришла газета с таблицей очередного тиража лотереи, и выяснилось, что весь девятый «а», купивший билеты вскладчину, стал обладателем

выигрыша — автомашины «Жигули». Тридцать два ученика — и один выигрыш! Как поступить?.. И стали накручиваться события, смешные и грустные...

**КОМИЧЕСКОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ В ДИАЛОГАХ «ВЕЗЕТ ЖЕ ЛЮДЯМ!» ЛЬВА КВИНА
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.**